

ПРОФ. И. А. ШЛЯПКИНЪ.

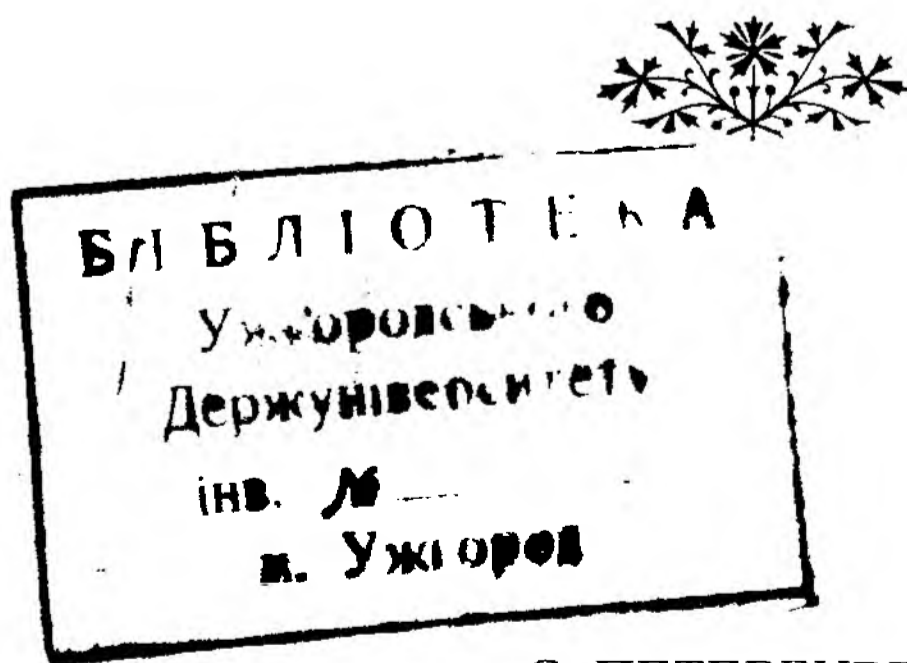
Русская Палеографія

по лекціямъ, читаннымъ

въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ

Археологическомъ Институтѣ.

Перепечатано съ изданій слушателей 1905—1907 гг.
съ разрѣшенія, но безъ просмотра автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.

1913.

На правахъ рукописи.

Исправлено и дополнено подъ редакціей слушателей II-го курса
Л. Н. Погожевой и А. А. Штольценбургъ.

Издаль членъ-сотрудникъ ИМПЕРАТОРСКАГО
Археол. Инст. *М. И. Михайловъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Палеографія по точному переводу съ греческаго (παλαιός—древній, γράφω—пишу)—значить „древне-писаніе“. Палеографія поэтому есть дисциплина, которая разбирается въ техникѣ древнихъ письменъ и старается опредѣлить время той или другой надписи или рукописи.

Наукой, въ точномъ смыслѣ этого слова, палеографія назваться не можетъ. Всякая наука имѣетъ свою область, въ которой она должна быть безошибочна. Такихъ непреложныхъ законовъ у палеографіи нѣтъ: одинъ специалистъ, напримѣръ, скажетъ о какомъ-нибудь предметѣ, что онъ принадлежитъ такому-то вѣку, а другой отнесетъ тотъ-же предметъ къ другому вѣку. У палеографіи нѣтъ научныхъ методовъ, но какъ вспомогательная дисциплина она имѣетъ большое значеніе. Можно еще выразиться такъ: палеографія есть сумма свѣдѣній о разнаго рода письменахъ.

Съ нею тѣсно связаны: археографія, изучающая памятники письменности съ внѣшней ихъ стороны, и дипломатика („актологія“)—наука объ актахъ, документахъ—преимущественно историческихъ.

Палеографія имѣетъ значеніе не только для археолога или историка: изучающимъ литературу она можетъ помочь при опредѣленіи времени списка того или другого произведенія, юристу она поможетъ отличить подложный документъ отъ настоящаго (особенно важно въ вопросахъ о наслѣдствахъ, при разсмотрѣніи генеалогическихъ документовъ).

Занимаясь палеографіей, надо быть крайне осторожнымъ при постановкѣ приговора о времени того или другого памятника письменности: не говоря уже о поддѣлкахъ, иногда артистически исполненныхъ, нужно помнить о возможности копій и реставрацій, сдѣланныхъ еще въ отдаленное отъ насъ время. Надо еще замѣтить, что при опредѣленіи времени той или другой надписи или рукописи, лучше ставить болѣе позднее, чѣмъ раннее опредѣленіе даты письма.

Палеографія можетъ быть египетская, греческая, римская, русская и такъ далѣе.

Русская палеографія дѣлится на три отдѣла, по областямъ письменности: 1) Палеографію надписей¹⁾ на всевозможнаго рода предметахъ, 2) Палеографію исключительно рукописей, съ самаго основанія русской письменности и 3) Палеографію шрифтовъ (книжный отдѣлъ) съ 16 вѣка²⁾.

1) Пр. Срезневскій въ вещевой палеографіи предлагаетъ, въ зависимости отъ расположенія надписи, слово „напись“

2) Этотъ отдѣлъ не входитъ въ данное руководство, т. к. пр. Шляпкинымъ не читается.

§ 1. Общій характеръ памятниковъ вещевой палеографіи.

Къ вещевой палеографіи относятся надписи, сдѣланныя:

1) На металлахъ: на золотѣ—выпуклыя и врѣзанныя; на серебрѣ—врѣзанныя и накладныя; на мѣди—выпуклыя, врѣзанныя и нацарапанныя; на свинцѣ—большею частью выпуклыя, штампованныя; на сплавѣ (мѣдь въ складняхъ и крестахъ) ¹⁾; на луженомъ желѣзѣ—выпуклыя надписи на сосудахъ, стаканахъ (18 вѣкъ). ✕

2) На эмали или финифти (или, какъ ее прежде называли, „ценинѣ“). Финифть—это глазурь, накладываемая на металлъ, большею частью на мѣдь. При Петрѣ I дѣлались изразцы-глазурь на глинѣ. Профессоръ Шляпкинъ видѣлъ въ одной церкви изразцы въ барабанѣ купола: кирпичи изъ сырца, буквы покрыты глазурью по глинѣ и обожжены (о финифти написалъ изслѣдованіе Забѣлинъ).

3) На камняхъ. Надписи выпуклыя и врѣзанныя (последнія съ 16 в.); на гранитѣ, песчаникѣ, известнякѣ или мраморѣ (Гмутараканскій камень). Для болѣе точнаго опредѣленія самого камня или мѣста, откуда онъ можетъ быть вывезенъ, слѣдовало-бы, пожалуй, призывать минералога (около Владиміра-Волынскаго есть каменный крестъ, который былъ найденъ въ землѣ на глубинѣ одной сажени. Крестъ этотъ особенный, со впадинами, въ которыя могли быть вложены когда то надписи. Надписей теперь никакихъ нѣтъ. Существуетъ предположеніе, что это есть крестъ, поставленный въ 13 в. надъ Климомъ Христинычемъ, упоминаемый въ лѣтописи: „его-же крестъ и донынѣ стоитъ“. Очевидно, крестъ привезенъ издалека, потому что на пятьдесятъ верстъ въ окружности не встрѣчается камня подобной ему породы).

Сюда-же относятся надписи мозаичныя. Въ Византіи мозаику дѣлали изъ кусочковъ стекляннаго сплава „смальты“, а также и изъ камушковъ.

¹⁾ Чтобы опредѣлить по сплаву вѣкъ данной вещи, надо произвести химическое изслѣдованіе ея.

У насъ тоже была попытка дѣлать мозаику изъ камушковъ, но въ большинствѣ случаевъ наша мозаика стеклянная. Вообще мозаичныхъ надписей у насъ мало.

4) На кости. У насъ вырѣзались образки по образцу Византіи изъ привозной слоновой кости, а въ 15 и 16 вѣкахъ и изъ другихъ сортовъ кости, на примѣръ изъ моржовой. Не раньше 16 вѣка появились издѣлія и изъ перламутра (дорогъ—рыбій зубъ нашихъ былинъ).

5) На глинь: кирпичачъ-сырцахъ, „голосникахъ“, черепицахъ. Цѣльной надписи на кирпичачъ-сырцахъ почти не бываетъ, но отдѣльныхъ буквъ на нихъ (вродѣ тавра) много. На одномъ лишь кирпичѣ 15 или 16 вѣка имѣется цѣльная надпись: „Кириллъ“. Даже на кирпичачъ 12 вѣка, найденныхъ при разборкѣ Мстиславовой постройки, существуютъ буквы. Иногда встрѣчаются надписи на „голосникахъ“. Эти голосники-кувшины вкладывались въ стѣны храмовъ для поглощенія лишнихъ звуковыхъ волнъ и въ своды церковные для облегченія ихъ, потому что въ старину часто своды обрушивались. На одномъ голосникѣ, вынудомъ при реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора, нацарапаны имя и очень красивой формы крестъ.

6) На штукатуркѣ. Въ 11 и 12 вѣкахъ у насъ употреблялась розовая штукатурка: брали красный кирпичъ, толкли его, смѣшивали съ известью и клали смѣсь между камнями. Съ 12 до 14 вѣковъ употреблялась известь „кипѣлка“. Первую, розовую известь можно было мочить, а вторая отъ воды пучилась. Поэтому въ 12 вѣкѣ стали класть въ „кипѣлку“ склеивающія вещества, на примѣръ хлѣбную клейковину. Потому въ ней иногда находимъ хлѣбныя зерна. Съ 17 вѣка появляется уже обыкновенная теперешняя известка. На всѣхъ этихъ трехъ сортахъ извести находятся надписи и, сообразно тому, на какомъ именно сортѣ извести найдена надпись, къ тѣмъ вѣкамъ и относимъ ее: на розовой—къ 11 и 12; на бѣлой—„кипѣлкѣ“—къ 12 и 14; на обыкновенной—надписи уже съ 17 вѣка.

Надписи на штукатуркѣ дѣлятся на три отдѣла: „граффити“ (graffiti), фрески и надписи масляной краской.

Граффити. Это надписи-царапки-вродѣ того, что теперь встрѣчаются на скамьяхъ и стѣнахъ. Но тогда онѣ имѣли совсѣмъ иной смыслъ: онѣ сохранились на стѣнахъ церквей и принадлежать ко времени съ 11 по 14 вѣкѣ. Ихъ осталось немного и онѣ имѣютъ большое бытовое значеніе. Еще и теперь существуетъ у богомольныхъ людей обычай: „ex voto“, въ благодарность за исцѣленіе вѣшать на образа серебряное изображеніе руки, ноги. А въ старину это замѣнялось надписью, нацарапанной на стѣнѣ: „Господи, помози рабу Твоему“ (имя) и „нозѣ“, и тутъ же

выцарапано изображение ноги. Еще надпись: „Въ утѣсненіи тязцѣ“. Иногда выцарапывалась цѣлая молитва, какъ на примѣръ въ Старой Ладогѣ нашли молитву: „Нынѣ силы небесныя...“, что особенно интересно потому, что надпись эта 12 вѣка, а молитва эта нигдѣ не была записана раньше 14. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть граффити отъ 1128 года. Встрѣчаются граффити заговорнаго типа.

Фресковыя надписи, на фресковой живописи. По нимъ можно узнать время самихъ фресокъ, какъ на примѣръ это было съ фресками въ барабанѣ Софійскаго Новгородскаго собора, на балкахъ новгородской-же церкви Теодора Стратилата, въ нѣсколькихъ Ярославскихъ церквахъ и на развалинахъ дворца Юанна Грознаго въ Старицѣ.

Фрески (al fresco calce), какъ показываетъ само названіе, — живопись на свѣжей, сырой извести, которая имѣетъ свойство впитывать въ себя краску. Фресковая живопись отличается необыкновенной прочностью красокъ.

Наконецъ, съ 18 вѣка надписи масляной краской.

7) Надписи на деревѣ; рѣзные, выпуклыя на кипарисѣ, соснѣ, ели и дубѣ. Врѣзанныя надписи по дереву встрѣчаются рѣдко, и то не раньше 18 столѣтія. Тогда какъ выпуклыя бываютъ очень старинныя: съ 15 вѣка. Надписи попадаются на рѣзныхъ образкахъ конца 15 и начала 16 вѣка. Появленію рѣзныхъ образковъ способствовали отчасти ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ, отчасти близость Новгорода къ католическому міру. Замѣчательно по рѣзбѣ царское мѣсто Ивана Грознаго 16 вѣка.

Въ 17 вѣкѣ появляется новый типъ рѣзбы по дереву: пряничныя доски. Потомъ надписи на доскахъ для набойки.

8) На тканяхъ. Вопросъ этотъ еще очень мало разработанъ (сочиненіе Бока). При обследованіи надписей на тканяхъ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній. На примѣръ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ показывается куколь 14 вѣка Преподобнаго Сергія, а надпись на немъ ИСУСЪ, гораздо болѣе поздняя. Оказывается, что въ 18 вѣкѣ обветшавшую надпись поддѣлали и надпись сдѣлали уже 18 вѣка. Подобное явленіе встрѣчается не только у насъ: Бокъ въ Коптскихъ древностяхъ видѣлъ у Абиссинцевъ поддѣлки въ вещахъ 7 вѣка. То-же случилось съ надписью на шапочкѣ Никиты Новгородскаго. Бываютъ надписи, затканныя по шелку или холсту шелками, золотомъ и серебромъ. Надписи и крестъ чернилами на старыхъ антиминсахъ (въ 16 вѣкѣ антиминсы дѣлались маленькихъ размѣровъ).

Рядомъ съ чернильными надписями слѣдуетъ поставить набивныя. Такъ какъ ситцевъ прежде не было, то у богатыхъ людей съ 17 и

18 столѣтій росписывались холсты и ихъ прибавляли къ стѣнамъ. Звались эти холсты „обойками“—наши обои. Крестьяне, которые этимъ занимались, дѣлали формы съ узорами и на нихъ печатали эти холсты. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ былъ купецъ Бурилинъ, у него была богатая коллекція такихъ формъ. У Маковского есть скатерть 17 вѣка, изображающая сказку о Бовѣ-Королевичѣ, съ надписями на выворотѣ.

9) На воскъ — печати.

Самымъ лучшимъ способомъ для изученія палеографіи былъ-бы идеальный музей, гдѣ были-бы собраны всѣ надписи, которыя, такимъ образомъ, наглядно и изучались бы. Но это, конечно, невозможно. У насъ, если и бываютъ небольшія собранія надписей, то не въ оригиналахъ, а въ снимкахъ, а снимки, особенно фотографическіе, не даютъ часто никакого представленія о надписи въ настоящемъ ея видѣ. Имѣющіеся у насъ общедоступные снимки сдѣланы гравюрой, литографіей, хромолитографіей и фотографіей съ разными техническими ея примѣненіями: фотогравюрой, фототипіей, цинкографіей и т. д. Рѣдко, какъ на примѣръ въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, имѣются раскрашенные снимки—слѣпки и эстампажи съ нашихъ древнихъ памятниковъ.

Снимки, сдѣланные гравюрой съ древнихъ русскихъ надписей, относятся къ концу 18 и къ началу 19 вѣковъ и не всегда отличаются точностью: художники болѣе обращали вниманіе на общее впечатлѣніе, оставляя детали въ сторонѣ, дѣлали красиво, но не похоже.

§ 2. 0 поддѣлкахъ древностей.

Слѣдуетъ замѣтить, что раньше, чѣмъ приступать къ съемкѣ какой-бы то ни было надписи, надо навести справки о происхожденіи того самаго предмета, на которомъ находится надпись. Хотя поддѣлываніе нашихъ древностей не широко еще распространилось, тѣмъ не менѣе подобнаго рода образцы стали заводиться уже съ 17 вѣка.

Поддѣлывали нѣкоторыя рукописи, нѣкоторыя сказанія. Для того, чтобы ихъ поддѣлать, надо было изучить цѣлый рядъ памятниковъ, дабы известнаго рода документъ или памятникъ носилъ характеръ тождественный съ настоящими. Несомнѣнно далѣе, что позже, въ Петровское и позднѣйшее время, подобнаго рода поддѣлки нашей письменности встрѣчаются особенно часто. Не будемъ останавливаться на фабрикаціяхъ 16 вѣка: статейномъ спискѣ Ищеина, бесѣдѣ Сергія и Германа и др. Крупная въ этомъ отношеніи и возбуждавшая большую бурю поддѣлка—это Соборное

дѣяніе Мартина Еретика. Въ 1721 году появилась книга „Пращица“, къ которой было сдѣлано приложение съ описаніемъ рукописи, послужившей якобы оригиналомъ для напечатаннаго памятника. Въ ней былъ задѣтъ одинъ изъ вопросовъ о такъ называемомъ перстосложеніи. Памятниковъ, которые бы доказывали троеперстное сложеніе, было сравнительно немного, да и были они греческими, а не русскими. Нужно было полемистамъ со стороны господствующей Церкви составить что-нибудь такое, что било бы въ глаза. И вотъ появился „оригиналь“ Соборнаго дѣянія, сочиненный, вѣроятно, авторомъ „Пращицы“ Питиримомъ. Описаніе Питирима говорило о томъ, что эта рукопись древняя и „красящаяся плѣсенью, аки сѣдиною“, что это подлинный документъ 12 вѣка, сохранившійся среди книгъ Св. Димитрія Ростовскаго. Но въ полемическомъ со старообрядцами сочиненіи „Розыскъ о брынской вѣрѣ“ святитель Димитрій ни слова не говоритъ о соборѣ на Мартина. Старообрядцы, которымъ поневолѣ приходилось имѣть дѣло съ древними памятниками, конечно, лучше знали палеографію, чѣмъ ихъ противники, и изобличили Питирима на основаніи палеографическихъ начертаній и историческихъ данныхъ: и языкъ не древній, и митрополита тогда такого не было и т. д. Вышелъ большой конфузъ, памятникъ былъ убранъ, Синодъ распорядился запечатать его, и онъ хранится теперь въ Синодальной Библиотекѣ. Какъ можно догадываться, поддѣляли этотъ памятникъ по приказу свѣше: существуетъ замѣтка Петра Великаго: „написать книжку противъ ханжей и объявить то дѣломъ Ростовскаго съ товарищи“. Можно думать, что подобнаго рода случай не былъ единственнымъ. Поддѣлывались позднѣе многочисленныя родословныя росписи. Въ двадцатыхъ годахъ 19 вѣка появилась цѣлая школа скептиковъ, которые стали отрицать почти всю русскую исторію до 14 вѣка, находя, что ранѣе мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, а все, что мы имѣемъ—это поддѣлка.

Вотъ еще примѣръ изъ литературной области. Профессору Шляпкину пришлось читать маленькую книжку покойнаго основателя Общ. любит. древней письменности, кн. Вяземскаго, о монастыряхъ на Ладожскомъ озерѣ. Тамъ разбирается исторія монастыря на о. Валаамѣ и неожиданно дѣлается ссылка на неизвѣстное сочиненіе Иларіона 11 вѣка. Было сказано, что на Валаамѣ находится такая-то рукопись съ такимъ извѣстіемъ. Когда профессоръ былъ на Валаамѣ, онъ началъ розыски этой рукописи и получилъ ее на руки. Рукопись написана почеркомъ 18 столѣтія; это еще ничего не доказываетъ: можетъ быть копія очень древняго памятника. Но формы языка и особенно свѣдѣнія о Славянахъ поразили профессора своей неожиданностью. Тутъ были гимны Перуну 5 вѣка, затѣмъ мнимыя руническія начертанія: „Нево вамъ воспою“ и

прочій вздоръ. Впослѣдствіи удалось найти и подробныя разъясненія. Оказывается, что все это сочинилъ знакомый Державина, нѣкто Сулакадзевъ: онъ былъ антикваромъ, книжнымъ торговцемъ и довольно часто преподносилъ подобныя вещи богатымъ меценатамъ за большія деньги.

Всѣ эти поддѣлки были оцѣнены Пыпинымъ въ его книгѣ: „О поддѣлкѣ рукописей“. Въ рукописяхъ палеографъ дастся въ обманъ не очень скоро: у насъ существуютъ достаточно точныя приемы, чтобы рѣшить, поддѣлана ли рукопись или нѣтъ. Чаше поддѣлки встрѣчаются въ отдѣлѣ генеалогическихъ свѣдѣній. Являются фантастическія грамоты съ ссылками на несуществующіе факты о происхожденіи того или иного дворянскаго рода.

Подобнаго-же рода приемы касались и вещественныхъ памятниковъ. Въ 90-хъ годахъ, въ Одессѣ, по инициативѣ одного еврея-антиквара, была сдѣлана по образцамъ греческаго художества золотая тиара, которая была выдана за якобы найденную тиару скиѣскаго царя Сайтаферна (3 или 1 в. до Р. Х.), давно отыскиваемую археологами. Чтобы золото, изъ котораго она была сдѣлана, не возбудило сомнѣнія, были взяты древнія золотыя монеты. Тиара эта, какъ оригиналь, была приобрѣтена за 200 т. фр. Луврскимъ Музеемъ у ловкаго антиквара, и лишь исповѣдь одного изъ соучастниковъ раскрыла обманъ. Въ Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ-Ярославскомъ поддѣлываютъ складни съ финифтью, древніе подсвѣчники, панатіи съ фальшивыми надписями, иконы, мѣдныя талеры (гривны), посуду и пр. Въ антикварныхъ торговляхъ теперь существуетъ уже довольно подобныхъ поддѣлокъ и продаются онѣ обыкновенно за сходную цѣну. Но это анонимныя вещи. Есть и болѣе важныя, хотя и спорныя фальсификаціи. Объ одномъ памятникѣ, на примѣръ, и до сихъ поръ ломаютъ копья наши ученые. Въ Эрмитажѣ (среди собраній Царскосельскаго музея) находится довольно большая, бѣлая и толстая мраморная плита съ русской надписью 11 вѣка. Первый дефектъ: никакихъ древнихъ памятниковъ этого періода мраморныхъ (кромѣ гробницъ въ Кіевѣ), мы не знаемъ. По легендѣ о Константинѣ Муромскомъ оказывается, что въ Муромѣ была мраморная мостовая и мраморная лѣстница къ Окѣ. Но мы знаемъ, что это показаніе объясняется изъ алебастровыхъ ломокъ, находящихся въ Муромѣ, и изъ народной этимологіи: Муромъ-мураморъ, мураморяный-мраморный. На плитѣ, съ краю, находится надпись такого содержанія: **ВЪ ЛѢТО 3Ф05 ІМІ 3 ГЛѢБЪ КНАЗЪ ЛѢРНІЪ М(ор) ПО ЛЕДУ СѢ ТЪ МЪ ТОРОКІАНЪ ДО КЪРЧЕВІА ѿ н ѿ СѢЖЕ(нъ)**. Оленинъ въ письмѣ къ издателю этого памятника, графу А. И. Мусинъ-Пушкину, далъ цѣлое изслѣдованіе о томъ, что это за памятникъ и откуда онъ взялся. Онъ доказываетъ, что Тмутараканское княжество, основанное Мстиславомъ, братомъ Ярослава Мудраго, было расположено у Керчи (Корчевъ) на Тамани. Такой

памятникъ указываетъ на высокую культуру: въ 11 столѣтіи памятникъ землемѣрія на чистомъ бѣломъ мраморѣ... можно было только радоваться. Филологи приступили къ памятнику: нашли языкъ правильнымъ, написано не сажень, а сажень (сажень—сягать, досягать), все древнія формы, никакихъ ошибокъ противъ языка нѣтъ. Можно было поставить вопросъ о начертаніи, но отъ 11 вѣка нѣтъ памятниковъ, съ которыми можно было-бы сравнить его. Но нашлись и скептики. Последнее сраженіе по этому поводу было между двумя большими авторитетами: Соболевскимъ и Спицынымъ, но ни въ ту, ни въ другую сторону рѣшенія не было дано. Спицынъ сомнѣвался, Соболевскій-же утверждалъ подлинность камня. Проф. Шляпкинъ принадлежитъ къ числу скептиковъ и вотъ почему. И тотъ и другой спорящіе упустили изъ вида одно маленькое свидѣтельство, находящееся въ книжечкѣ „Отечественныя Достопамятности 1824 г.“. Въ ней говорится объ этомъ камнѣ, что онъ служилъ подножіемъ какой-то статуи. Это уже подозрительно. Но вотъ еще свѣдѣніе, которое, если и не поддерживаетъ скепсиса профессора, то уничтожаетъ значеніе этого памятника. Онъ былъ найденъ въ екатерининское время (въ 1792 году), когда въ большой модѣ былъ восточный вопросъ и когда мечтали о томъ, что нужно „Аѳинамъ возвратить Аѳину (Екатерину), а Константинополь—Константину“ (т. е. Константину Павловичу). И вотъ когда объ этомъ памятникѣ узнали въ Петербургѣ, то рѣшено было привезти его сюда. Но такъ какъ въ грязномъ видѣ привезти его было нельзя, то и позвали каменотеса, который его почистилъ и подправилъ буквы, чтобы онѣ были покрасивѣе и попрямѣй. Это показаніе уничтожаетъ палеографическое значеніе камня. Любопытно, что впоследствии, кромѣ одного образка, никакихъ русскихъ древностей на Тамани не нашли: вѣроятно и Тмутаракань должна была находиться гдѣ-то по Донцу. Вотъ образчикъ того, какъ осторожно надо относиться къ древнимъ памятникамъ, даже давно извѣстнымъ.

§ 3. О чисткѣ и снимкахъ надписей вещевой палеографіи.

Итакъ: приступая къ изученію памятника, мы прежде всего должны узнать, каково его происхожденіе. Какъ только изслѣдовано его происхожденіе и степень его достовѣрности, нужно сдѣлать съ нимъ простую вещь, на которую вообще мало обращаютъ вниманія: нужно его вымѣрять, вычистить и вымыть.

Конечно, при этомъ нужно быть весьма осторожнымъ, чтобы его не повредить. Есть фреска въ Спасо-Нередицкомъ храмѣ въ Новгородѣ, изображающая князя Ярослава Владиміровича (13 вѣка). Желая узнать, была ли реставрація или нѣтъ, покойный изслѣдователь, Василій Александровичъ Прохоровъ, извѣстный издатель „Христіанскихъ древностей“, смылъ губкой княжескую шапку и тамъ оказалась вторая, немножко на бекрень. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ важное открытіе, но сырость отъ мытья распространилась дальше, и въ результатѣ по фигурѣ князя пошли потеки и попали на буквы надписи. Правда, Прохоровъ успѣлъ ихъ зарисовать, но нельзя судить о степени ихъ точности. Потомъ фрески Спасо-Нередицкой церкви были дважды перерисованы, и, кажется съ ними не церемонились: полотняныя кальки висѣли въ неотапливаемой церкви по цѣлымъ недѣлямъ. Въ настоящее время надпись почти невозможно прочесть, она вся какъ будто смыта и синій фонъ слился съ бѣлыми буквами. Вотъ какъ осторожно слѣдуетъ обращаться съ фресками при очисткѣ.

Но и съ эмалью надо тоже соблюдать осторожность. Если слишкомъ сильно тереть предметъ щеткой, то эмаль можетъ отвалиться. Затѣмъ можетъ быть такой случай, что подъ вліяніемъ спирта эмаль теряетъ цвѣтъ или получить совсѣмъ другой оттѣнокъ. Не всегда бываетъ возможно или удобно мыть металлическій предметъ.

Въ то время какъ золото отъ времени не измѣняется (чему примѣромъ можетъ послужить кладъ Александра Македонскаго, найденный въ Екатеринославской губ.), серебро, долго пролежавъ въ землѣ, дѣлается очень ломкимъ. Также надписей на мѣди лучше не мыть, ибо мѣдь также подвергается окисленію; можно съ большою осторожностью промыть ихъ масломъ. Надписи-же на луженомъ желѣзѣ очень прочны и ихъ можно чистить безъ боязни.

Если камень не известковой породы, то надпись на немъ можно вымыть водой, подкисленной уксусомъ (если эта надпись закрашена известкой), или осторожно откалывать куски штукатурки стилемъ.

Около Владиміра-Волынскаго, въ селеніи Зимино существуетъ очень древняя крипта для покойниковъ, съ надписями 17 столѣтія, русскими и польскими. Эти надписи нацарапаны на песчаникѣ и сфотографировать ихъ нѣтъ никакой возможности—ихъ можно только кое-какъ зарисовать отъ руки. Тамъ-же находится каменный крестъ; съ него снята фотографія и размѣръ. Въ самомъ монастырѣ находится древняя икона Божіей Матери, покрытая золотой ризой. Работа ризы старая, и насколько можно судить, 16 вѣка. И монашенки того монастыря, и благочинный, всѣ были увѣрены, что эта икона была принесена еще Владиміромъ Свя-

тымъ изъ Корсуня, и что оба эти предмета составляли святыню великокняжеской загородной дачи „Зимна“, т. е. прохладной. На этой иконѣ привѣшаны какіе-то кусочки. Проф. Шляпкинъ, будучи въ томъ монастырѣ, сталъ разсматривать икону и висѣвшіе на ней „кусочки“ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ собою коралль, привѣшенный къ иконѣ, а затѣмъ виситъ крохотный привѣсокъ, повидимому, изъ золота. Профессоръ сталъ внимательнѣе разсматривать этотъ привѣсокъ, и замѣтилъ на немъ надпись, неясную отъ грязи ее покрывавшей. Оказалось, что это—ковчегъ для мощей, въ видѣ крохотного желудка. Отъ сдѣланъ шестиграннымъ, и на грани видна надпись: „моци священномученика Ермолая“. Профессоръ попросилъ было позволеніе снять фотографію, но рѣшивъ, что она выйдетъ плохо, задумалъ сдѣлать гипсовый снимокъ. Надо было ковчегъ вымыть; благочинный совершилъ омовеніе и разрѣшилъ сдѣлать гипсовый снимокъ. Вещь оказалась 15 вѣка и совершенно сходная по начертанію буквъ съ крестомъ св. Параскевы въ Полоцкѣ.

Вообще—осмотръ предмета дѣло не простое, а требующее большого вниманія. Положеніе надписи не всегда бываетъ удобно для его обозрѣнія. Она иногда можетъ находиться на крышѣ церкви, на мѣдномъ листѣ или на крестѣ, увѣнчивающемъ куполь храма. Такая надпись на мѣдномъ листѣ обнаружена во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (издана Н. П. Лихачевымъ и заключаетъ запись о землетрясеніи 14 вѣка). Надпись иногда выцарапана сбоку креста или на ободѣ иконостаса (профессоръ подразумѣваетъ не все устройство иконостаса, а отдѣльно поставленные образа, какъ ставятъ у насъ у клиросовъ гдѣ поютъ пѣвчіе). Такой иконостасъ, извѣстный подъ названіемъ „Вщижскій“ представляетъ родъ ажурной мѣдной арки на двухъ столбахъ. На ободѣ надпись крохотными буквами: „Господи, помози рабу Своему Дмитрію“ (этотъ „иконостасъ“ хранится въ московскомъ Историческомъ музеѣ. Это собственно говоря, подсвѣчникъ, и свѣчи вставлялись на острія, расположенныя на дугѣ „иконостаса“). На одной эрмитажной серебряной гривнѣ (обрубокъ серебра) находятся надписи, которыя приходится читать въ лупу. Встрѣчаются надписи на бахромѣ покрыва на иконѣ Вогородицы „Достойно“ и пр.

О снимкахъ надписей съ каменныхъ, металлическихъ и друг. предметовъ. Самый лучший, конечно, способъ—снять съ даннаго предмета фотографію или эстампажъ. Вычистивши его, освѣтить вспышкой магніи или ждать такого освѣщенія солнцемъ, когда въ надписи, выпуклой, или врѣзанной, будутъ свѣтовые оттѣнки. Внутри помѣщенія это можно устроить, хотя, если помѣщеніе не велико, то дымъ отъ магніи можетъ

затемнить снимокъ. Если надпись на предметѣ идетъ кругомъ, какъ на-
примѣръ на колоколѣ, то надо дѣлать четыре снимка—со всѣхъ четы-
рехъ сторонъ, чтобы вышла вся надпись. На воздухѣ снимать гораздо
труднѣй: нужно производить снимки особымъ аппаратомъ, чтобы не было
абберраціи, и выжидать удобнаго освѣщенія: тогда лишь получится удовле-
творительный фотографическій снимокъ.

Надписи на эмали иногда приходится фотографировать черезъ
цвѣтное стекло (дополнительный цвѣтъ). При сниманіи мозаичныхъ над-
писей надо предварительно ихъ „накатывать“, т. е. войлочнымъ вали-
комъ, намазаннымъ краской (горячая вода, медь или гумми-арабикъ и
сажа) прокатываютъ по мозаичной вещи. Тогда выпуклыя части дѣ-
лаются черными и выходятъ на фотографическихъ снимкахъ очень
рельефно. Необходимое правило—снимать съ каждаго памятника фото-
графію и до очистки и промывки его. Надписи на штукатуркѣ—фото-
графировать.

Надписи на деревѣ—снимать эстампажъ.

На тканяхъ—фотографировать, но непременно и изнанку.

На воскѣ—фотографировать; также на кожѣ и пергаментѣ.

Но вѣдь раньше фотографіи не было, а между тѣмъ есть памят-
ники, которые исчезли и сохранились отъ нихъ только рисунки (напри-
мѣръ надписи въ пещерѣ Іоанна въ Кіевѣ). Снимки эти раздѣляются на
два класса: на художественные и чертежные (прорисованные). Если
снимокъ дѣлалъ настоящій художникъ, то въ большинствѣ случаевъ его
рисунокъ никуда не годится въ палеографическомъ отношеніи. Суще-
ствуетъ альбомъ Бороздина, изданный въ 1820 г. (въ Спб. Пуб. Библіо-
текѣ): цѣлый рядъ акварелей, исполненныхъ очень хорошо, но сообразно
требованіямъ тогдашняго искусства, художникъ импровизировалъ, и над-
писи зарисованы прямо фантастическія. Возьмемъ прекрасные рисунки
Солнцева, издателя „Древностей Россійскаго Государства“, сдѣланные
по приказу Императора Николая I: для палеографіи они являются весьма
неудовлетворительными. Проф. Шляпкинъ сравнивалъ нѣкоторые пред-
меты: то, что дано въ изданіи Солнцева, даетъ превосходное худо-
жественное впечатлѣніе, но надписи никуда не годятся. Встрѣчаются
ошибки и въ колоритѣ: на омофорѣ Моисея, епископа Новгородскаго
(14 вѣка) перепутаны краски—красная и зеленая.

Снимки, сдѣланные чертежниками, бываютъ болѣе цѣнными, но
такъ какъ дѣлалъ ихъ человѣкъ въ простотѣ душевной, то часто попа-
далъ въ просакъ: онъ принималъ грязь и пыль за начертанія и ставилъ
несуществующія черточки. Это можно видѣть на кальковыхъ снимкахъ
граффити Софійскаго Новгородскаго собора. Рисовалось это въ девяно-

стихъ годахъ прошлаго столѣтія; чертежникъ-десятникъ не зналъ славянской палеографіи и ставилъ въ буквахъ черты тамъ, гдѣ онѣ не существуютъ. Онъ не догадывался почистить иногда надпись щеткой, и потому нѣкоторыя дѣйствительныя черты, скрывавшіяся подъ слоемъ пыли, не были зачерчены.

Разсказъ профессора Шляпкина, иллюстрирующій, до какой степени можно полагаться на рисунки. „Въ новгородскомъ кремлѣ находится, читалъ я у разныхъ изслѣдователей, каменный крестъ чернеца Симеона 13 вѣка. Этотъ „Аркажскій“ крестъ извѣстенъ въ литературѣ, благодаря указаніямъ почтеннаго новгородскаго археолога арх. Макарія. Макарій вѣроятно призвалъ семинаристовъ и поручилъ имъ сдѣлать карандашные снимки съ креста. Эти снимки были сообщены Срезневскому. Тотъ занесъ ихъ въ свою книгу „Славяно-русская палеографія“, а еще раньше помѣстилъ снимокъ въ своихъ „Памятникахъ русскаго письма и языка“. Когда я былъ въ Новгородѣ для копированія надписей, я былъ прежде всего поставленъ въ затруднительное положеніе—отыскать этотъ крестъ. Мнѣ никто не могъ сказать, куда онъ дѣвался, а крестъ большой, около сажени. Никто изъ старожиловъ ничего о немъ не зналъ. Сталъ я спрашивать, сталъ собирать топографію.—У Никольской часовни.—Гдѣ Никольская часовня?—Да вотъ эта Никольская часовня.—Домъ двухъэтажный, внѣ кремлевскихъ стѣнъ. Иду туда.—Есть у васъ какіе-нибудь кресты?—Есть.—Радуюсь, поднимаюсь по лѣстницѣ. Оказывается, самые обычные два креста, обычная надпись: ІС. ХС. НИКА, и все замазано краской. Я пришелъ въ отчаяніе. Наконецъ сторожъ сжалился надо мной, такъ какъ я ему далъ на чай. „А вотъ что я вамъ скажу, баринъ, можетъ еще есть крестъ, только трудно къ нему попасть. Онъ вотъ здѣсь, въ иконостасѣ, въ постаментѣ“. Я говорю: „Нельзя-ли этотъ постаментъ сломать?“—„Да и ломать не нужно, можно вынуть“. Я отправилъ своего одного спутника туда внизъ, подъ постаментъ. Онъ зажегъ свѣчку. „Да тутъ, говоритъ, большое помѣщеніе“.—„А крестъ?“—„Вотъ онъ въ стѣнѣ здѣсь задѣланъ“. Я всунулъ туда и посмотрѣлъ: тотъ самый крестъ, но въ какомъ видѣ! Онъ прежде всего былъ покрытъ слоемъ штукатурки, по которой стекла синяя краска. Я убѣжденъ, что не дай я двугривеннаго на чай, крестъ этотъ оказался бы для меня пропавшимъ. Надо было попробовать очистить, да такъ, чтобы не изцарапать камня. „Попробуемъ, говорю я, верхній слой содрать стилемъ“ (стиль—это скульптурная лопаточка, деревянная или стальная). Начинаемъ скоблить, отваливается известка и за ней второй слой масляной краски. У насъ въ запасѣ было съ собой зеленое мыло; имъ мы покрыли всю масляную краску и заявили, что придемъ на слѣдующій день. Когда мы пришли на другой день, то мыло отѣло краски; мы вымыли крестъ и сняли съ него эстампажъ. Оказалось, что въ надписи, сообщенной Срезневскому, начертанія были не тѣ, которыя существуютъ въ дѣйствительности, на примѣръ, буква „м“ имѣетъ совершенно иныя очертанія, съ перекалиной и остріемъ. А между тѣмъ указаніе на это „м“ вошло въ курсъ палеографіи, и другіе пользовались имъ, повторяя такимъ образомъ мнимые палеографическіе признаки 13 вѣка.

Вотъ какого рода вещи могутъ быть, если мы будемъ полагаться на снимки отъ руки лицъ, не знакомыхъ съ палеографическими приѣмами. Но вообще съ реставраціями у насъ дѣло обстоитъ плохо“.

Очень печально, но приходится говорить о порчѣ русскихъ древностей даже специалистами. Существуют знаменитыя „Корсунскія“ врата въ томъ же Новгородѣ. Они извѣстны въ безчисленныхъ снимкахъ. На нихъ русскія надписи, которыя были сообщены въ первомъ же описаніи вратъ Аделунга. Между снимкомъ Аделунга и Корсунскими вратами сходства мало (надписи не разъ были фотографированы и вошли напр. въ изданія Полевого, Кондакова, Новицкаго). Когда происходила реставрація Новгородскаго Софійскаго собора, оказалось, что эти ворота были въ старину наколочены на деревянную основу недостаточно аккуратно: надписи цѣликомъ снять было трудно. При реставраціи собора ихъ выпрямили. Профессоръ Шляпкинъ и бывшіе съ нимъ экскурсанты видѣли, какъ происходила реставрація этого памятника. Врата были разобраны, части равняли и напильникомъ выпиливались отдѣльные кусочки. Такимъ образомъ теперь Корсунскія врата совершенно прямолинейны и „новы“. Въ одной провинціальной архивной комиссіи говорили: „вотъ эти древнія двери виду не имѣютъ, покроемъ свѣжей краской тѣ мѣста, которыя были закрашены краснымъ и дорисуемъ узоры“. О гибели древняго нашего иконописанія (въ частности для насъ—иконъ съ надписями), при невѣжественныхъ иконописцахъ и говорить нечего. Всѣ эти случаи приводятся профессоромъ, чтобы указать, какъ надо быть осторожнымъ при разсматриваніи, очисткѣ и копированіи всевозможныхъ надписей.

Итакъ, прежде всего, при съемкѣ предметовъ большихъ и мелкихъ нужно руководствоваться слѣдующимъ: сначала необходимо памятникъ вычистить, вымыть и затѣмъ снять фотографію или эстампажъ.

§ 4. Лекція проф. Шляпкина объ отливкѣ гипсовыхъ оттисковъ и изготовленіи эстампажа ¹⁾).

„Для меня является болѣе важнымъ произвести первый опытъ съ камня хотя по порядку прочности надписей я долженъ былъ бы первый опытъ дать съ металла.

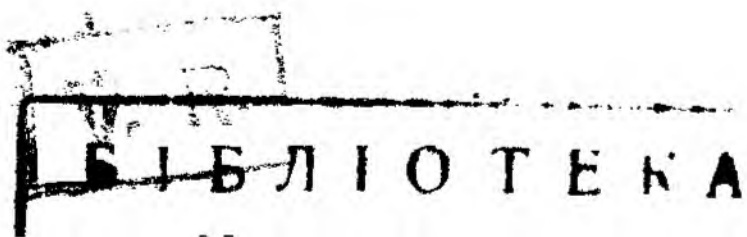
„Вотъ фильтровальная бумага и средней крѣпости головная щетка съ ручкой. Предметъ я буду брать не весь, а только нижнюю его часть. Прежде всего я постараюсь его очистить отъ всякаго рода налетовъ. Здѣсь эта работа уже произведена, хотя и не совсѣмъ удачно: песчаникъ твердый, и можно его прочи-

¹⁾ Объясненія сопровождались опытомъ, для чего были взяты камен. крестъ изъ музея Института и серебряный рубль.

стить щеткой, чтобы рельефы сильнѣе выступили. Теперь нужно приладить сантиметръ и снять фотографію. Если памятникъ будетъ находиться отдѣльно, какъ здѣсь, то это удобно,—можно такъ повернуть его, чтобы на него падалъ свѣтъ. Но если онъ представляетъ собой массу, которую нельзя повернуть, то нужно ждать удобнаго момента, чтобы на него падали лучи солнца. Для снимка можно употребить способъ накатыванія—способъ, который употребляется при обыкновенномъ гектографѣ: берется валикъ, пропитанный извѣстнаго рода массою, и затѣмъ этимъ валикомъ проводятъ по памятнику. Но при этомъ, если вы, покрывъ памятникъ этою массою, уйдете, масса можетъ испортить надпись; а иногда портится самый камень, когда вы начинаете смывать массу, если попадется мягкій сортъ камня. Поэтому накатка нежелательна на камнѣ, на мраморѣ-же особенно на каррарскомъ, ее вполне можно производить. Большинству изъ васъ извѣстна разница между каррарскимъ и кастильянскимъ мраморомъ: кастильянскій мягче, прозрачнѣе, изъ него у насъ имѣется масса мелкихъ статуэтокъ. Каррарскій мраморъ твердъ: статуи Лѣтняго сада, сдѣланныя изъ него, несмотря на то, что почернѣли, сохранились хорошо.

„Но если для фотографіи надо рѣзче обозначить надпись, что-же намъ дѣлать? Обыкновенно поступаютъ такимъ образомъ: берутъ толченый уголь, разводятъ его съ водою, прибавляютъ самое незначительное количество гумми-арабику (если вы заготовили полъ стакана, то довольно щепотки гумми-арабика), и затѣмъ этимъ составомъ покрываютъ предметъ или валикомъ, если надпись позволяетъ прокатиться валикомъ, или, какъ здѣсь, кистью, отъ руки затемнить выпуклыя части. Самое лучшее соединить эти два способа: сначала провести валикомъ, а потомъ покрыть и отъ руки. По окончаніи съемки уголь легко стирается. Но при этомъ способѣ не будетъ особенной точности: субъективныя особенности мелкаго памятника исчезнутъ. Поэтому вообще рекомендуется снять памятникъ дважды: самъ по себѣ, не окрашенный, и потомъ уже послѣ окраски.

„А вотъ способъ сниманія эстампажа. Я беру памятникъ и смачиваю его водой, потомъ удаляю лишнюю воду—поверхность остается сырою. Беру листъ фильтровальной бумаги, накладываю ее на надпись и начинаю выбивать щеткой; бумага начинаетъ лущиться. Можетъ быть къ концу лекціи, или къ слѣдующему разу вы увидите самый эстампажъ. Теперь, если я сниму эту бумагу, она дастъ точный оттискъ. Но возможно и то, что когда я буду ее снимать, она выйдетъ съ дырками, во избѣжаніе этого, накладываю новый листъ. Я рискую теперь тѣмъ, что получу не совсѣмъ точную копію, но негативъ (т. е. обратная сторона) у меня выйдетъ хорошо. Если вамъ придется дѣлать снимокъ не съ такой маленькой вещи, а съ большой, то необходимо брать не только два листа, а четыре, и даже больше, смотря по величинѣ памятника. Если эстампажъ на вертикальной плоскости, то онъ можетъ держаться и водой, а если онъ держаться не будетъ, его надо прикрѣпить пластелиномъ или кнопками. При эстампажѣ нѣтъ надобности снимать сантиметромъ величину. Нѣкоторые рекомендуютъ покрывать лакомъ эстампажъ послѣ того, какъ онъ высохнетъ. Это часто дѣлаютъ ученые, когда снимаютъ греческія надписи: они берутъ обыкновенный бѣлый лакъ и имъ пульверизируютъ эстампажъ, который послѣ того дѣлается такимъ твердымъ, что если его положить въ чемоданъ, а сверхъ него наложить еще вещи, онъ не сломается. Но этотъ пріемъ имѣетъ то неудобство, что въ тонкихъ мѣстахъ онъ какъ бы собираетъ эстампажъ и надпись появляется не совсѣмъ точной.

„Въ болѣе мелкихъ памятникахъ манипуляція сложнѣе. Мы займемся теперь приготовленіемъ россійскихъ монетъ изъ гипса. Вотъ я беру рубль хорошаго чекана. Съ него надо снять снимокъ: каждому слѣдуетъ въ этомъ напрактиковаться, и тогда онъ научится воспроизводить и болѣе мелкія монеты, медали и печати. Намъ нуженъ прежде всего пластелинъ или скульптурная глина (она бываетъ двухъ сортовъ: красная или сѣрая, я беру красную, она лучше. Полъ-кило ея стоитъ 1 р. 20 к., продается она въ магазинахъ художественныхъ принадлежностей, напр. у Митрофанова или у Аванцо). Изъ этой скульптурной глины я начинаю дѣлать лепешку (матрицу) для оттиска. Когда мнѣ приходилось снимать большую вещь, я бралъ лучинки, клалъ ихъ крестообразно, или какъ позволялъ предметъ и вдавливалъ въ пластелинъ. Если я теперь прямо возьму пластелинъ и на него нажму рубль, то пластелинъ пристанетъ, и оттиска не получится. Есть средство, которое заставляетъ отставать всякую массу: это обыкновенное мыло. Но мылить каждую вещь невозможно, проще обойтись съ помощью станиола—оловяннаго листа, въ который завертываютъ чай, сыры и т. д. Есть разные №№ этого станиола, тотъ, который у меня въ рукахъ—№ 15-ый (палочка его стоитъ у Штоль и Шмидта 90 коп.). Очень важно, чтобы въ тотъ моментъ, когда я буду снимать, свинецъ этотъ не былъ смятъ. Для этого нужно сначала раскатать весь брусокъ.

„Я беру рубль, накладываю непосредственно на него станиоль съ пластелиномъ, затѣмъ втискиваю ихъ довольно энергично. Но лучше даже сдѣлать обратно: рубль вдавливать въ глину. Пластелинъ заготавливаютъ въ приблизительномъ размѣрѣ предмета. Я беру рубль и завертываю его въ свинецъ, указательнымъ и большимъ пальцемъ начинаю придавливать свинецъ такъ, чтобы онъ плотно приставалъ къ предмету: это зависитъ отъ практики. Затѣмъ монету, завернутую такимъ образомъ въ свинецъ, я накладываю на пластелинъ. Когда я буду наливать гипсъ, то можетъ выйти печальная исторія: гипсъ можетъ разлиться. Во избѣжаніе этого я беру кусокъ пластелина, скатываю изъ него валикъ и этотъ валикъ приспособляю кругомъ по фигурѣ. Затѣмъ я вынимаю осторожно монету, а свинецъ оставляю въ пластелинѣ: получается такимъ образомъ чистый негативъ—матрица для отливки.

„Теперь я долженъ приступить къ манипуляціи съ гипсомъ, и тутъ начинается довольно сложная исторія. Надо брать воду непременно кипяченую, а не изъ водопровода: въ водѣ изъ водопровода много воздушныхъ пузырьковъ, которые при отливкѣ будутъ оказывать вредное дѣйствіе и дадутъ неровности. Гипсъ я беру быстротвердѣющій, который употребляется обыкновенно при перевязкахъ (этотъ гипсъ стоитъ очень дешево). Я привезъ его въ стеклянной банкѣ съ притертой пробкой, потому что при перевозѣ гипсъ отъ сырости можетъ затвердѣть и тогда его нельзя будетъ и вынуть. Если я изъ этого бѣлаго гипса сдѣлаю отливъ и стану снимать фотографію, то этотъ гипсъ на снимкахъ не будетъ рельефенъ. Нужно, чтобы онъ имѣлъ какой-нибудь оттѣнокъ: это дѣлается при помощи золотистой охры. Можно брать для этой цѣли и розоватую мумію, (чернедь), но надо брать лучшіе сорта, такъ называемую „помпейскую“ мумію. Я кладу на полстакана воды приблизительно чайную ложку сухого гипса. Надо теперь долго трясти банку, до тѣхъ поръ, чтобы въ гипсѣ не было видно желтыхъ точекъ, чтобы онъ былъ весь ровнаго желтоватаго цвѣта. Если-же вы будете трясти гипсъ въ непрозрачной банкѣ, то можете не замѣтить, что окраска гипса неровна.

„Если печать свинцовая, хрупкая, то нажимы нужно производить не пальцемъ, а однимъ размягченнымъ пластелиномъ, надо помять его до того между пальцами: онъ поглащаетъ влагу пальцевъ и вы можете довести его до любой степени мягкости.

„Все, что мы дѣлали до сихъ поръ, были вещи всѣмъ извѣстныя. Но то, что я сейчасъ буду дѣлать, это секретъ служителей Императорскаго Эрмитажа, они меня этому и научили. Прежде всего надо изготовить воронку изъ бумаги; я скрѣпляю ее булавками, въ фунтикѣ оставляю отверстіе приблизительно величины горошинки. Если вамъ предстоитъ сдѣлать много снимковъ, вы наливаете полный стаканъ воды, а здѣсь мнѣ нужно немного и я беру неполный стаканъ. Насыпавъ гипсъ въ воронку, постукиваю пальцами и гипсъ сыплется въ воду. Оттого, что я насыпаю постепенно, у меня не образовывается пузырьковъ, которые такъ портятъ все дѣло при отливкѣ. Теперь я немного подожду, чтобы гипсъ осѣлъ. Потомъ я сливаю муть, а осадокъ быстро выливаю въ матрицу. Вотъ, собственно говоря, отливка и произведена, остается немного еще подождать, чтобы гипсъ застылъ. Если вы очень торопитесь, то можно ускорить засыханіе гипса, прикладывая протечную бумажку, но это не рекомендуется, такъ какъ при этомъ можно легко сдвинуть нижній слой гипса.

„Можно пользоваться и гальванопластикой, но это дѣло болѣе сложное. Въ 6-омъ томѣ „Древностей Московскаго Археологическаго Общества“ есть маленькая статейка, касающаяся этихъ приѣмовъ, но тамъ нѣтъ описанія мною вамъ сейчасъ показаннаго постепеннаго насыпанія гипса. Затѣмъ есть сочиненіе „Manuel du plâtre“; извлеченіе изъ него сдѣлано Ланскимъ и было помѣщено въ „Извѣстіяхъ“ нашего Института. Итакъ, палеографу для снимковъ можно пользоваться: фотографіей, эстампажемъ, отливкой изъ гипса, гальванопластикой и пр. Вообще, способовъ воспроизведенія вещевыхъ памятниковъ можетъ найтись достаточное количество. Можно съ ихъ помощью добиться большой точности, но нужно помнить, что снимокъ, какъ бы онъ ни былъ совершенъ,—никогда не можетъ замѣнить оригинала.

„Бываютъ случаи, что нельзя довольствоваться одной фотографіей, а надо снять и эстампажъ. Въ Новгородскомъ храмѣ Фрола и Лавра на Людогощинской улицѣ находится великолѣпный крестъ, рѣзной, „процвѣтшій“, работы удивительной. Крестъ этотъ вырѣзанъ изъ дерева, бревно его шестивершковое, внизу этого бревна была вырѣзана надпись. Естественное дѣло, что за это время (крестъ этотъ 14 вѣка), дерево сдѣлалось дряблымъ. Чтобы его приберечь, его красили и золотили. Къ счастью золотили только верхъ, а низъ лишь красили бѣлой краской, а потомъ маляръ выводилъ черной краской буквы, обрисовывалъ ихъ. Буквы совершенно на видъ потеряли свой древній характеръ. Фотографія дастъ намъ въ этомъ случаѣ очень немного: она покажетъ лишь современное положеніе надписи. Мы хотѣли сдѣлать эстампажъ этой надписи, хотя выпуклость была незначительна. Вы поймете, какъ трудно было сдѣлать эстампажъ изъ пластелина, сохраняя полукруглость надписи. Мы положили сверху лучинъ, нѣсколько проволокъ, завязали пластелинъ полотенцемъ и т. д. Это была работа цѣлаго дня. Сняли надпись, сдѣлали отливъ. Для отлива въ мягкомъ пластелинѣ мы дѣйствовали рѣшительно: позвали нашихъ новгородскихъ знакомыхъ и заставили ихъ держать проволоки и помогать при отливѣ. Надпись вышла не скажу, чтобы особенно хорошо, но вышла. Испорчена она тѣмъ, что буквы были подрисованы. Но тѣмъ не менѣе, гипсовый от-

тискъ далъ намъ не только совершенно новыя очертанія буквъ, но и новое чтеніе. Читали по фотографіи: „поминати вся христіане“, а по эстампажу прочли: „Господи, помилуй вся христіаны“.

§ 5. О снимкахъ съ рукописныхъ памятниковъ.

Ихъ дѣлаютъ посредствомъ фотографіи, причемъ при фотографіи мокрымъ способомъ, т. е. при изготовленіи тутъ-же пластинокъ, бываютъ болѣе важныя и интересныя результаты, чѣмъ на пластинкахъ сухихъ. Затѣмъ при фотографіяхъ надо употреблять пластинки ортохроматическія и при свѣтофильтрѣ, такъ какъ извѣстные цвѣта вліяютъ такъ или иначе на дѣлаемые снимки. Въ старину (съ 18 вѣка для русскихъ рукописей), снимки дѣлались отъ руки, причемъ нельзя было точно установить толщину снимаемыхъ значковъ. Если дана рукопись, написанная крупнымъ почеркомъ, то можно сдѣлать абрисъ буквъ черезъ тонкую восковую бумагу тушью (чернила не годятся, потому что расплываются) и потомъ заполнить пространство. Конечно, этимъ способомъ не передаются тона, но все-же хотя приблизительно передается толщина буквъ. Но когда приходится имѣть дѣло съ почеркомъ мелкимъ, то при обводѣ нажимъ никогда нельзя будетъ сдѣлать точнымъ и соответствующимъ оригиналу: если смотрѣть на снимокъ и сравнивать его съ оригиналомъ, онъ будетъ казаться сначала похожимъ, но едва помотришь на снимокъ въ луну, увидишь разницу. Вотъ почему изъ старыхъ снимковъ имѣютъ значеніе только тѣ, которые снимали рукописи крупныхъ начертаній. Если-же это снимки съ мелкаго почерка, то характеръ ихъ только приблизительный. Если приходится прибѣгать къ акварели и акварелью передавать тона буквъ, то тонкихъ очертаній все-таки не соблюсти, но снимки акварелью представляютъ большую выгоду въ передачѣ общаго впечатлѣнія. При изученіи каждаго памятника нужно принимать въ расчетъ не только отдѣльныя начертанія, но и общій характеръ; опредѣленіе-же общаго характера достигается практикой. Это, собственно говоря, общій пріемъ торговцевъ рукописями, но онъ имѣетъ большое значеніе и для занимающагося палеографіей: нужно научиться смотрѣть, нужно научиться воспринимать всю сумму впечатлѣній. Обратимъ вниманіе на чтеніе: кто мало читаетъ, тотъ долженъ прибѣгать къ чтенію по слогамъ, много-же читающіе сразу усваиваютъ прочитанное. Этого-же можетъ достигнуть при большой практикѣ и палеографъ: нужно просмотрѣть достаточное количество рукописей. Вотъ эта сторона (общій характеръ рукописи) выигрываетъ при снимкахъ акварелью: впечатлѣніе отъ подлинной руко-

писи, акварели (или вѣрнѣе тонкой литографіи) и отъ фотографіи—не одинаковы. Сравнимъ, на примѣръ, тонкій литографическій снимокъ съ Мстиславовой грамоты, находящейся въ атласѣ Срезневскаго съ фотографіей съ оригинала, хранящагося въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ.

Очень точны снимки съ рукописей, сдѣланные изслѣдователями 19 вѣка (Евгениемъ Болховитиновымъ, Калайдовичемъ, Малиновскимъ и другими). Въ настоящее время лучшее впечатлѣніе даютъ снимки, сдѣланные въ два тона. Вообще фонъ, на которомъ воспроизводится рукопись или надпись, имѣетъ огромное значеніе для впечатлѣнія глаза. Пока воспроизведено печатью въ три краски только Архангельское Евангеліе (1092 года). Это воспроизведеніе почти нельзя отличить отъ оригинала, хранящагося въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

§ 6. Обзоръ литературы по Русской палеографіи.

1) Палеографія вещевая.

У насъ совершенно отсутствуютъ большіе сборники снимковъ съ существующихъ оригиналовъ. Д-ръ Я. И. Трусевичъ издалъ „Сводъ азбукъ“ (260 азбукъ). Онъ расположилъ ихъ по извѣстнаго рода таблицамъ, затратилъ массу труда, но изданіе его, несмотря на желаніе дать полный сводъ, является неудовлетворительнымъ главнымъ образомъ потому, что онъ пользовался не оригиналами, а копіями. Изданіе его не представляетъ точныхъ снимковъ палеографическихъ памятниковъ. Онъ пользовался почти всѣми доступными копіями, но копіи-то были различной точности: однѣ были близки къ оригиналу, другія—далеки. Наконецъ, самое воспроизведеніе сдѣлано отъ руки. Слѣдовательно, изданіе это, несмотря на массу труда, все-таки не является исчерпывающимъ нашу задачу: могутъ появиться фототипическія изданія памятниковъ и тогда этотъ трудъ теряетъ свое значеніе. Можно сдѣлать упрекъ и за постановку рядомъ рукописей разныхъ редакцій: русской, болгарской, сербской и т. д.

Вообще литература нашего предмета очень разбросана: тамъ одинъ снимокъ, тамъ другой, и всѣ они разноцѣвны. Снимки-же рукописныхъ памятниковъ довольно многочисленны, есть попытки сборниковъ и цѣлыхъ сводовъ. Но для вещевыхъ памятниковъ подобнаго свода не существуетъ. Палеографу приходится обращаться въ данномъ случаѣ къ трудамъ общей археологіи.

У насъ существуетъ цѣлый рядъ изслѣдованій по русской нумизматикѣ: при этихъ работахъ даются всевозможные снимки съ монетъ; конечно лучше было-бы вновь переснять эти монеты, но это дѣло будущаго. Пока-же мы должны довольствоваться старыми работами каковы обзорѣнія Черткова, Кене, Шодуара, Сабатье, Сонцова, Гуттенъ-Чапскаго, но эти работы неустойчивы. Съ бѣльшимъ довѣріемъ мы можемъ отнестись къ работѣ Волошинскаго (1854 г.): были вырѣзаны на стали и оттиснуты „Описаніе монетъ Минцъ-Кабинета Кіевскаго университета“, снимки дагеротипомъ. Очень хороши снимки въ работѣ гр. И. И. Толстого, бывшаго министра народнаго просвѣщенія. Онъ изучалъ нумизматику подъ руководствомъ Х. И. Гиля и въ его трудѣ имѣются снимки фототипіей и фотогравюрой. Тоже недурны снимки, сдѣланные Орѣшниковымъ съ коллекцій Московскаго Историческаго музея. Замѣтимъ, что палеографу вообще очень полезно разсматривать снимки въ лупу, срисовывать и составлять сводныя азбуки монетъ.

Слѣдующій отдѣлъ археологической науки, сфрагистика, даетъ снимки съ печатей. Они тоже имѣютъ значеніе для палеографіи. Появились они еще съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія у Румянцева. Въ сороковыхъ годахъ явились снимки Иванова, завѣдывавшаго въ то время Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, но снимки его плоховаты, и болѣе ранніе снимки Румянцева въ сущности, болѣе удовлетворительны. Нѣкоторые, хорошіе снимки были прилагаемы къ рукописнымъ снимкамъ грамотъ, напр. Строева, но палеографы, занимавшіеся рукописнымъ дѣломъ, мало обращали вниманія на вещевыя надписи. Интересны работы Болсуновскаго и Чернева, издававшихъ печати и „Дрогичинскія пломбы“ (никто еще не можетъ опредѣлить, что такое эти Дрогичинскія пломбы. Онѣ были извлечены изъ воды и прекрасно сохранились. Сдѣланы онѣ изъ свинца, быть можетъ это были клейма пошлинъ на товары. Во всякомъ случаѣ, онѣ относятся ко времени до 14 вѣка). Затѣмъ существуетъ большой трудъ по русской сфрагистикѣ проф. Лихачева.

Первоначальныя печати были свинцовыя, надписи на нихъ легко сплющивались; серебряныя печати уцѣлѣли лучше, но опять-таки съ восковыми дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ со свинцовыми. Хорошо еще если на нихъ были „кустодіи“ т. е. деревянный кружочекъ, въ который вкладывался оттискъ восковой печати для сохраненія. Въ 70-хъ годахъ проф. Шляпкинь, во время ревизіи сенатора Манасейна въ Ригѣ, зашелъ въ рижскій архивъ посмотреть грамоты. Чиновники приняли его за состоящаго при Манасейнѣ и любезно доставили ему для просмотра Новгородскія грамоты 13 и 14 столѣтій. Но хранились эти грамоты очень небрежно,

и вытаскивали ихъ крайне неосторожно, чуть-ли не обрывая печатей. Такъ-же небрежно обращаются съ печатями 14 вѣка въ Соловкахъ. Но еще хуже судьба восковыхъ печатей, такъ какъ воскъ самъ по себѣ матерьялъ хрупкій и мягкій. Древнѣйшая восковая печать въ Моск. Арх. Минист. Юстиціи до насъ дошла отъ 14 вѣка: 1391 года (если только это подлинная Бѣлозерская грамота 14 вѣка). Другія, болѣе позднія печати красного воска, у грамотъ Великихъ Князей и Царей Московскихъ являются въ поломанномъ и истертомъ видѣ, и хорошіе оттиски ихъ—рѣдки. Печати черного воска употреблялись частными лицами: самая ранняя такая печать на грамотѣ 1491 года. Конечно, количество печатей могло бы быть большимъ, если-бы въ провинціи было больше палеографовъ. М. И. Полянскій составилъ описаніе Новгородскихъ печатей, но снимки его неудовлетворительны. Однако нельзя не заинтересоваться его превосходнымъ собраніемъ печатей, свинцовыхъ съ греческой надписью: „печать Святой Софіи“, найденныхъ имъ при рытьѣ земли на Рюриковомъ Городищѣ. Эти печати удивительно похожи на такія-же, найденныя въ Византіи, только меньше ихъ размѣромъ. Отмѣтимъ кстати важную о нихъ работу Шлумбергера.

Сюда-же относятся металлическіе медальоны, имѣющіе на себѣ изображенія: на одной сторонѣ Богоматери, а на другой—голову человека, изъ которой въ разныя стороны расходятся змѣи. Надпись кругомъ той головы бываетъ славянская или греческая. Эти амулеты или заклинательныя ладонки дѣлались изъ серебра или мѣди. Они носили названіе „гривна“, о которыхъ упоминается въ житіи князя Бориса: любимый его отрокъ имѣлъ „гривну“ на шеѣ. Ихъ надѣвали подъ или сверхъ одежды отъ болѣзни „дна“ (грыжи). Рядъ гривень составлялъ „діадему“ (повязку). Впослѣдствіи „діадема“ утратила это свое значеніе, а у насъ получила названіе „бармы“.

Послѣ нумизматики и сфрагистики мы должны были-бы обратиться къ палеографіи вещевой въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, но у насъ нѣтъ общаго указателя нашихъ древностей. Въ книгѣ гр. Толстого и проф. Кондакова („Русскія древности“) онѣ сведены, но сочиненіе это захватываетъ не всѣ памятники, а снимки въ ней для палеографа не годятся: цинкографія вообще въ первыхъ экземплярахъ даетъ хорошіе оттиски, а потомъ начинаетъ пачкаться и оттиски получаются какъ-бы замазанные. Изъ старыхъ ученыхъ можно указать Оленина, президента Академіи Художествъ, пріятеля Крылова, имя котораго нами уже упоминалось по поводу Тмутараканскаго камня. Тогда-же нами указывалось, что онъ заботился болѣе о красотѣ своихъ снимковъ, чѣмъ объ ихъ точности. Тотъ-же недостатокъ замѣчается и въ старомъ альбомѣ рус-

скихъ древностей Бороздина. Была предпринята цѣлая археологическая экспедиція, художники зарисовывали памятники, но передали ихъ не точно. Далѣе идутъ имена: К. О. Калайдовича, П. М. Строева и И. П. Сахарова (біографія Калайдовича написана Безсоновымъ; что касается біографіи Строева, то она написана Барсуковымъ и представляетъ очень интересный историческій трудъ, съ перечнемъ трудовъ Строева и описаніемъ его знаменитой археографической экспедиціи; труды Сахарова перечислены въ Матерьялахъ для его біографіи, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года Савваитовымъ). Роскошное изданіе „Древностей Россійскаго Государства“, знаменитое гигантское предпріятіе Θ. Г. Солнцева появилось въ царствованіе Императора Николая I, даваго на него средства (исторія этого предпріятія описана въ автобіографіи Солнцева въ „Русской Старинѣ“). Само изданіе попадаетъ въ продажѣ не въ полномъ видѣ. Въ немъ великолѣпные снимки, и цѣна его доходитъ до 700—800 рублей за 6 большихъ томовъ. Но все-же снимки Солнцева, несмотря на то, что исполнены имъ самимъ и его ученикомъ Шуховымъ, даютъ только общее впечатлѣніе вещей, а не воспроизведеніе оригинала. Это было замѣчено довольно уже давно и, такъ какъ наибольшее количество изображенныхъ тамъ предметовъ хранится въ Московской Оружейной Палатѣ, то начальство ея сдѣлало фототипическое изданіе большинства своихъ древностей (фототипіей работали: Шереръ, Набгольцъ и Ренаръ въ Москвѣ). Но, къ сожалѣнію, многіе предметы сняты только съ одной стороны. Представьте себѣ круглую чашу, а на ней надпись. Чтобы снять эту надпись, надо сдѣлать по крайней мѣрѣ четыре или даже восемь снимковъ. Но подобнаго рода снимковъ, нужныхъ для палеографа, нѣтъ, и приходится довольствоваться одностороннимъ изображеніемъ предметовъ. Кое-что даетъ намъ изданіе русскихъ знаменъ (съ надписями), сдѣланное Стрекаловымъ.

Довольно часто попадаются въ продажѣ маленькія книжечки „Русской старины“, изданныя братьями А. А. и Н. А. Мартыновыми. Эти два брата-москвичи посвятили всю свою жизнь изученію древности и, по правдѣ сказать, они прошли недостаточно оцѣненными. Они были фанатиками своего дѣла: старшій братъ, Алексѣй, занимался, между прочимъ, чрезвычайно неблагодарнымъ дѣломъ — исторіей названій Московскихъ улицъ (для Новгорода нѣчто подобное сдѣлалъ Прозоровскій). Въ изданіяхъ братьевъ Мартыновыхъ снято много Московскихъ древностей, но, къ сожалѣнію, снимки эти плохо литографированы съ ручныхъ рисунковъ. Младшій братъ, художникъ-акварелистъ, былъ посвященъ въ требованія палеографіи; его снимки хранятся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ и стоятъ выше, чѣмъ акварели, сдѣланныя другими

крупными художниками, какъ напримѣръ Вилъе. Проф. Шляпкинъ помнитъ, какъ любовно работалъ онъ надъ древностями въ Суздальскомъ Евфиміевскомъ монастырѣ одновременно съ о. Діодоромъ, дѣлавшимъ фотографическіе снимки древностей, и съ извѣстнымъ археологомъ Султановымъ, изучавшимъ архитектуру (профессоръ занимался описаніемъ рукописей). Близки къ Мартынову по совершенству работы акварели С. Б. Барсуковой, работающей въ Императорской Археологической Комиссіи.

Мы должны еще отмѣтить московскаго ученаго Снегирева. Въ „Русскомъ Архивѣ“ печатался его дневникъ, интересный тѣмъ, что Снегиревъ изо дня въ день записывалъ, гдѣ онъ былъ, кого онъ видѣлъ и т. д. Вотъ этотъ Снегиревъ далъ изданіе памятниковъ Московской древности. У него работалъ К. Я. Тромонинъ, извѣстный своимъ первымъ изслѣдованіемъ водяныхъ знаковъ или филиграней. Тромонинъ издалъ „Достопамятности Москвы“, а затѣмъ Снегиревъ издалъ съ его участіемъ „Памятники московской древности“. Изданіе Тромонина чрезвычайно рѣдко попадаетъ въ продажѣ: на книжномъ рынкѣ оно было два раза въ цѣнѣ 100—120 рублей. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ находится царское мѣсто 16 вѣка, которое очень интересно по изображеніямъ и по надписямъ вязью. Корнилій Тромонинъ обрисовалъ эти надписи карандашемъ и далъ съ нихъ снимокъ въ вышеупомянутомъ изданіи Снегирева.

Затѣмъ съ благодарностью мы должны вспомнить и историка Михаила Петровича Погодина, біографія котораго написана Барсуковымъ („Жизнь и труды Погодина“). Эта книга заключаетъ въ себѣ 20 томовъ. Авторъ ея не даромъ поставилъ эпиграфомъ изреченіе: „Побѣду описывай, какъ побѣду, а поражение, какъ поражение“. У него трудъ носить дѣйствительно лѣтописный характеръ, но матерьялъ, тамъ сообщенный, прямо драгоцененъ: такого другаго свода у насъ нѣтъ, а книга захватываетъ время съ 20-хъ до 70-хъ годовъ и интересна вообще для историка русской культуры, а въ частности для археолога. Погодинъ (сынъ крестьянина) былъ человѣкъ чрезвычайно отзывчивый и ему приходилось сталкиваться съ массою людей. Онъ заслуживаетъ вниманія какъ русскій полигисторъ, ученый, публицистъ, археологъ. Его книгохранилище пожертвовано въ Публичную Библіотеку, но неизвѣстно, куда ушли вещевыя коллекціи Погодина: когда надъ нимъ шутили, то говорили, что онъ сохраняетъ у себя, на Дѣвичьемъ Полѣ, порты Святослава и сапоги Карла XII. Сначала онъ издалъ образцы русскаго древлеписанія: „Русск. истор. альбомъ“ (автографы). Затѣмъ, издавая свой курсъ русской исторіи, онъ задумалъ дать въ то-же время въ руки читателя историческій аль-

бомъ и при помощи литографіи воспроизвелъ массу русскихъ древностей. Но этотъ альбомъ повидимому не вышелъ въ продажу и, хотя снимки вышли не очень удачно, но какъ сводъ, онъ заслуживаетъ вниманія.

Между изданіями Погодина, гр. Толстого и Кондакова, слѣдуетъ упомянуть о мелкихъ трудахъ: „Старина русской земли“ Сиповскаго и „Очерки русской исторіи“ Полевого. У Сиповскаго много снимковъ, но они не очень удачны. То-же самое можно сказать и о трудѣ Полевого, такъ какъ они оба довольствовались снимками ксилографіей. Для палеографа въ нихъ матерьяла нѣтъ.

По кievскимъ древностямъ надо указать на старыя работы Фундуклея („Обзоръ кievскихъ древностей“) и новую „Древность“—изданіе московской синодальной ризницы, епископа Саввы, того самаго, который далъ извѣстные палеографическіе снимки славянскихъ и греческихъ рукописей на желтомъ фонѣ.

Затѣмъ покойный хранитель Оружейной Палаты, Филимоновъ, извѣстный какъ архитекторъ, первый изслѣдовавшій храмъ Св. Николая на Липнѣ, далъ въ разнаго рода мемуарахъ цѣлый рядъ археологическихъ изслѣдованій. Самое интересное для палеографа—это „Окладъ Мстиславова Евангелія“. Превосходные снимки съ него въ величину оригинала in folio сдѣланы П. К. Симони въ 1905 году. Филимонову мы обязаны возобновленіемъ древней росписи Московской Грановитой Палаты (снимокъ Ушакова). Онъ нашелъ опись ея и роспись Палаты была произведена для коронаціи Императора Александра III. До того времени Грановитая Палата была просто затянута краснымъ бархатомъ.

Еще мы должны остановиться на работахъ В. В. Стасова, появлявшихся въ изданіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества и вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. По отдѣльнымъ пунктамъ русской древности онъ далъ рядъ этюдовъ весьма важныхъ для исторіи искусства: есть многое и для палеографа, особенно въ снимкахъ (въ сочин. они вошли не всѣ). Важны Кievскія древности въ коллекціяхъ Тарновскаго, работы В. Б. Антоновича и А. В. Прахова (Кирилловскія фрески съ надписями).

Богатый собиратель древностей Ханенко въ Кievѣ далъ великолѣпныя фототипическіе снимки своей коллекціи („Русскія древности“). Для палеографа интересны его образки и крестики: фототипіи эти вполне удовлетворительны. Суздальскія и Владимірскія древности издавали: Артлебенъ, Доброхотовъ, гр. Строгановъ и К. Н. Тихонравовъ. Вологодскія: П. И. Савваитовъ и Н. И. Суворовъ. Московскія: гр. Уваровъ, А. В. Орѣшниковъ, П. И. Сизовъ. Ярославскія и Ростовскія: А. А. Титовъ, В. И. Лѣствицынъ, И. А. Шляковъ. Новгородскія: архимандритъ Макарій.

Псковскія: К. Г. Евленевъ. Но для палеографа всѣ эти изданія даютъ сравнительно мало.

Изслѣдованіями русской вязи мы обязаны В. И. Щепкину. Его изслѣдованія помѣщены въ „Археологическихъ замѣткахъ Московскаго Общества“.

В. А. Прохоровъ въ 60-хъ годахъ далъ повременное изданіе „Христіанскихъ древностей и археологіи“ и „Русскія древности“. Снимки дѣлались отъ руки и не совершенны, но они интересны тѣмъ, что онъ видѣлъ эти древности въ томъ видѣ, въ которомъ другія поколѣнія ихъ не увидятъ. Интересно сравнить, на примѣръ, его описаніе Старой Ладogi съ описаніемъ Бранденбурга: разница того, что видѣлъ Прохоровъ и того, что описалъ Бранденбургъ—кидается въ глаза. Мы уже говорили о надписи при изображеніи кн. Ярослава въ Нередицкой церкви, которая воспроизведена у Прохорова, а теперь почти не читается.

Въ сочиненіяхъ Н. В. Покровскаго „Росписи Русскихъ Храмовъ и Евангелій“ даны цѣнные снимки, вполне заслуживающіе вниманіе палеографа.

Н. П. Кондаковъ далъ двѣ книги, которыя годятся для палеографа: это его „Русскіе клады“, гдѣ воспроизведены прекрасныя золотыя вещи Кіевскаго періода, и „Памятн. христьян. искус. на Аѳонѣ“.

По Тверскимъ древностямъ и палеографіи важенъ трудъ великаго археолога и превосходнаго, очень скромнаго, человѣка, А. К. Жизневскаго. Предсѣдатель Казенной Палаты въ Твери, онъ оказалъ громадную услугу русскимъ древностямъ созданіемъ знаменитаго Тверскаго Музея. Можно только удивляться богатству этого музея, который находится въ помѣщеніи Императорскаго Дворца въ Твери, и можно порадоваться тому, что онъ не пропалъ, какъ пропалъ музей Новгородской древности о. Іоанна Богословскаго (въ 60-хъ годахъ). Жизневскій все свое время посвятилъ собиранію русскихъ древностей и далъ прекрасное описаніе своего Тверскаго музея (съ рисунками). Это былъ служитель древностей, какого трудно найти въ наше время. На примѣръ, показывая древнюю чашечку, онъ говорилъ: „Видѣли вы такую чашечку? Видѣли, какое на ней эмалевое изображеніе? Восемь лѣтъ я *ухаживалъ* за этой чашечкой—она составляла собственность такого-то“.

Затѣмъ нужно упомянуть и объ изданіяхъ различныхъ обществъ. Прежде всего стоятъ извѣстія С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, но, къ сожалѣнію, они ведутся въ такихъ многочисленныхъ серіяхъ, что легко въ нихъ путаешься. Новѣйшія книжки ихъ представляютъ вполне удовлетворительныя снимки съ древностей. Затѣмъ изданія Московскаго Археологическаго Общества въ его „Археологическихъ Замѣткахъ“

и комиссионных трудахъ. Замѣтимъ кстати, что Императорская Археологическая Комиссія—это то учрежденіе, которое выдаетъ открытые листы для раскопокъ на земляхъ казенныхъ и частныхъ.

Затѣмъ существуютъ у насъ археологическіе съѣзды—ихъ было пятнадцать, были и областные съѣзды. Но, къ сожалѣнію, труды областныхъ съѣздовъ лишены рисунковъ. Общество Любителей Древней Письменности начало свою дѣятельность въ 1877 году и кромѣ снимковъ письменныхъ памятниковъ, дало нѣсколько вещей, которые годятся для палеографа. Бываютъ выставки, существуютъ музеи. Фотографій русскихъ древностей было собрано большое количество И. О. Борщевскимъ, который былъ фотографомъ въ Ростовѣ-Великомъ, Ярославской губерніи. Тамъ-же былъ упомянутый выше, купецъ Титовъ, самъ себя образовавшій и сдѣлавшійся извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ. Благодаря дѣятельности этого Титова и другихъ лицъ (Шлякова), возникла реставрація Ростовскаго Кремля и собраны были значительныя коллекціи, хранящіяся въ Ростовскомъ музеѣ въ „Бѣлой Палатѣ“. Титову мы еще обязаны тѣмъ, что онъ заставилъ Борщевского снимать сначала Ростовскія древности, а потомъ и по всей Россіи. Альбомы его достигли 1500 снимковъ, которыми пользуются не только архитекторы, но и палеографы. Они продавались въ магазинахъ Бегрова и находятся въ разныхъ книгохранилищахъ.

Кромѣ этой крупной коллекціи, мы должны отмѣтить коллекціи фотографій Императорской Археологической Комиссіи, Московскаго Археологическаго Общества, Художественнаго Училища Штиглица, Академіи Художествъ, Публичной Библіотеки и т. д.

2) Палеографія рукописей.

Перейдемъ теперь къ обзорѣ пособій и руководствъ по рукописной палеографіи. „Очеркъ Славянской Кирилловской палеографіи“ проф. Карскаго: не представляя полнаго курса палеографіи, вполне замѣняетъ справочную книгу, гдѣ можно найти подробныя указанія на литературныя данныя и интересующіе палеографа вопросы. Огромная книга проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“. Въ ней при обзорѣ подчиненныхъ исторіи наукъ, есть отдѣлъ, посвященный палеографіи, причѣмъ общія свѣдѣнія, тамъ помѣщенные, являются полезными для спеціалиста палеографа. Что касается до теоріи палеографическихъ названій, здѣсь надо поставить книгу А. И. Соболевскаго: „Славяно-русская палеографія“. Эта книга является лучшею въ

смыслъ историческаго обзора развитія рукописнаго дѣла и его терминологіи. Ознакомленіе вообще съ палеографической литературой, а не съ двумя лишь тремя обзорами или учебниками, не только служитъ удовлетвореніемъ научнаго любопытства, но важно еще потому, что постепенные успѣхи отдѣльныхъ представителей этой отрасли знанія восполняютъ невольные пропуски нѣкоторыхъ данныхъ въ общихъ пособіяхъ. Въ научныхъ дисциплинахъ отдѣльныя замѣчанія предшественниковъ, оставаемые иногда слѣдующими поколѣніями безъ вниманія, могутъ совершенно неожиданно наткнутъ новаго читателя на новыя точки зрѣнія и на неожиданныя свѣдѣнія. Самыя ошибки прежнихъ изслѣдователей предостерегаютъ насъ отъ ихъ повторенія.

Но не надо думать, что новыя работы совершенно упраздняютъ старыя работы тѣхъ самоотверженныхъ тружениковъ, къ которымъ мы должны относиться съ благодарностью, какъ къ основателямъ нашей науки.

Собственно говоря, въ тотъ моментъ, когда на Западѣ Европы явились уже очень крупныя палеографы, какъ на примѣръ Монфоконъ, Мабильонъ и др., славяно-русская палеографія почти не существовала. Правда, еще въ 16 вѣкѣ были азбуки, сочиненныя для школьнаго употребленія (см. житіе св. Гурія, епископа Казанскаго), а при нихъ особыя наставленія, какъ писать, гдѣ ставить какія буквы. Эти памятники были недавно обнаружены нашей Академіей Наукъ (Изслѣдованія по русскому языку, томъ I, ред. акад. Ягича). Разъ правила предписывались, значитъ они и дѣйствовали: палеографу не лишне ознакомиться съ ними на практикѣ.

Научная разработка палеографіи начинается въ концѣ 18 вѣка. Подробности можно найти въ упомянутой уже исторіографіи Иконникова и въ монографіяхъ А. А. Кочубинскаго, Е. О. Шмурло и А. С. Архангельскаго. Затѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ появилась группа тружениковъ, заинтересовавшихся русскими древностями. А. Н. Оленинъ первый заговорилъ о палеографическихъ признакахъ въ знаменитомъ изслѣдованіи о Тмутараканскомъ камнѣ. Незамѣтнымъ, но серьезнымъ дѣятелемъ былъ Ермолаевъ. Правда, печатныхъ трудовъ онъ вовсе не оставилъ, но онъ былъ учителемъ цѣлаго ряда крупныхъ лицъ, и, между прочимъ, Карамзина. У послѣдняго въ исторіи имѣется достаточное количество замѣчаній чисто палеографическаго характера. Послѣ Оленина, Ермолаева и Карамзина отмѣтимъ: Бантышъ-Каменскаго и Малиновскаго.

Два лица работали подъ эгидою канцлера гр. Николая Петровича Румянцева: первый изъ нихъ К. О. Калайдовичъ; ему мы обязаны не только палеографическими, но, по правдѣ сказать, и первыми научными изданіями,

какъ на примѣръ, „Іоаннъ, экзархъ Болгарскій“, „Памятники русской словесности 12 вѣка“ и пр. Снимки, при нихъ находящіеся, заслуживаютъ вниманія и до сихъ поръ. Второе лицо—Павелъ Михайловичъ Строевъ. Между этими двумя лицами возвышается фигура „русскаго бенедиктинца“ Кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, труды котораго оцѣнены проф. Шмурло и Прилежаевымъ.

Тогда-же, въ двадцатыхъ годахъ 19 столѣтія, выступаетъ великій ученый, связавшій русскую палеографію съ русскимъ языкомъ: Александръ Христофоровичъ Остенекъ (впослѣдствіи—Востоковъ). Его знаменитое разсужденіе о церковно-славянскомъ языкѣ почти черезъ сорокъ лѣтъ было перепечатано Академіей Наукъ. Онъ первый установилъ разницу между древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ и между языкомъ древне-русскимъ. Разсказываютъ, что патріархъ славянской науки Добровскій, написавшій грамматику древне-славянскаго языка, получивъ корректурные листы Востокова, хотѣлъ сжечь свою грамматику, потому что ее пришлось-бы переписать сызнова.

Отмѣтимъ, кстати, труды по славянской грамматикѣ: Сравнительная славянская грамматика Миклошича, грамматика А. С. Будиловича, лекціи Флоринскаго, А. И. Соболевскаго, грамматики Лескина и Вондрака (послѣдняя только на нѣмецкомъ), указатель славянской филологіи, издано на нѣмецкомъ Пастрнекомъ (очень важенъ). Также указатели: Нидерле-Поливки и нашей Академіи за 1901 годъ.

Въ 1842 г. вышло знаменитое Востоковское описаніе рукописей Румянцевскаго музея. Когда проф. Шляпкинъ былъ еще студентомъ, ему пришлось обратиться къ профессору, чтобы онъ ему посоветовалъ, какъ начать спеціальныя занятія по исторіи русской литературы. Покойный М. И. Сухомлиновъ отвѣтилъ ему: „Возьмите описаніе Румянцевскихъ рукописей“. Затѣмъ ему-же пришлось обратиться къ И. И. Срезневскому съ вопросомъ: „Что-бы вы мнѣ посоветовали читать?“ Онъ посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Читайте Востокова“. Теперь проф. Шляпкинъ самъ придерживается того-же взгляда, когда къ нему обращаются съ подобными вопросами его ученики. И дѣйствительно: въ нихъ неисчерпаемое сокровище и не столько относительно свѣдѣній, сколько относительно методическихъ указаній. Другой, подобный-же трудъ, Горскаго и Новоструева: „Описаніе рукописей московской синодальной бібліотеки“. По этимъ двумъ трудамъ можно научиться научному описыванію славяно-русскихъ рукописей.

Далѣе, нужно вновь отмѣтить труды извѣстнаго этнографа, археолога и палеографа И. П. Сахарова. Онъ былъ по профессіи врачъ, но глубокая любовь къ русской старинѣ заставила его работать въ данной

области и онъ оставилъ рядъ трудовъ по исторіи русской народности вообще. А. Н. Пыпинъ укорялъ Сахарова въ извѣстнаго рода слащавости, сентиментальности и, наконецъ, въ поддѣлкѣ старины: желаніе украсить старину заставляло Сахарова совершать своего рода патріотическіе подлоги. Сахаровъ въ 40-хъ годахъ читалъ курсъ палеографіи въ Александровскомъ Лицеѣ и въ Училищѣ Правовѣдѣнія, и до насъ дошли его записки по палеографіи. Кромѣ того онъ издалъ рядъ снимковъ, преимущественно грамотъ (исполнено литографіей). Объ ихъ цѣнности можно судить уже по тому, что въ нихъ, на примѣръ, воспроизведенъ памятникъ „Духовная Климента“ 13 вѣка, теперь безслѣдно пропавшій. Когда читаешь предисловіе къ одной изъ его работъ, невольно охватываетъ тотъ священный огонь, который горѣлъ въ душѣ этого человѣка. „Вамъ, — говоритъ онъ, — собирателямъ русской святыни посвящаю я свое собраніе. Да процвѣтутъ ваши собранія изъ рода въ родъ. Да передадите вы вашимъ потомкамъ завѣтные памятники родной старины...“ и т. д. Чувствуется, что это не фразы, это не тѣ слова, что теперь встрѣчаются такъ часто. Сахаровъ былъ рѣдкій энтузіастъ-фанатикъ родной старины — типъ людей, нынѣ вымершій.

Послѣ Сахарова отмѣтимъ опять историка Погодина. По палеографіи онъ далъ сочиненія: „Образцы русскаго древлеписанія“, изданныя литографіей Тромонина и затѣмъ „Русскій историческій альбомъ“. Это — снимокъ автографовъ русскихъ дѣятелей, и въ связи съ „Сборникомъ автографовъ“, изданія Опочинина и Семева (ред. „Русской Старины“) представляетъ для палеографовъ болѣе поздняго періода (17, 19 вѣковъ) неоцѣнимыя данныя.

Къ сороковымъ-же годамъ относятся труды Ундольскаго (снимки доселѣ лежали въ музеѣ), и очень рѣдко попадающееся въ продажѣ изданіе Иванова „Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ актовъ“. Специальная цѣль этого изданія: пособіе при межеваніи земель, такъ какъ во многихъ случаяхъ приходится руководиться не только генеральными планами 18 вѣка, но и старыми актами, писцовыми переписками и другими книгами.

Кое-что для палеографіи сдѣлалъ профессоръ-славистъ О. М. Бодянский. Въ сороковыхъ годахъ въ русскомъ научномъ движеніи въ первый разъ появилась новая идея изученія родного намъ славянства. Послѣ первыхъ попытокъ сблизиться со Славянами (особенно съ Сербами) при Екатеринѣ II, мы должны отмѣтить поѣздку къ Славянамъ Н. И. Надеждина, а затѣмъ командировку четырехъ основателей славяновѣдѣнія въ Россіи: О. М. Бодянскаго, В. И. Григоровича, рано умершаго профессора Прейса и И. И. Срезневскаго. Бодянский былъ близокъ съ Чехами и

друзенъ съ Ганкой, знаменитымъ чешскимъ поэтомъ, который, между прочимъ, поддѣлалъ стихотворенія, извѣстныя подъ именемъ „Краледворской рукописи“. Это былъ подлогъ патріотическаго характера, направленный противъ Нѣмцевъ—притѣснителей Чеховъ. Ганка оказалъ громадныя услуги чешской старинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старинѣ Кирилло-Меѳодіевской. Кромѣ изданія Чтеній Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ, Бодянскому мы обязаны важной коллекціей старочешскихъ книгъ, теперь принадлежащихъ книгопродавцу Астапову и хранящихся въ Москвѣ. Для палеографіи цѣненъ также трудъ Бодянскаго: „О происхожденіи славянскихъ письменъ“, съ альбомомъ палеографическихъ снимковъ.

Важны далѣе для насъ „Матеріалы для исторіи письменъ“, гдѣ русской палеографіей завѣдывалъ знаменитый О. И. Буслаевъ. Книга была издана въ литографіи Шелковникова къ столѣтнему юбилею Московскаго университета и въ продажу не поступала. Снимки, приложенные при этихъ матерьялахъ, отличались тѣмъ, что воспроизведенныя на нихъ очертанія буквъ были помѣщены на извѣстномъ фонѣ, чѣмъ соблюдена, по возможности, внѣшность пергамента.

Изъ послѣдующихъ трудовъ надо указать „Палеографическіе снимки“ также уже нами упоминавшагося епископа Саввы. Эти палеографическіе снимки греческихъ и русскихъ рукописей синодальной бібліотеки вышли въ свѣтъ въ двухъ форматахъ. Про самые снимки нельзя сказать, чтобы они были вполне точны: отдѣльныя буквы сдѣланы отъ руки, а не посредствомъ фотогравюры. Но зато епископъ Савва до такой степени набилъ себѣ руку въ списываніи рукописей, что вполне правильно охватывалъ типическіе признаки даннаго столѣтія.

Знатоку славяно-русской литературы, протоіерею Горскому, мы обязаны открытіемъ Паннонскихъ житій Кирилла и Меѳодія. Умеръ онъ раньше, чѣмъ его сотрудникъ, археологъ, суровый аскетъ Новоструевъ, который погибъ жертвой своей научной дѣятельности. Новоструевъ былъ помѣщенъ въ неотапливаемой кельѣ Чудова монастыря; описывая тамъ рукописи, онъ простудился и умеръ.

Изъ Востоковскаго описанія румянцевскихъ рукописей мы имѣемъ полный выборъ палеографическихъ приемовъ и указаній для того, чтобы пользоваться рукописями подобнаго рода. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ Пыпинымъ и изданъ Академіей Наукъ (такой работы для описанія синодальной бібліотеки пока нѣтъ: вотъ тема для специальной работы; къ описанію рукописей нѣтъ даже указателя, что тоже мѣшаетъ пользоваться книгой—еще одна тема для желающихъ).

Далѣе мы должны отмѣтить труды Амфилохія, настоятеля Воскресенскаго монастыря, впоследствии епископа Угличскаго. Онъ былъ

страстно преданъ палеографіи, но его общее образованіе было слабое, и работы его вызывали рѣзкую критику со стороны специалистовъ. У него былъ, повидимому, нѣкоторый недостатокъ зрѣнія, своего рода дальтонизмъ: въ очертаніяхъ буквъ онъ дѣлалъ небольшія ошибки, но ошибки въ цвѣтахъ поразительны: киноварью изображено то, что въ оригиналѣ чернилами. Конечно, рисковано заниматься по этимъ снимкамъ, весьма многочисленнымъ.

Укажемъ еще специалиста по палеографіи—И. И. Срезневскаго, академика и профессора петербургскаго университета. Онъ болѣе требовалъ, чѣмъ самъ давалъ или исполнялъ. Онъ говорилъ своимъ слушателямъ, читая лекціи по славяно-русской палеографіи, что они обязаны, списывая рукопись, давать точное воспроизведеніе ея: буква въ букву, точка въ точку, но самъ въ своихъ изданіяхъ не исполнялъ этихъ правилъ. Такъ очень часто въ его работахъ встрѣчаются ошибки: з вмѣсто ь и наоборотъ. Срезневскій первый работалъ въ широкомъ масштабѣ, онъ первый заговорилъ о вещевой палеографіи, но матерьялъ онъ собиралъ не лично, а тотъ, который ему приносили, былъ ненадежный, и многое онъ принималъ на вѣру, безъ критической оцѣнки. Вотъ почему его палеографическая дѣятельность, при всей ея исторической значительности, не имѣетъ такого значенія, какъ дѣятельность Горскаго или Востокова. Ему принадлежитъ „Славяно-русская палеографія“ (1884 г.), которой многимъ обязаны и новѣйшія изслѣдованія.

Затѣмъ отмѣтимъ частныя работы по палеографіи, прежде всего двѣ работы Н. П. Лихачева: „Бумага и бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ“ и „Значеніе бумажныхъ знаковъ“ (1899 г.). Последняя работа необходима для палеографа потому, что это единственная книга на русскомъ языкѣ, въ которой можно пользоваться снимками, такъ какъ подобныя ей работы—Лаптева и Тромонина—мало-содержательны.

Относительно исторіи орнамента, который встрѣчается въ русскихъ рукописяхъ, можно указать нѣсколько работъ. Прежде всего—монументальное изданіе „Русскій орнаментъ“ Бутовскаго (Московскаго художественно-промышленнаго музея). Это изданіе, стоящее сто рублей, дѣйствительно великолѣпно исполнено; его критически оцѣнилъ Буслаевъ. Существуетъ дешевое изъ него извлеченіе, доступное по цѣнѣ: „Матеріалы для промышленнаго рисовальщика“. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ тетрадей, въ немъ всего 50 листовъ, и стоитъ 3 р. 60 коп.

Затѣмъ надо отмѣтить монументальное-же изданіе Стасова: „Русскій и восточный орнаменты“. У Стасова существуетъ своя, исключительная, теорія относительно происхожденія русскаго орнамента изъ Индіи,

и онъ невольно въ своемъ изданіи подбиралъ рисунки для подтвержденія этой своей теоріи. Рисунки для него дѣлалъ племянникъ его Богдановъ. Однажды Стасову было указано на орнаментъ, содержащій въ себѣ готическій элементъ—онъ отвергъ его, какъ не подходящій подъ его теорію.

Любопытно изданіе кн. Г. Г. Гагарина: „Славянскіе и византійскіе орнаменты“, продававшееся исключительно при школѣ Штиглица. Это изданіе имѣетъ опять таки цѣли чисто практическія. Недостатокъ его въ томъ, что рисовальщики были настоящіе художники: орнаментъ у нихъ лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ въ массѣ всевозможныхъ изданій памятниковъ древней литературы (есть указатель Мезьера подъ заглавіемъ: „Исторія русской словесности“) мы находимъ много снимковъ: каждый изслѣдователь старается приложить факсимиле того памятника, который онъ издаетъ. Таковы изданія: Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Спб. и Московскаго Археологическихъ обществъ, изданіе Археологическихъ съѣздовъ и т. д. Въ С.-Петербургѣ есть отдѣльное Общество, въ родѣ Обществъ Agundell и Camden society въ Англии: это Императорское Общество Любителей Древней Письменности, учрежденное въ 1877-мъ году. У основателя Общества, князя П. М. Вяземскаго, было однако странное отношеніе къ палеографической точности снимковъ: нѣкто Елисѣевъ, хорошо писавшій полууставомъ, долженъ былъ списывать рукописи иногда черезъ прозрачную бумагу, а то прямо отъ руки, автографировать. Эта идея испортила цѣлый рядъ первыхъ изданій.

Археографической комиссіей даны палеографическія изданія лѣтописей подъ редакціей Тимоѣева. Ему-же пришлось редактировать текстъ знаменитаго „Святославова Изборника“—изданія, стоившаго около 30,000 рублей. Корректируя негативы, Тимоѣевъ позволялъ себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлать корректурныя поправки: нѣкоторыя пятна обратились у него въ крючки, а нѣкоторые крючки были имъ уничтожены какъ пятна, такъ какъ Тимоѣевъ вовсе не былъ филологомъ. Это вызвало очень рѣзкую рецензію Козловскаго, ученика Ягича. Эта критика важна для палеографа.

Отмѣтимъ теперь изданія по западно-русскимъ древностямъ Батюшкова, памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, сборникъ палеографическихъ снимковъ, хранящихся въ Виленскомъ музеѣ, изданные Яковомъ Петровичемъ Главатскимъ снимки съ рукописей 1432—1548, и Каманина „Палеографическій сборникъ южно-русскаго письма 15 и 16 столѣтій“. Братся за южно-русскія письма, не зная польскаго языка досконально, невозможно, такъ какъ рѣчь испещрена

полонизмами. Есть словарь Горбачевского, который поможет неспециалисту.

Переходя къ собраніямъ рукописей, укажемъ, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, то, что является доступнымъ намъ, живущимъ въ Петербургѣ. Во-первыхъ: Публичная Библіотека, имѣющая до 30,000 различныхъ рукописей русскихъ и иностранныхъ. Въ нее вошли отдѣльныя собранія, снабженныя и отдѣльными каталогами: есть каталоги собранія Толстого, собранія Погодина (часть сборника описана А. О. Бычковымъ), и цѣлый рядъ описаній въ отчетахъ Публичной Библіотеки: таковы описанія рукописей Богданова, Большакова, Буслаева и др. Въ большинствѣ случаевъ—это работы И. А. Быкова, начальника рукописнаго отдѣленія, тамъ-же работаютъ профессора В. В. Майковъ и Н. Каринскій. Затѣмъ большое собраніе находится въ здѣшней Духовной Академіи, гдѣ хранятся собранія рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Новгородской Софійской библіотеки. Описание части рукописей А. С. Родосскаго напечатаны въ „Христіанскомъ чтеніи“, кое-какія вещи вошли въ отдѣльныя монографіи. Цѣльнаго каталога, кромѣ рукописнаго—нѣтъ.

Еще есть собраніе рукописей Археологическаго Общества, описание котораго составлено Д. И. Прозоровскимъ, первымъ преподавателемъ палеографіи въ нашемъ Археологическомъ институтѣ. „Рукописи археологической комиссіи“ описаны Барсуковымъ. Очень хорошее собраніе рукописей у Академіи Наукъ, доселѣ неописанное. Кое-что находится у г. Н. П. Лихачева, В. Г. Дружинина, проф. И. А. Шляпкина, кое-что найдется и у другихъ лицъ. Вообще-же, кто желалъ-бы познакомиться съ рукописями, долженъ непременно посѣтить Публичную Библіотеку и просто подержать въ рукахъ ихъ: тотъ, кто не видѣлъ рукописей, никогда не получитъ достаточнаго о нихъ понятія.

Перечень предметовъ русской вещевой палеографіи съ точной хронологіей до 17 вѣка.

10—11 вѣкъ.

Владимірово и Ярославово серебро и злато (монеты).

Гр. И. И. Толстой. „Древнекіевскія монеты“.

1068. Тмутараканскій камень, (мраморъ).

Въ Эрмитажѣ. И. И. Срезневскій „Сл.-Русск. Палеографія“.

12 вѣкъ.

1097—1108. Шапка Св. Никиты.

Тамъ-же.

1106—1157. Сосуды Антонія Римлянина, (серебро).

„Древности Рос. Гос.“ Ѳ. Г. Солнцева.

1117. Финифти оклада Мстиславова Евангелія (изображ. Евангелистовъ).

Н. М. Снегиревъ. „Памятники Московской древности“ и П. К. Симони, „Мстиславова Евангеліе“.

1127. Новгородскія graffiti (проф. Шляпкина).

Фотогр. Археолог. Комиссіи. Сводъ русскихъ вещей надписей.

1129. Печати Мстиславовой грамоты, (золото).

Срезневскій, „Древніе памятники письма и языка“.

1133. Стерженскій крестъ, (камень).

А. К. Жизневскій, „Описание Тверского музея“. В. И. Колосовъ—отдѣльная брошюра о крестѣ.

1149. Антиминсъ.

Не существуетъ. Изданъ Срезневскимъ въ „Русскихъ Древностяхъ“ А. В. Прохорова.

1151. Чаша Мстислава.

Изд. А. О. Бычковымъ въ Зап. Рус. Арх. Общ.

1157. Крестъ Евфросиніи Полоцкой, (серебро).

Изд. Батюшковымъ въ „Памятникахъ Русской Старины въ Зап. Россіи“. Полевой „Ист. Русск. Словесн.“.

1171. Рогволодовъ крестъ, (камень).

Изд. Кеппенемъ въ Учен. Зап. Академіи Наукъ.

1192. Крестъ и поручи пр. Варлаама Хутынскаго, (спрудная мѣдь и шелкъ). *ручички и шёлк*

Толстой и Кондаковъ „Русскія древности“, вып. 6-ой.

Памятники 12 вѣка не датированные:

Камень „Степанъ“ (въ Тверскомъ музеѣ).

Жизневскій „Описание Тверского Музея“.

Черниговская и другія гривны.

Издание гр. И. И. Толстого „Змѣвѣики“.

Новгородскія graffiti.

Изд. Щепкина.

Корсунскіе образа въ Новгородск. Софійскомъ соборѣ.

Толстой и Кондаковъ „Русск. Древности“, вып. 6-ой.

Надписи кіевскихъ пещеръ.

Труды 1-го археологическаго съѣзда.

Борисовы камни.

Изд. А. С. Сапуновымъ и П. Кеппеномъ въ Уч. Зап. Ак. Н. Дмитровскій потиръ, (серебро).

Изд. А. В. Орѣшникова.

Надписи на фрескахъ Новгородскаго Софійскаго собора (въ барабанѣ собора на хартіяхъ пророковъ и надпись „Алена“ на изобр. въ алтарѣ).

Голосникъ („Стефанъ фль“).

Клейма на фрескахъ Софійскаго Новг. собора.

Рипиды.

Чара князя Владиміра Давидовича Черниговскаго.

Кирпичи изъ Мстиславова храма (на Волыни).

13 вѣкъ.

1212. Воздвизальный крестъ Антонія, Архіеп. Новгородскаго.

Не существуетъ, снимокъ въ „Древн. Рос. Госуд.“.

1216. Новгородскія graffiti (Шляпкина).

1216. Шлемъ Кн. Ярослава-Ѳеодора, (желѣзо и золото).

Толстой и Кондаковъ. „Русск. Древности“, вып. 6-ой.

1224. Крестъ въ Юрьевѣ-Польскомъ Кн. Святослава Всеволодовича.

Изд. Шляпкинымъ въ Записк. Русск. Арх. Общества и Толстымъ и Кондаковымъ въ „Русск. Древн.“, вып. 6-ой.

1234. Каменный крестъ Симеона, чернеца Аркажскаго, (въ Новгородѣ).

1254. Нередицкія graffiti (Срезневскаго).

1251—1259. Печати Новгородскихъ грамотъ съ Ригой, (свинець).

Изданы у Напіерскаго. Грамоты—среди снимковъ въ Румянцевскомъ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“.

1270. Ратиборова печать, (свинець).

1278. Нередицкія graffiti (Срезневскаго).

1299. Печать грамоты Андрея, (свинець).

Изд. у Напіерскаго.

13 вѣка недатированные:

Печать Довмонта Псковского, (свинець).

Нередицкія фрески.

Изданы у А. В. Прохорова, Н. В. Покровскаго, Толстого и
Кондакова, и др.

Старо-Ладожскія graffiti.

Изд. Бранденбургомъ, „Старая Ладога“.

Владимірская надпись, (мѣдь).

Изд. Н. П. Лихачевымъ въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“.

Разломанный камень изъ Георгіевскаго собора Старой Ладоги.

Снимокъ—въ альбомѣ, изданномъ къ юбилею Археол. Об-
щества.

Старо-Ладожскія надписи на фрескахъ.

14 вѣкъ.

1305—1307. Печати Новгородскихъ грамотъ, (свинець).

Изд. Напѣерскимъ.

1323. Сосуды Моисея Новгородскаго, (серебро).

1336. Васильевскія врата (входныя), вывезенныя Іоанномъ Гроз-
нымъ изъ Новгорода, нынѣ находятся въ Успенскомъ мона-
стырѣ г. Александрова, (спрудная мѣдь).

Изд. въ Сборн. Археолог. Института.

1341. Колоколъ въ церкви св. Георгія во Львовѣ.

Фотографія А. Г. Воробьева.

1343. Окладъ Евангелія Симеона Гордаго, (хранится въ ризн.
Троице-Сергіевой Лавры).

Изд. П. К. Симони.

1359. Людогощинскій крестъ, (дерево).

Толстой и Кондаковъ „Русск. Древности“, вып. 6-ой.

1359—1389. Алексѣевскій крестъ, въ запад. стѣнѣ Новгород. Со-
фійскаго собора.

Толстой и Кондаковъ „Русск. Древности“, вып. 6-ой.

1362. Омофоръ Еп. Моисея, (шелковое полотно).

„Древности Росс. Государства“, Ѳ. Г. Солнцева.

1363. Вологовская надпись, (испорчена).

Толстой и Кондаковъ „Русск. Древности“, вып. 6-ой.

- Около 1377. Борисоглѣбскій крестъ въ Новгородѣ, (камень).
 Около 1379. Молотковскій крестъ въ Новгородѣ, (камень).
 1380. Ковалевская надпись (вновь переписана).
 1382. Ковчегъ Страстей Христовыхъ, въ Московской синодальной
 ризницѣ, (золото и серебро).
 Фотогр. Арх. Коммиссиі.
 1392. Окладъ Евангелія боярина Феодора Андреевича Кошки
 (хранится въ ризницѣ Троице-Сергіевой Лавры).
 Изд. П. К. Симони.
 1395. Печать Бѣлозерской грамоты, (воскъ).
 Фотограф. Архив. Коммиссиі.

Памятники 14 вѣка не датированные.

- Панагіи: Святодуховск. (Вологодск.) и Желтиковск. монаст. въ Твери.
 Первая издана П. П. Савваитовымъ.
 Кожаный парамандъ, съ изображеніемъ двенадцатыхъ праздни-
 ковъ. Въ Москвѣ.
 И. И. Срезневскій, „Сл.-Русск. Палеографія“.
 Корсунскія врата въ Новгородѣ. (Русскія надписи къ 14 вѣку,
 латинскія-же относятся къ 12).
 Толстой и Кондаковъ, „Русск. Древн.“, вып. 6-ой.
 Мѣдный крестъ Преподобнаго Сергія Обнорскаго.
 Деталь „Сіона“.
 Надгробные новгородскіе кресты (Новгородскій Музей).

15 вѣкъ.

- Каменный крестъ восточнаго, Сирійскаго, типа.
 Евангеліе Троице-Сергіевой Лавры.
 Каменные плиты Волынскаго собора.
 Каменные плиты Церкви Спаса Прилуцкаго въ Вологдѣ.

16 вѣкъ.

- Надгробныя плиты въ Новгородскомъ музеѣ („Пелагея младенецъ“
 и „Писаль самъ Семень“).

Чара Іоанна Грознаго.

Царское мѣсто въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (вязь).

Плащаница Ярославова, (на матеріи).

17 вѣкъ.

1668. Старицкая надпись („Марія знаменосица“). Вязь.

Чара Алексія Михайловича.

Подсвѣчники изъ Московскаго Успенскаго Собора (вязь).

Палица (съ изображеніями Божіей Матери и святыхъ).

Индиктія (воздухъ). Въ Твери.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ 15 столѣтія количество надписей дѣлается большимъ. Затрудненіе при чтеніи ихъ представляетъ такъ называемая вязь.

Зачатокъ вязи мы видимъ еще въ катакомбахъ (имя Христа). Первоначально она появляется въ видѣ соединенія (лигатуры) буквъ, а затѣмъ вся надпись сливается въ одинъ затѣйливый узоръ—вязь. Благодаря трудамъ В. Н. Шепкина мы знаемъ, что вязь съ круглыми концами и неровной толщиной и кривизной буквъ относится къ 15—16 столѣтіямъ. Съ 17 в. вязь принимаетъ характеръ ломанныхъ и сильно удлинённыхъ линий, и всѣ буквы становятся почти одинаковой толщины. Читать ее трудно: приходится ставить ее въ ракурсѣ, чтобы видѣть буквы въ сокращеніи (рядъ обычныхъ лигатуръ данъ И. П. Сахаровымъ въ его снимкахъ).

§ 8. Обзоръ азбуки вещевыхъ надписей въ связи съ азбукой письменныхъ памятниковъ.

У насъ есть цѣлый рядъ сводныхъ азбукъ, касающихся русскаго книжнаго письма, но свода азбукъ вещевыхъ надписей не существуетъ.

Самая первая сводная азбука принадлежитъ Оленину 1806 г. (11—15 в.в.). Далѣе въ изданіи графа Румянцева: „Іоаннъ экзархъ болгарскій“, Калайдовича (М. 1820 г.) есть сводныя таблицы буквъ 12 вѣка. Въ его-же изданіи: Собраніе славянскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, составлен. П. Кеппеномъ (Спб. 1827 г.), есть сводъ азбукъ Остромирова евангелія и евангелія 1492 г. Въ Матеріалахъ для исторіи

письменъ (изд. Моск. Унив. 1855 г.), въ статьѣ Буслаева, на 20 таблицахъ помѣщены алфавиты рукописей 1076, 1144, 1220, 1296, 1355, 1409 и 1499 годовъ. Въ Bulletin de la classe philologique de l'Academie St. Pétersbourg V, 33—48 напечатана статья Кеппена „Ueber das russische Alphabet“ 1856 г. Къ ней приложены таблицы изъ разнаго рода памятниковъ русской письменности 11—15 вѣковъ. Подобнаго-же рода таблица находится въ извѣстномъ изданіи Палеографическихъ снимковъ Саввы, епископа Тверского, бывшаго ранѣе въ Москвѣ синодальнымъ ризничимъ и библіотекаремъ ¹⁾. Изъ вещевыхъ надписей гр. И. И. Толстой далъ сводную таблицу буквъ на монетахъ. Отсутствіе свода вещевыхъ начертаній понятно.

Было-бы цѣнно, если-бы мы могли дать что-нибудь совершенно устойчивое, но въ данный моментъ приходится повторить то, что не разъ уже было говорено: данныхъ точныхъ, строго опредѣленныхъ для какого-нибудь періода, дать нельзя: мастеръ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могъ имѣть свой вкусъ; затѣмъ количество памятниковъ невелико; поэтому выводы о начертаніи отдѣльныхъ буквъ тусклы и неустойчивы. Схватываешься за одну букву—она переноситъ положительно въ 11—12 столѣтіе; другая буква можетъ колебаться между 12 и 13 столѣтіемъ, третья принадлежитъ къ 13 и 14 столѣтію и т. д. Необходимо ориентироваться при помощи цѣлаго ряда признаковъ и, въ особенности, брать весь алфавитъ, а не одну букву. Въ отдѣльныхъ буквахъ, конечно, есть легкіе намеки на нѣкотораго рода правильныя хронологическія измѣненія, но буквъ такого рода очень малое количество, на примѣръ буквы: „живете“, „иже“; лично проф. Шляпкину удалось подмѣтить „мыслете“: оно имѣетъ выдержанный характеръ; характерно „нашъ“, далѣе имѣетъ значеніе „есть“, особенно если оно іотированное; послѣ этого нужно отмѣтить „ы“, довольно точный признакъ для двухъ періодовъ (до и послѣ 15 вѣка) въ смыслѣ начертанія. Затѣмъ важно употребленіе юсовъ, большого и малаго и „ъ“ и „ь“ (употребленіе, не начертаніе).

Постараемся указать нѣкоторыя измѣненія буквъ алфавита.

Беремъ первую букву: „Азь“ (числовое значеніе—1).

Первое начертаніе (рис. 1) „А“ въ 11 столѣтіи въ рукописныхъ памятникахъ подходитъ въ большинствѣ случаевъ къ греческому прототипу; оно отличается стройностью, тонкостью и красотой линій: нѣтъ въ немъ ни рѣзкихъ очертаній, ни рѣзкихъ чертъ, оно имѣетъ прекрасную

¹⁾ Она перепечатана въ книгѣ А. Б. Шницера „Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ“. Спб. 1903 г., стр. 208. Книга Шницера издана роскошно, но научное ея значеніе сомнительно.

форму, не слишкомъ высоко, не слишкомъ широко, ровное, только легкое утолщеніе замѣчается справа. Таково „А“ въ рукописномъ матеріалѣ, а въ вещахъ, въ зависимости отъ матеріала, отъ рукописнаго оно будетъ розниться.

Если мы обратимъ вниманіе на монеты, то сразу замѣтимъ совершенно неожиданныя уклоненія отъ этой первоначальной формы, происшедшія и отъ матеріала, и оттого, что тотъ, кто выбивалъ, старался поскорѣй отдѣлаться, и вслѣдствіе этого путалъ штампъ. Такъ, на примѣръ, встрѣчаются такого рода „А“ (рис. 2). Такое „А“ съ хвостомъ въ рукописяхъ начинаетъ встрѣчаться только съ 15 столѣтія, а здѣсь мы должны отмѣтить 11-е. Рѣзчикъ могъ быть и иностранецъ, это видно изъ того, что онъ (вѣроятно въ первый разъ) сдѣлалъ слѣдующее (рис. 3). Затѣмъ результатомъ-ли стертаго штампа, или просто-на-просто неизвѣстнымъ намъ начертаніемъ (такъ какъ въ греческомъ есть такое начертаніе), является вмѣсто „А“—уголъ (тамъ-же).

Въ Стерженской надписи (1133 г.) видимъ, что выбивать каменщику рукописное круглое *a* было, вѣроятно, неудобно, и „А“ Стерженскаго креста появилось, какъ на рис. 4, а затѣмъ и другого типа, съ маленькимъ удлиненіемъ (рис. 5). Это типы 11 вѣка.

Въ 12 столѣтіи у „А“ появляется нѣкотораго рода признакъ, который облегчаетъ наше знакомство съ нимъ: у него сверху является крышка. Мы видимъ ее и въ письменныхъ памятникахъ 12 вѣка. Она заключается въ слѣдующемъ (рис. 6).

Прикрытіе сверху встрѣчается у насъ уже въ 1106 году въ такомъ типѣ: задняя палочка стала прямѣе (рис. 7), а кузовъ сталъ острѣе, но кровля попрежнему сохранилась; затѣмъ на антиминосѣ 1149 г. приходилось чертить чернилами на матеріи, и тутъ вышло тоже нѣчто не совсѣмъ схожее: можетъ быть это зависитъ отъ неудобства: кровля осталась, но она выѣхала впередъ (7-а).

Затѣмъ слѣдуетъ начертаніе другого характера (рис. 8-а и 8-б—потиръ св. Антонія Римлянина и шапка Никиты), т. е. типъ стараются удержать какъ 11 в., но во всякомъ случаѣ является кровля. Мы находимъ схожую букву „А“ въ надписи „Степанъ“. Тамъ является эта самая буква въ нѣсколько другомъ видѣ: она является тамъ написанной, какъ на рис. 9, т. е. концы немножко спустились, но надъ нею попрежнему сохраняется это верхнее прикрытіе; если это такъ, въ такомъ случаѣ и камень „Степанъ“ можетъ быть отнесенъ къ 12 столѣтію, какъ типичная вещь, съ накрытіемъ.

Накрытіе къ 13 вѣку постепенно исчезаетъ, остается лишь намекъ на него въ рукописяхъ и вещахъ. Кузовъ дѣлается въ вещевыхъ надписяхъ обыкновенно острѣе. Въ сравненіи съ „А“ рукописнымъ, мы имѣемъ уже нѣкоторую разницу; является утолщеніе задней половины „А“—типа, какъ на рис. 10-а; причемъ самое это утолщеніе съ извѣстной точки зрѣнія объясняется, вѣроятно, небрежностью, потому что въ немъ замѣтно слѣдующее явленіе: верхняя часть его какъ будто нажата слишкомъ сильно, а потомъ сразу проведено, сама буква уже начинаетъ немного коситься, и прямой вертикальной линіи въ 13 вѣкѣ врядъ-ли найдемъ. Если-бы и оказалось противоположное, все-таки палеографу приходится цѣпляться за каждую мелочь, разъ она даетъ возможность хотя нѣсколько разобратъ. Въ цѣломъ рядѣ надписей печатей 13 вѣка встрѣчаемъ эту примѣту (въ рисункѣ она нарочно болѣе рѣзко обозначена) въ видѣ намековъ; на примѣръ, въ 1211 г. мы имѣемъ сразу два „А“, одно какъ на рис. 10-а, другое какъ на рис. 10-б, т. е. эти крышки, которыя уѣхали въ одну сторону, раньше тонкія—здѣсь толстыя, указываютъ на тотъ-же самый нажимъ, про который мы говорили. Но рядомъ съ этимъ въ надписи 1234 г. Аркажскій крестъ, мы встрѣчаемъ неожиданно совершенно обратное „А“ съ типомъ 11 столѣтія, съ тою лишь разницей, что рѣзчикъ не сумѣлъ сдѣлать тонкихъ чертъ своего „А“, и у него „А“ 13 столѣтія появилось въ формѣ рис. 11-а, нижнее утолщеніе

въ камнѣ осталось безъ намековъ, въ зависимости, конечно, отъ матеріала. Впрочемъ тамъ-же, рядомъ есть „А“ съ крышкой (рис. 11-б).

Затѣмъ въ 14 столѣтіи продолжаетъ писаться „А“ стараго періода, будто правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неожиданно повторяется тотъ-же самый примѣръ, т. е. одно „А“ является написаннымъ совершенно обычно съ острымъ кузовомъ и утолщеніемъ (рис. 12-а) въ одну сторону, а другое является написаннымъ въ обратную (рис. 12-б). Отсюда практическій выводъ: если попадется какой нибудь памятникъ, въ которомъ встрѣчается такая постановка буквъ, и остальные признаки не противорѣчатъ имъ, то самое помѣщеніе буквъ въ обратную сторону даетъ право отодвинуть время надписи назадъ, т. е. отнести ее къ 13 столѣтію, конечно, если другіе признаки буквъ, матеріалъ и проч. этому не препятствуютъ.

Въ концѣ 14 столѣтія для начертанія „А“ можно вывести уже извѣстнаго рода твердое основаніе. Это—исчезновеніе наклона задней черты, который намъ извѣстенъ въ 11, 12 и 13 столѣтіяхъ; хотя и тамъ есть уже нѣкоторое приближеніе наклона къ вертикали, но съ 14 вѣка вертикальность задней черты дѣлается почти обязательной (рис. 13). Разъ надпись на камнѣ—высѣкать вертикаль по камню легче.

Утолщеніе задней черточки, которое въ 11 и 12 столѣтіи считалось обязательнымъ, а въ 13 нѣсколько колебалось подъ вліяніемъ небрежности рѣзчиковъ, здѣсь дѣлается обычнымъ. Неопредѣленность правой стороны наблюдается и въ вещественныхъ и въ письменныхъ памятникахъ.

Въ 15 столѣтіи въ письменной и въ вещевой азбукѣ мы встрѣчаемся снова съ подобнаго рода признаками: исчезаетъ слишкомъ большое утолщеніе „А“, оно дѣлается болѣе худощавымъ. Типъ начертанія въ 15 столѣтіи, какъ будто снова начинаетъ склоняться къ старому типу. Здѣсь, конечно, чувствуется извѣстнаго рода южно-славянское вліяніе. На вещахъ мы имѣемъ одну новость: задняя черточка, которую мы отмѣчали, въ 15 вѣкѣ начинаетъ нѣсколько равняться по толщинѣ съ передней. Начертаніе, попрежнему оставаясь прямымъ, вообще дѣлается тоньше; особенно передняя его часть дѣлается къ концу 15 вѣка совершенно тонкой, такъ что можно сказать, что буква къ 16 столѣтію точно похудѣла. Вотъ вещевые и письменные типы для 15 столѣтія. Къ концу 15 в. замѣчается такого рода подборъ: нижняя часть кузова начинаетъ подыматься кверху (рис. 14).

Затѣмъ къ 16 столѣтію остается вертикальное употребленіе такой-же худощавой буквы, но уже въ немъ является недописанность: кузовокъ не доходитъ до нижней поверхности (рис. 15). Съ 16 столѣтія въ первый

18

Б

19

Б

20

Б

21

Б

22

Б

23

Б

24

Б

25

Б

26

Б

27

Б

28

Б

29

Б

30

Б

31

Б

32

Б

33

Б

34

Б

35

Г

36

Г

37

Г

38

Г

39

Г

40

Д

41

Д

42

Д

43

Д

44

Д

45

Е

46

Е

47

Е

47

Е

48

Е

49

Е

50

Е

51

Е

52

Ж

53

Ж

54

Ж

55

Ж

56

Ж

57

Ж

58

Ж

разъ подъ вліяніемъ этого въ вещахъ мы начинаемъ встрѣчать „А“ такого характера, какъ на рис. 16 — болѣе соответствующее рукописнымъ.

Въ 17 столѣтіи эта рѣзкость идетъ еще дальше и, наконецъ, превращается въ то, что можно было-бы назвать греческой альфой (рис. 17).

Вотъ нѣсколько общихъ соображеній по поводу измѣненій буквы „А“ въ ея начертаніяхъ. Указанія нарочно сдѣланы болѣе подробныя, чтобы отмѣтить, на что нужно обращать вниманіе при разборѣ начертаній отдѣльныхъ буквъ ¹⁾.

Относительно происхожденія буквы „Б“ (буки) можно сказать слѣдующее: съ одной стороны она встрѣчается въ именахъ, гдѣ она замѣняетъ греческую „бету“, но самое начертаніе ея, съ другой стороны, вѣроятно, относится къ числу восточныхъ (коптскихъ). Особаго числового значенія она не имѣетъ. При характеристикѣ надписей вообще ее можно раздѣлить на два періода. Измѣненіе касается преимущественно ея носа, т. е. верхней части. До 15 вѣка мы имѣемъ въ извѣстной степени первоначальное начертаніе, такого типа, какъ на рис. 18, далѣе появляется уже такой, какъ на рис. 19.

Буква, при дальнѣйшихъ начертаніяхъ, начинаетъ постепенно опускать верхнюю часть и къ 15 столѣтію, если даже оставить нижнее ея очертаніе тѣмъ-же самымъ, — ея характеръ постепенно дѣлается такимъ, какъ на рис. 20. Если мы пойдемъ еще дальше, то замѣтимъ, что буква дѣлается болѣе наклонной; нижняя часть ея уступаетъ свое мѣсто, а верхняя почти дорастаетъ до низу (рис. 21).

Можно подмѣтить, что начертаніе зависитъ и отъ матеріала, на которомъ выбивается буква: такъ, напримѣръ, въ Тмутараканской надписи 1068 г. (рис. 23), Роговолодовомъ камнѣ 1171 г. (рис. 22) и др. (12 столѣтія), верхняя часть является въ видѣ горизонтали почти безъ крючка (нижняя часть для насъ безразлична).

При долбленіи известняковой плиты, при ея слоистости, или на ломкомъ песчаникѣ, изобразить крючокъ было, сравнительно, трудно; дѣлалась одна горизонтальная черта, безъ крючка. Но безъ крючка „Б“ и на Варлаамовомъ крестѣ (12 в.) изъ мѣди; надпись нацарапали видимо съ трудомъ. Чѣмъ объяснить маленькій крючокъ „Б“ въ надписи на фрескахъ пророковъ въ куполѣ Новгородскаго Софійскаго собора (рис. 24), гдѣ работали кистью, хотя очертанія дѣлались ножемъ: быть можетъ, лопалась известка?

¹⁾ Дальнѣйшіе обзоры сдѣланы короче.

Изъ дальнѣйшихъ начертаній „В“ рукописнаго типа (рис. 25), съ соответственнымъ наклономъ и выхожденіемъ верхней части изъ строки, встрѣчается въ вещевыхъ и въ книжныхъ надписяхъ. На церковныхъ сосудахъ и другой металлической утвари, надпись дѣлается вертикально и „В“ изображается по старому. Но, въ послѣдствіи, при описи, взвѣшивая и дѣлая на предметъ помѣтки, тотъ, кто дѣлалъ ихъ, руководился уже рукописнымъ шрифтомъ и придавалъ буквѣ „В“ рукописный характеръ, т. е. тотъ, который мы пишемъ теперь. Такія надписи на утвари попадаютъ на поддонъ вещей. Въ общемъ своемъ типѣ, переходномъ, буква носить такой характеръ уже съ 16 столѣтія (рис. 25).

Для 17 столѣтія этотъ характеръ продолжается и переходитъ постепенно къ тому, что мы видимъ на рис. 26.

Слѣдующая буква „В“ (вѣди).

По начертанію она несомнѣнно соответствуетъ греческой буквѣ бетѣ („β“) и имѣетъ числовое значеніе—2¹⁾. Исторія ея представляетъ намеки на кой-какой ходъ графическаго измѣненія. Въ началѣ, т. е. въ 11 столѣтіи, мы имѣемъ внутреннее соединеніе (рис. 27), т. е. одна ея сторона соединяется съ другой стороной. На утолщенія я здѣсь не обращаю вниманія.

Затѣмъ для 12 столѣтія и слѣдующихъ, является начертаніе такого типа, какъ на рис. 28 и 29, т. е. разстояніе между верхнимъ и нижнимъ кузовами буквы „В“ дѣлается нѣсколько больше. Уже съ 12 столѣтія замѣчается стремленіе къ извѣстнаго рода округлости верхней части буквы. Въ 13 вѣкѣ это дѣлается твердо, опредѣленнѣе, и мы находимъ, начертаніе „В“, близкое къ современному.

Такъ въ Нередицкихъ фрескахъ 13 столѣтія для него мы имѣемъ форму, какъ на рис. 30.

То разстояніе, которое мы отмѣтили здѣсь, постепенно суживается и начинаетъ приобрѣтать характеръ, какъ на рис. 30.

Дальнѣйшія измѣненія буквы „В“ съ 14 столѣтія заключаются въ томъ, что верхній кузовъ начинаетъ дѣлаться все меньше и входитъ какъ-бы остриемъ въ нижній кузовъ (рис. 31), хотя на сосудахъ св. Моисея, 14 столѣтія, мы имѣемъ очертаніе, какъ на рис. 32.

Далѣе, въ 15 столѣтіи мы въ первый разъ наряду съ этой формой начинаемъ встрѣчаться и съ полууставнымъ „В“, которое дѣлается извѣстнымъ въ послѣдствіи (рис. 33).

¹⁾ Произношеніе беты по Эразму = русскому б, по Рейхлину в. Первое чтеніе—въ нашихъ свѣтскихъ, второе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ древней русской письменности: ср. бібліотека и вивліюэика, Blaise и Власій, Яковъ и Яковъ.

Въ 16 столѣтіи постепенное стремленіе верхняго кузовка войти въ нижній получаетъ типъ совсѣмъ особеннаго характера. Это дѣлается такъ (рис. 34): верхней палочки не доканчиваютъ, и „В“ получается какъ-бы безъ соединенія поперечнымъ шестомъ. Въ 16 столѣтіи имѣемъ еще совсѣмъ особое начертаніе (рис. 35).

Затѣмъ, въ 17 столѣтіи, наряду съ постояннымъ употребленіемъ „В“ безъ поперечной черты, мы находимъ въ вещахъ очень типичное изображеніе „В“, которое намъ напоминаетъ какъ-бы латинское „D“.

Тогда-же, въ 17 столѣтіи, „В“ начинаетъ мѣнять свое положеніе, т. е. является и въ вертикальномъ положеніи, и въ лежачемъ.

„Г“ (глаголь), числовое значеніе 3—вполнѣ соотвѣтствуетъ греческой гаммѣ. Наша буква въ 11 столѣтіи, иногда въ силу иностраннаго происхожденія рѣзчиковъ, ставится носомъ въ другую сторону (рис. 36). Обратимъ вниманіе на утолщеніе по серединѣ „Г“, объясненіе этому будетъ дано ниже, при разборѣ „Г“. Разница въ „Г“ 15 столѣтія та, что верхняя черта начинаетъ выѣзжать впередъ. Это характерно для 15 столѣтія. Не разъ пришлось наблюдать особенную и характерную (потому что она дѣлается часто на фрескахъ) лигатуру Г и И: это попадаетъ, главнымъ образомъ, въ словѣ „агіось“—святой (рис. 37). Лигатура такого типа находится, на примѣръ, въ Нередицкихъ и Ладожскихъ фрескахъ, но возможно встрѣтитъ ее и на болѣе позднихъ вещахъ, въ подражаніе старому образцу.

Для 16 и 17 столѣтій одинаково является наклонъ на вещевыхъ надписяхъ и въ рукописяхъ извѣстнаго рода—косая верхняя перекладина (рис. 38).

Затѣмъ переходимъ къ „Д“, добро—греческая дельта („Δ“).

Цифровое значеніе буквы „Д“—4. Общій типъ этой буквы видоизмѣняется для двухъ періодовъ: до 15 столѣтія мы имѣемъ слѣдующій типъ (см. рис. 39): ножки буквы „Д“ пишутся въ строку и идутъ прямо отъ боковъ буквы.

Съ 15 столѣтія верхняя часть начинаетъ ставиться какъ-бы на отдѣльномъ основаніи (рис. 40). Съ 16 столѣтія ножки начинаютъ выходить за строку (рис. 41), причемъ въ рукописныхъ формахъ или въ скорописныхъ, эти ножки уже начинаютъ дѣлаться болѣе или менѣе косыми. Нужно вспомнить еще одно изъ наблюденій, типичныхъ для „Аза“ 12 столѣтія: „А“ у насъ было съ кровлей и „Д“ тоже выдерживаетъ этотъ характеръ. Можетъ быть, это дѣлалось просто для однообразія и легкости письма.

Въ 16 же столѣтіи въ начертаніи „Д“ замѣчается, кромѣ ножекъ, другое измѣненіе: задняя часть ея начинаетъ расти и коситься, и „Д“ получаетъ форму, какъ на рис. 42, т. е. выходитъ изъ границъ за строку. Ножки ея фигурнаго типа. Въ нѣкоторыхъ вещевыхъ надписяхъ эти ножки несоразмѣрно длинны.

Въ 17 столѣтіи въ вещевыхъ надписяхъ у „Д“ происходитъ нѣкоторый переворотъ, оно пріобрѣтаетъ скорописный характеръ (рис. 43). Затѣмъ, ради оригинальности, упомянемъ еще одно „Д“ 17 столѣтія, встрѣчающееся въ вещахъ (рис. 44), внизу у него имѣется завертка.

Переходимъ теперь къ буквѣ болѣе интересной, потому что она играетъ большую роль въ грамматическомъ отношеніи: это буква „Е“ (есть). Числовое ея значеніе—5. Въ своемъ видѣ она отличается извѣстнаго рода длиннотой и худощавостью. Утолщенія ея въ рукописномъ видѣ сводятся къ утолщеніямъ верхней и нижней частей, и въ этомъ смыслѣ она очень близка къ своему греческому прототипу епсилонъ „ε“, но когда приходилось дѣлать надпись на какой-нибудь вещи, то, понятное дѣло, объ утолщеніяхъ или утоншеніяхъ не могло быть рѣчи, такъ какъ рѣзчикамъ было трудно выдѣлывать разныя тонкости, мелкіе куски выламывались. Любопытно, что и въ фресковой живописи мы не находимъ утолщеній; колонковья и бобровья кисти для тонины въ то время не употреблялись, а потому „Е“ не такого характера, какъ въ рукописяхъ. Въ 12 столѣтіи мы встрѣчаемъ букву „Е“ древней формы (рис. 45), но съ одинаковыми утолщеніями. Любопытно, что въ надписяхъ Новгородскаго купола, которыя относятся къ 12 столѣтію, мы встрѣчаемъ въ этомъ „Е“ попытки внести тѣ измѣненія, которыя появились затѣмъ въ 15 столѣтіи: это утолщеніе посреди внутренняго язычка, такъ что въ 12 столѣтіи мы должны отмѣтить такого рода явленіе, какъ на рис. 46. Можетъ быть это было специальное вліяніе общаго орнамента: тѣ-же срединныя украшенія мы встрѣчаемъ въ буквахъ: Г, Т и т. д. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже есть начало начертанія, которое впоследствии, къ 15 столѣтію, приметъ болѣе опредѣленную форму выдающагося язычка.

Затѣмъ въ Аркажскомъ крестѣ 1234 г. и во фрескахъ 13 столѣтія, въ Нередицкихъ, напримѣръ, „Е“ пріобрѣтаетъ новый характеръ. Буква дѣлается въ общемъ нѣсколько круглѣе, затѣмъ верхняя и нижняя части (см. рис. 47) снабжаются такимъ отросткомъ и, кромѣ измѣненія длины, дѣлается округленіе.

Къ 14 же столѣтію, съ большей или меньшей вѣроятностью (можетъ быть и раньше), нужно отнести и такое „Е“ съ движеніемъ кверху, какъ на рис. 48, и „Э“ (въ обратную сторону—на печатяхъ), и большое „Е“, извѣстное въ рукописяхъ и являющееся, можетъ быть, желаніемъ извѣстнаго украшенія росчерка, язычекъ вылѣзъ впередъ, и сама буква выросла (рис. 50).

Къ 15 столѣтію форма является уже установленной; у насъ постоянно является „Е“, которое больше другихъ буквъ и выходитъ изъ строки: „больше“ въ смыслѣ большаго діаметра округлости; если мы поставимъ рядомъ, на примѣръ, хотя-бы букву Ч, то буква Е будетъ шире, будетъ занимать больше мѣста, а съ другой стороны, она растеть также и внизъ, конецъ ея спускается, а язычекъ оказывается на самой средней линіи; объясняется все это, пожалуй, вліяніемъ южно-славянскаго письма.

Для 16 столѣтія, кромѣ продолженія старыхъ типовъ, мы отмѣтимъ острое „Е“ (рис. 49) и появленіе греческаго эпсилона (рис. 51).

Въ 17 столѣтіи нижній конецъ буквы „Е“ снова идетъ вверхъ (какъ рис. 48). Съ этими указаніями намъ нужно считаться и тогда, когда буква „Е“ является сложной съ іотомъ, т. е. іотированной. Общій признакъ для всѣхъ буквъ съ поперечной соединительной чертой, какъ іотированное „Е“ и іотированное „А“, состоитъ въ томъ, что поперечная черта, которая первоначально приходится противъ середины буквы, впоследствии начинаетъ мѣнять свой характеръ и подымается постепенно кверху, причемъ иногда дѣло доходитъ и до такого положенія, какъ на рис. 52. Только до 15 вѣка выдерживается правописаніе іотированнаго „Е“; оно встрѣчается, положимъ, и въ 15 и въ 16 столѣтіяхъ, но на этотъ разъ писець руководствуется лишь модой, а не слуховыми соображеніями, между тѣмъ, несомнѣнно, что „Е“ произносилось въ то время иначе, нежели Э или Ъ. Какъ именно произносился звукъ „Е“ въ начертаніи іотированномъ, твердо или мягко—сказать трудно, такъ какъ фонографовъ тогда не было, и приходится дѣлать лишь вѣроятныя догадки. Большой авторитетъ по русскому языку, А. И. Соболевскій, въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ даетъ намъ извѣстныя разъясненія по фонетикѣ, но онъ является въ общихъ чертахъ продолжателемъ старой Шлейхеровской теоріи, т. е. ставитъ въ тѣсную связь измѣненія письма и звуковую сторону языка; между тѣмъ существуетъ особая школа новыхъ грамматиковъ, которые эту фонетическую сторону освободили отъ власти письма, эмансипировали ее, и вотъ они измѣненія фонетической системы ставятъ во власть отъ разнаго рода явленій физиологическихъ, какъ-то: географическаго рельефа, климата и проч. Къ начертанію они относятся болѣе или менѣе съ недоувѣріемъ, и профессоръ лично тоже думаетъ, что письмо не вполне законное мѣрило для фонетическихъ явленій, въ особенности при маломъ количествѣ памятниковъ опредѣленныхъ областей (см. С. К. Булича; „Очерки изъ исторіи русскаго языковѣданія“. Спб. 1904).

Можно замѣтить, что послѣднее правильное употребленіе „Е“ будетъ въ 15 вѣкѣ; дальше мы встрѣчаемъ эту букву можетъ быть тамъ, гдѣ этого вовсе не слѣдуетъ; одинъ писецъ, можетъ быть, руководился одними, другой—другими соображеніями, такъ что здѣсь выводовъ дѣлать не будемъ. Ютированное „Е“ въ русскихъ вещевыхъ памятникахъ для 11—14 в. вообще важное явленіе.

„Ж“ (живете) не имѣетъ числового значенія. Происхожденіе ея неясно; но въ рукописной палеографіи ея начертаніе даетъ довольно опредѣленную схему времени. Когда „Ж“ пишется (въ рукописи) съ 3-хъ приемовъ—надпись является характерной для 11 и 12 столѣтій (см. рис. 53); въ вещевыхъ фресковыхъ надписяхъ легко замѣтить, что буква „Ж“ пишется въ 3-приема; но въ остальныхъ труднѣе.

Для 13 и 14 столѣтій въ фресковыхъ надписяхъ и въ рукописяхъ мы имѣемъ ~~верхнюю часть~~ „Ж“ очень короткой. Буква „Ж“ пишется въ 5 приемовъ въ рукописяхъ, но на вещахъ этотъ приемъ подмѣтить трудно. Вѣроятно, торопливость заставляла верхнюю часть „Ж“ писать все болѣе короткой.

Въ 14 столѣтіи верхняя часть въ рукописяхъ почти исчезаетъ и на рожки остаются лишь слабые намеки. Ежели мы обратимся теперь къ собственно вещевымъ надписямъ, то у насъ получится нѣкотораго рода несоотвѣтствіе. Для 12 столѣтія мы видимъ начертаніе тоже тремя приемами, какъ во фрескахъ (см. рис. 54, 55 и 56), причемъ верхняя часть отставлена отъ нижней (въ Аркажской надписи 13 вѣка схоже съ рис. 55). Но на камняхъ и металлѣ 14 столѣтія мы находимъ другой приемъ. Здѣсь мы скорѣй находимъ аналогію съ буквой „К“, а не „Ж“ (рис. 54). Думается, что здѣсь все зависѣло исключительно отъ матеріала: если начинаютъ выбивать на камнѣ, то въ серединѣ кусочки начинаютъ вываливаться, поэтому для удобства сдѣлали отступы. Такой-же приемъ соблюдался и при обработкѣ металла, гдѣ легко было прорѣзать его насквозь.

Въ 15 в. въ начертаніи „Ж“ встрѣчаемъ и въ вещевыхъ надписяхъ, и въ письмѣ рукописномъ переходъ къ полууставу. Верхняя часть иногда заходитъ за строку; любопытна средняя черта въ одномъ изъ памятниковъ такого вида, какъ на рис. 57 — будто изъ буквы „Х“ хотѣли сдѣлать букву „Ж“.

Къ 16 столѣтію и въ вещахъ и въ рукописяхъ „Ж“ имѣетъ новый типъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ (см. рис. 58), при этомъ средняя черта обязательно выходитъ изъ строки. Мы-бы ожидали, что это „Ф“,

но оказывается, что здѣсь дѣлалась нѣкотораго рода разница тѣмъ, что утолщеніе дѣлалось и въ поперечной чертѣ. Тѣмъ не менѣе, для того чтобы избѣжать подобнаго рода смѣшенія, стали употреблять въ вещахъ въ 16 столѣтіи „Ж“ не замкнутое. Это намекъ на то, во что постепенно превратится „Ж“ въ скорописномъ видѣ.

Въ 17 столѣтіи мы постоянно находимъ измѣненія буквы Ж такого типа, какъ на рис. 58. Иногда, можетъ быть въ силу торопливости, палочка даже не попадаетъ въ середину, а падаетъ сбоку.

Теперь слѣдующая буква „S“ (зѣло). Цифровое значеніе ея было—6. Эта буква, въ сущности, появилась у насъ тоже изъ какихъ-то особенныхъ источниковъ; это не греческая дигамма потому, что по начертанію она не соотвѣтствуетъ ей. Дигамма произносится какъ придыхательное фау (W), числовое ея значеніе въ греческомъ тоже — 6. Начертаніе ея

59 и 60

61

62

63

въ родѣ латинскаго F или двухъ соединенныхъ Г. „Зѣло“ не есть въ то же время и греческая сигма, потому что она рѣзко разнится отъ нея. Можетъ показаться, что составители этого алфавита знали латинскій алфавитъ, и S перевернули въ другую сторону; такъ оно и встрѣчается въ этихъ двухъ формахъ до 15 вѣка, безъ утолщеній (рис. 60).

Въ наше время обѣ буквы и „зѣло“ и „земля“ (S и Z) произносятся одинаково, но надо думать, что въ старыя времена „зѣло“ произносилось какъ польское „Дз“. Разъ въ 12 вѣкѣ оно попадаетъ въ такой странной формѣ, какъ будто какая-то змѣя (рис. 61). Зѣло замѣняетъ впоследствии „землю“ въ словахъ, обозначающихъ что-либо худое: змѣй, зло и пр. Съ этимъ же наклономъ, но въ другую сторону, она переходитъ и въ 13 и въ 14 столѣтія.

Въ 15 вѣкѣ для нея является другой характеръ (см. рис. 62). Такой характеръ, въ это же время, мы наблюдали въ буквѣ E. У буквы „зѣло“ нижняя заковычка начинаетъ выходить изъ строки и по-

степенно все болѣе и болѣе загибается. Употребленіе ея объясняется уже не фонетикой, а иными обстоятельствами.

Цифровое значеніе ея встрѣчается впервые на Тмутараканскомъ камнѣ (1068 г.). Слѣдуетъ запомнить ея значеніе, потому что этой буквой или „З“ начинаются годы (съ сотворенія міра) почти всѣхъ документовъ. Теперь пишемъ 7 тысячъ (З); до 1492 г. было 6 тысячъ (S).

Причина того, что передній хвостикъ сталъ увеличиваться—и была привычка часто переписывать годъ. Для того, чтобы обозначить эту цифру въ тысячахъ, приходилось употреблять перечеркиваніе черты (рис. 63). Иногда это надоѣдало: переписчикъ продолжалъ писать, росчеркомъ указывая на то, что это должно быть тысячи; вслѣдствіе этой привычки и выработалось подобное начертаніе этой буквы къ 15 вѣку.

Къ 16 вѣку она начинаетъ принимать болѣе изысканный видъ, болѣе фигурный.

Къ 17 вѣку буква „зѣло“ дѣлается какъ бы признакомъ хорошаго тона въ письмѣ, а потому ее лѣпятъ вездѣ, и тамъ, гдѣ худо и тамъ, гдѣ хорошо. „Зѣло“ попало и въ Петровскій печатный алфавитъ, такъ что у нея очень длинная исторія, но была ли звуковая нужда для ея начертанія (съ 15 вѣка)—въ этомъ очень можно сомнѣваться.

Переходимъ къ буквѣ „З“ (*земля*). Численное значеніе ея—7. Начертаніе ея сходно съ греческой дзета; греческое начертаніе соотвѣтствуетъ латинскому Z (рис. 64). Естественное дѣло, что въ первоначальномъ русскомъ начертаніи отразилось начертаніе греческое (рис. 65). Нижняя черточка въ старомъ алфавитѣ являлась нѣсколько скошенной (рис. 66). Исторію „земли“ можно разсматривать, такимъ образомъ, какъ исторію нижняго хвостика. Когда хвостикъ былъ малъ въ вертикальномъ положеніи, тогда это было древнѣйшее начертаніе (рис. 64—67). Съ 14 вѣка онъ началъ опускаться книзу (рис. 68). Въ 13—14 вѣкахъ мы видимъ постепенное измѣненіе всей буквы.

Затѣмъ, когда мы двинемся къ болѣе позднему времени, то въ 15 столѣтіи являются два новыхъ признака: прежде всего верхняя часть начинаетъ волноваться, а нижняя выростать впередъ, получается общій типъ такого рода (рис. 69—70). Значитъ, въ 16 столѣтіи вырабатывается уже то начало (рис. 71), которое соотвѣтствуетъ нашему печатному „з“; рукописное „з“, которое мы теперь имѣемъ, выработалось въ 17 столѣтіи (рис. 72).

„И“ (*иже*), восьмиричное и. Числовое значеніе—8. „Иже“ является болѣе или менѣе характернымъ, благодаря своей средней чертѣ. Съ 11

64 65 66 67 68 69 70 71
Z Z Z Z Z Z Z Z

72 73 74 75 76 77 78 79 80
3 H H H H H H I I

81 82 83 84 85 86 87 88
K K K K K K K K

89 90 91 92 93 94 95 96 97
L L L L L L L L

98 99 100 101 102 103 104 105 106
M M M M M M M M

107 108 109 110 111 112 113 114
M M M N N N N N

115 116 117 118 119 120 121 122 123 124
H H O O O O O O O

125 126 127 128 129 130 131 132
O O O O O O O O

133 134 135 136 137 138 139
W W W W W W W W

140 141 142 143 144 145 146 147 148
P P P P P P P P

и по 14 столѣтіе черта сохраняла горизонтальное направленіе (рис. 73), до тѣхъ столѣтій буква вполне соответствовала греческой; затѣмъ черточка подымается кверху. Если для 11 вѣка „иже“ сходно съ греческой „итой“, то для 12 мы можемъ уже подмѣтить такую черту (рис. 74); въ 13 столѣтіи подмѣчено такое явленіе (рис. 75) и затѣмъ въ 14 столѣтіи уже находится вмѣсто горизонтальной черты черта съ наклономъ къ серединѣ или пониже (рис. 76—77). Съ 15 столѣтія обычное ее начертаніе (рис. 78). Слѣдовательно, характернымъ и легко различаемымъ признакомъ очертанія до 14 вѣка является начертаніемъ „иже“, похोजее на наше „н“.

Затѣмъ, послѣ „иже“ намъ нужно сказать нѣсколько словъ объ „І“ (безъ точки). Числовое значеніе—10. Оно же замѣняло и звуковое явленіе, извѣстное подъ именемъ іота: соединенное черточкой съ другой гласной буквой (а, е, у) встрѣчается въ старинныхъ начертаніяхъ сравнительно не рѣдко. Отдѣльные начертанія его вызываются въ большинствѣ случаевъ недостаткомъ мѣста: нѣтъ мѣста, чтобы написать „и“ и ставятъ одно „і“. Отмѣчу одну маленькую деталь, извѣстную и по французской пословицѣ: *il ne faut pas mettre les points sur les i*. Такъ вотъ эта точка обозначается двумя точками. Въ первую пору точки не встрѣчаются, но очень скоро появилось двоеточіе (рис. 79). Профессоръ лично думаетъ, что это былъ намекъ на „иже“, на его двѣ палочки. На вещахъ часто встрѣчается „І“ безъ точки. Отмѣчу одинъ видъ этой буквы являющійся въ 12 вѣкѣ на каменныхъ крестахъ, въ монограммѣ Іс. Х. (рис. 80). Поперечная перекладина затѣмъ переходитъ просто въ серединное утолщеніе и въ такомъ видѣ появляется во всѣхъ буквахъ, имѣющихъ стержень (каковы Г, Р и Т).

Буква „К“ (како), греческая „каппа“. Числовое значеніе—20. Въ начертаніи ея есть собственно только тотъ болѣе или менѣе характерный признакъ, что обѣ ея части пишутся или вмѣстѣ (какъ и въ буквѣ „ж“), или отдѣльно, и вотъ тутъ можно найти нѣсколько случаевъ за и противъ. Болѣе древнее начертаніе „како“ было такого типа (рис. 81 и 82), а затѣмъ уже въ 13 вѣкѣ (1234 г.), одна часть этой буквы отошла въ сторону, и мы получили начертаніе такое, какъ на рис. 83, 84, 85. Въ 14 вѣкѣ опять имѣемъ древнее (рис. 86). Во всякомъ случаѣ, первый—болѣе древній типъ, второй—новый. Затѣмъ продолжается новѣйшее писаніе, причемъ къ 16 столѣтію буква и въ рукописяхъ и на вещахъ, кромѣ вязи, появляется въ формѣ (рис. 87) почти что незамѣтной кривизны, а затѣмъ, въ 17 в., она превращается въ двѣ палочки (рис. 88). Въ этомъ видѣ она переходитъ

въ рукописяхъ въ 18 вѣкѣ, и такое начертаніе ея проф. Шляпкинъ еще лично не разъ встрѣчалъ въ 19 столѣтіи у стариковъ, которые учились, вѣроятно, у древнихъ преподавателей и остались вѣрны старой традиціи.

„Л“ (*люди*), греческое „*ламбда*“; числовое значеніе ея — 30. До 14 столѣтія характерной чертой является ея устойчивость: она опирается на двѣ стороны равномерно (рис. 89—90), иногда есть накрытіе (рис. 92). Въ 14 столѣтіи происходитъ измѣненіе ея: задняя половинка дѣлается перпендикулярной, а передняя, наоборотъ, наклонной (рис. 91). Въ 15 столѣтіи вертикальная задняя часть начинаетъ выходить за строку, а потомъ вырастаетъ и кверху (рис. 93 и 94). Въ 16 вѣкѣ очертанія угловаты (рис. 95 и 96). Затѣмъ, ежели обратиться къ рукописному „Л“, то такое-же продолжаетъ держаться и въ 17 столѣтіи, хотя чаще—какъ на рис. 97.

Болѣе сложнымъ является начертаніе буквы „М“ (*мыслете*), греческое „*ми*“. Числовое значеніе—40. Тутъ профессору пришлось подмѣтить одну черту для 13 столѣтія, которую онъ провѣрялъ. Первоначальное начертаніе ея, греческое, главнымъ образомъ характерно тѣмъ, что средняя часть буквы представляетъ дугу: стоятъ два наклонныхъ столба, посерединѣ дуга (рис. 98 и 99). Положеніе этой дуги относительно строки является характернымъ. Когда она кругла и выходитъ изъ строчки, то это болѣе древній признакъ, и надо думать, что въ первоначальной славянской письменности было употребительно „М“ такого характера, какъ на рис. 100. Утолщеніе дуги доходило до начала столбиковъ; подъемъ дуги замѣтенъ съ 13 вѣка (рис. 101). Дальнѣйшія видоизмѣненія въ 12—13 столѣтіи, кажется, вытекали изъ попытокъ зарожденія стараго русскаго орнамента. Когда мы дойдемъ до орнаментаціи рукописей, то увидимъ, что 12 столѣтіе является особенно характернымъ по своему орнаменту, потому что тогда именно явились зачатки старо-русскаго орнамента. Должно быть художественное чутье оскорблялось этою длинною дугою, и вотъ уже въ 13 столѣтіи, безъ всякаго перехода, мы находимъ разнообразныя начертанія (рис. 102, 103, 104). Въ 14 вѣкѣ упоренъ переходъ круглаго очертанія дуги въ острое, хотя старая традиція заставляла доводить его донизу (рис. 105). Самые столбики стали отвѣсными съ 12 вѣка. Въ 14 столѣтіи на печатяхъ замѣченъ особый характеръ буквы „М“ (рис. 106); схожее можно видѣть на болѣе раннихъ фрескахъ, но тамъ было больше простору. Если вы берете цѣлый рядъ начертаній, то видите, что тутъ есть желаніе дать какой-то орнаментъ, что-то художественное. Это орнаментированіе является очень вѣрнымъ и твердымъ признакомъ 13 и 14 вѣка;

затѣмъ въ 15 столѣтіи „М“ начинаетъ принимать обычную форму. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ „М“ разнятся лишь по мѣсту помѣщенія средней части (рис. 107—14 вѣка, а рис. 108—16 вѣка). Далѣе, въ 16 вѣкѣ начинаетъ выростаніе за строку или одной передней черты, или всей буквы. Съ этимъ стремленіемъ „М“ вступаетъ и въ 17 вѣкѣ (рис. 109 и 110).

„Н“ (*нашъ*). Числовое значеніе—50. Греческое „ни“ есть по начертанію то же, что и латинское N. Наше старое „Н“ сначала соответствовало латинскому N, тогда какъ теперь оно соответствуетъ начертанію Н (*ашъ*)—(рис. 111 и 112). Поднятіе и перемѣщеніе средней черты идетъ уже съ 13 вѣка (рис. 113), но до конца 14 столѣтія выдерживается этотъ греко-латинскій характеръ. Повторяю, иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ можно встрѣтить и такую вещь (рис. 114), причемъ средняя черта къ 15 столѣтію перестаетъ подниматься кверху и дѣлается горизонтальной (рис. 115). Среди памятниковъ 15 столѣтія попадаетъ уже прямое „Н“, соответствующее начертанію буквы „иже“. Далѣе наблюдается обратная исторія поперечной черты, т. е. она съ 16 вѣка опускается книзу (рис. 116).

Буква „о“ малое (*онъ*), греческое омикронъ. Числовое значеніе—70. Первоначальное начертаніе имѣетъ извѣстную аналогію съ начертаніемъ Е и С. Аналогія является въ утолщеніи: оно дѣлается не вертикально, какъ теперь, а горизонтально (рис. 117)—то самое, что и въ буквахъ Е и С. Общее измѣненіе можно подмѣтить очень рано, еще въ 13 столѣтіи оно заключается въ томъ, что круглыя черты начинаютъ дѣлаться ломаными (рис. 118 и 119), и въ 14 вѣкѣ попало оригинальное угловатое начертаніе буквы (рис. 120 и 121). Затѣмъ, тогда же, вмѣсто продолговатаго (рис. 122) можно отмѣтить установившееся „о“ совершенно круглаго характера, почти какъ „картошка“, причемъ утолщеніе незамѣтно замѣняется особыми украшеніями (рис. 123 и 124). Въ 15 столѣтіи, подъ южно-славянскимъ вліяніемъ, у насъ это „о“ начинаетъ украшаться цѣлымъ рядомъ орнаментовъ. Въ рукописной литературѣ это „о“ является разнообразнымъ, когда надо обозначить вещевое понятіе: когда „око“, тогда одна точка (рис. 125), когда „очи“—тогда ставятъ такимъ образомъ (рис. 126), когда надо сказать „окрестъ“, тогда дѣлаютъ слѣдующее (рис. 127). А затѣмъ, безъ всякой видимой причины, прибѣгаютъ къ такимъ вещамъ: въ словѣ *обонполь* въ серединѣ вотъ какая вещь (рис. 128). На вещахъ это отражалось въ видѣ „о“ съ знаменіемъ креста (рис. 127). Такимъ образомъ для 15 столѣтія мы имѣемъ „онъ“

совершенно напоминающій кругъ. Дальнѣйшее утолщеніе даетъ намъ два типа: мы имѣемъ для 15 и 16 столѣтій старое начертаніе и рядомъ съ этимъ имѣемъ „онъ“ такого типа — неустойчивость линіи и острія на концахъ (рис. 129).

Затѣмъ начертаніе O (*отъ*), „о“ большое, греческая „омега“. Число-вое значеніе—800. Вѣроятно, „отъ“ первоначально имѣло произношеніе болѣе протяжное, чѣмъ „онъ“. Первоначально O безъ крышки, иногда съ точками (рис. 130), а въ 13 вѣкѣ— O съ крышкой—буквой т (рис. 131). Первое начертаніе этой буквы совершенно круглое, причемъ верхняя часть не доходитъ до строки, и сама буква является сначала раздавшейся, потомъ собравшейся (рис. 132). Иногда концы загибаются въ сторону (съ 14 вѣка); единственный примѣръ въ 11 вѣкѣ— O Тмутараканскаго камня (рис. 137)—не можетъ служить указаніемъ, такъ какъ камень реставрированъ въ 18 вѣкѣ; двойное остріе въ основаніи этой буквы наблюдается уже въ 14 вѣкѣ, но средняя черта не доходитъ до верха (рис. 133). Въ 15 столѣтіи, можетъ быть подъ вліяніемъ теченій южно-славянскихъ, является воспоминаніе, реминисценція стараго круглаго начертанія, и представляется въ общемъ въ видѣ какъ на рис. 132, но остріе чаще держится и средняя часть доходитъ до верха (рис. 134). Затѣмъ, въ 16 столѣтіи видимо преобладаетъ рукописная традиція, и тамъ мы имѣемъ „отъ“ съ очень рѣзко опредѣленными остріями, съ подъемомъ средней черты и съ употребленіемъ сверху прикрытія. Отмѣтимъ двѣ орнаментации: первая—13, а вторая—16 вѣка (рис. 135 и 136).

Теперь мы переходимъ къ буквѣ, которая вполне соответствуетъ своему названію, „П“ *покой* (рис. 138), греческое „пи“, числовое значеніе ея—80. Только въ 14 вѣкѣ у нея является желаніе расширить свою верхнюю линію (рис. 139), но рядомъ сохраняется и первое ея начертаніе, спокойное, безъ крышки. Другихъ измѣненій кромѣ орнаментации, нѣтъ (рис. 140—12 вѣка). Въ 17 вѣкѣ верхняя черта дѣлается волнообразною подъ вліяніемъ скорописи.

„Р“ (*Рцы*). Числовое значеніе—100, греческое *ро*. Въ этомъ „рцы“ опять-таки можно подмѣтить три періода; для столѣтій 11 и 12 преобладаетъ остро округленная (рис. 141) вершина „Р“. Тонкій хвостъ идетъ за строку, но не слишкомъ длиненъ. Встрѣчается „Р“ и въ строчку (рис. 142). Съ 13 вѣка верхняя часть начинаетъ принимать видъ трехъугольника (рис. 144), рѣже четырехъугольника (рис. 145). Съ 14 столѣтія верхняя часть обостряется и хвостъ входитъ въ строку (рис. 146); съ 15 вѣка остріе округляется (рис. 147 и 148) и съ мягкимъ характеромъ, близ-

149 150 151 152 153 154 155 156
P C C C E E C C C

157 158 159 160 161 162 163
G G G G G T T

164 165 166 167 168 169 170
T T T T V y O V

171 172 173 174 175 176 177
o o y o y H H H

178 179 180 181 182 183
H o o o X X X

184 185 186 187 188 189 190
X y y y y y Y

191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202
Y y w t w w w w z z

203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214
z z z z y y o o A A A A A A A A

кимъ къ печатному, буква переходитъ въ 17 вѣкъ (рис. 149) и въ позднѣйшее время.

„С“ (*Слово*). Такъ писалась въ старину и греческая сигма. Числовое значеніе — 200. Мы уже отмѣтили, что исторія ея та же, что „*есть*“ съ одной стороны, и „*онъ*“ — съ другой, т. е. первоначально „*слово*“ имѣло обычное начертаніе и затѣмъ дальнѣйшее измѣненіе его совершенно аналогично съ „О“ и „Е“ (рис. 151—161). Въ 13 столѣтіи оно принимаетъ чрезвычайно красивую форму (рис. 152—153). Когда мы разбирали „О“ и „Е“, мы говорили объ этихъ язычкахъ. Теперь уже ихъ дѣлаютъ какъ на рис. 153 — стремленіе къ орнаментаци; но есть простое, 1244 г. (рис. 154), и особое—14 вѣка (рис. 155); затѣмъ „С“ съ остриемъ внизу начинается съ 15 вѣка (рис. 156).

Въ 15 вѣкѣ оно принимаетъ волнистую форму (рис. 157) и еще сильнѣе—въ 16 вѣкѣ (рис. 158). Въ 15 и 16 вѣкѣ, „*слово*“ попадаетъ уже на подставку, особенно въ вязи (рис. 159), (вязь бываетъ не только въ заглавіяхъ рукописныхъ книгъ, но и на вышивкахъ и другихъ ручныхъ работахъ). Мы уже указывали, что старая вязь 16 столѣтія болѣе мягкаго, не угловатаго характера, В. Н. Щепкинъ предлагаетъ называть ее Макарьевской. Въ 17 столѣтіи, подъ фряжскимъ вліяніемъ, она дѣлается длинной, сухой и совершенно геометрической. „*Слово*“ имѣетъ въ вязи такой характеръ (рис. 161). Иногда оно на поддонѣ, имѣющемъ видъ французскаго сидія (рис. 160). На практикѣ часто приходится имѣть дѣло съ вязью и надо поблагодарить нашего почтеннаго ученаго за то, что онъ подмѣтилъ общія отличія вязи 16 и 17 вѣка.

„Т“ (*твердо*), греческое тау. Числовое значеніе—300. Начертаніе совершенно такое же, какъ и теперь (рис. 162): кровля почти прямоугольная и стержень безъ подставки. Далѣе въ 12 в. свѣсы дѣлаются треугольными (рис. 163); тогда же, въ 12 столѣтіи, является желаніе его украсить, кровля вырастаетъ, середину снабжаютъ утолщеніемъ и ставятъ всю букву нѣкоторымъ образомъ на поддонъ (рис. 164). Это между 12 и 13 столѣтіями. Въ 14 столѣтіи она продолжаетъ носить тотъ же характеръ, но въ 15 столѣтіи совершается то же, что мы наблюдали съ буквою „буки“—опусканіе передней ея части. Для типичнаго изображенія обозначимъ ее рѣзче (рис. 165).

Въ 16 столѣтіи является то „Т“, про которое Ломоносовъ говорилъ: „на то оно и Твердо, чтобы на ногахъ стоять твердо“ (рис. 166).

А затѣмъ является и то рукописнаго типа (въ особенности при вязевыхъ надписяхъ сверху), которое и мы употребляемъ когда нѣтъ мѣста (рис. 167а). Рядомъ съ этимъ является „Т“, уже выходящее изъ строки, какъ наше число 7 безъ перекладины (рис. 167б). Затѣмъ въ 17 столѣтіи является „Т“ въ обычной формѣ, перешедшей и въ печать.

Затѣмъ буква „У“, *укъ*, какъ въ послѣдствіи назвали ее. „У“ имѣетъ первоначально родство съ греческимъ ипсилономъ и постоянно является двойной буквой (рис. 170), хотя въ Роговолодовомъ камнѣ 1171 есть „У“ такого типа, какъ на рис. 168, а на крестѣ Евфросиніи—съ маленькимъ хвостомъ (рис. 169). Въ греческомъ языкѣ есть объясненіе этой двойственности: тамъ *ипсилонъ* съ мягкимъ произношеніемъ, а *ου* съ твердымъ, и у насъ подъ вліяніемъ греческимъ стали писать *оу*. Отмѣтимъ орнаментную форму 12 вѣка (рис. 174). Затѣмъ недостатокъ мѣста въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставлялъ прибѣгать ко второй части этого сложнаго начертанія. Чтобы сохранить мѣсто, ставили маленькое *о*, а наверху маленькое „у“ (рис. 171). Ижица есть позднѣйшее изображеніе, раньше ея не было; это есть вторая часть этого „У“. Что это такъ было, видно изъ слова *муро*: оно произносилось въ началѣ какъ съ *У*, потомъ какъ съ ижицей, а теперь какъ съ *и*. Затѣмъ произошло постепенно сочетаніе верхней и нижней частей „оу“ и образовался такъ называемый *укъ*. Онъ попадаетъ въ вещевыхъ надписяхъ 13 вѣка (рис. 172), затѣмъ къ 15 столѣтію начинаетъ уже дѣлаться обыкновенной вещью. Въ 14 столѣтіи встрѣчаемъ одно „У“, съ выходомъ изъ строки (рис. 173). Къ 15 столѣтію онъ уже начинаетъ приобрѣтать первоначальную форму, начертаніе двойного „У“ исчезаетъ къ этому времени, но тѣмъ не менѣе, если мастеръ дѣлалъ вещь съ какой-нибудь старой вещи, то онъ напишетъ непременно *оу*—рѣже старое „У“. Такъ выработалась и рукописная практика—въ концѣ слова писать „У“ (*укъ*), а въ началѣ—*оу*; это вліяніе чисто палеографическое, а не грамматическое.

Здѣсь же мы рассмотримъ и іотацію этой буквы. Старая іотація держалась слѣдующаго начертанія (верхній рис. 175), далѣе промежуточное начертаніе ея (средній рис. 175); затѣмъ ножка исчезла, рожки уменьшились (какъ нижній рис. 175). Прямо такого начертанія нѣтъ, профессоръ его сочинилъ для ясности. Затѣмъ является наше „Ю“, какъ выводъ изъ предыдущаго, въ очень древнюю пору (рис. 176—1171 года). Затѣмъ начинается подъемъ соединительной черты (рис. 177)

съ 13 и до 15 вѣка, а затѣмъ уже является пониженіе, опять до середины, въ 16 вѣкѣ (рис. 178), причемъ наблюдается измѣненіе второй части — тоже, что въ буквѣ *О*.

„Ф“ (*фертъ*) цифровое значеніе — 500 (греческое *φι*). Мы приведемъ четыре послѣдовательныхъ начертанія (рис. 179). Берется прямо, т. е. вполне круглая форма „*о*“ и затѣмъ прямо перечеркивается. Далѣе отъ 13 къ 15 столѣтію середина растягивается. Въ 15 столѣтіи есть особая форма (3-й рис. 179). Въ 16—бока отвисаютъ. Русскихъ словъ, кромѣ междометій, на „ф“ нѣтъ; отсюда рѣдкость и нелюбовь къ этой буквѣ (напримѣръ, фунтъ всегда писали черезъ *ѳ*иту). Шутя, можно замѣтить, что это неприличная буква: она пускается въ плясъ, и не даромъ слово „фертъ“ получило нарицательное значеніе.

„Х“ (*хѣръ*), греческое *χι*, числовое значеніе—600. Разбирая рукописную букву *хѣръ*, надо замѣчать, выходитъ ли она за черту или нѣтъ, одна ли черта тонкая, другая толстая или обѣ толстыя и т. д. Въ вещевыхъ надписяхъ „*хѣръ*“ всегда почти одинаковъ (рис. 180). До 15 вѣка онъ въ строкѣ, хотя есть исключеніе (рис. 181). Приводимъ далѣе начертанія орнаментальное 12 и 14 вѣковъ, но рядомъ и обычное (рис. 182 и 184).

„Ц“ (*цы*), не изъ греческаго алфавита; числовое значеніе — 900. Первоначально изображалось какъ наше печатное; съ 12 вѣка стало отличаться тѣмъ, что приставка составляла продолженіе внизъ задней черты, въ строкѣ или внѣ строки (рис. 185). Тутъ иногда дѣлается ошибка при чтеніи, читать-ли „*ч*“ или „*ц*“, а это было бы очень интересно выяснить, читать-ли наприимѣръ, *чаша* или *цаша*,—тѣмъ болѣе, что въ новгородскомъ нарѣчій эти звуки постоянно мѣшаются. Весьма возможно, что фонетика повліяла на графику. Разъ, въ 14 вѣкѣ, профессоръ встрѣтилъ „*Ц*“ въ обратную сторону. Во всякомъ случаѣ до 15 столѣтія она съ этимъ кончикомъ, а послѣ начинается разладъ: конецъ уже не продолженіе задней черты. Онъ начинаетъ выѣзжать сначала довольно сильно, а къ концу 15 вѣка есть уже и кривизна, хотя чаще хвостикъ идетъ въ видѣ треугольника (рис. 187). Въ 16 и 17 хвостикъ уже волнообразный.

„Ч“ (*червь*); числовое значеніе—90. То начертаніе, что мы имѣемъ въ рукописной палеографіи, то самое повторяется и въ палеографіи вещевой. Для столѣтій 11, 12 и 13—„Ч“ сохраняетъ форму чаши (рис. 188). Его начертаніе очень интересно и для исторіи глаголицы. Въ 13 и 14 вѣкѣ вмѣсто чаши является нѣчто особое, причемъ оно бываетъ первоначально такого тиа, какъ рис. 189, затѣмъ является уже

расщепъ—для 14 вѣка (рис. 190); затѣмъ въ 15 вѣкѣ какъ на рис. 191. Последнее, какъ можно догадаться, пришло постепенно къ 17 вѣку—къ рис. 192, когда мы имѣемъ нынѣшнюю форму „ч“.

„Ш“—Еврейская буква. Ничего характернаго не представляетъ, кромѣ того, что иногда въ 12 вѣкѣ носить орнаментный характеръ.

„Щ“ не попадаетъ въ старыхъ рукописяхъ, вмѣсто „щ“ стоитъ *шт* и самая форма этой буквы изъ двухъ буквъ, какъ видно, изъ трехъ его стадій на рис. 193. На вещахъ „Щ“ имѣетъ съ 1171 г. подобнаго рода начертаніе, какъ рис. 193, и последнее до 15 столѣтія, а съ 15 столѣтія мы встрѣчаемъ новую букву „Щ“, т. е. съ хвостикомъ на концѣ (рис. 194).

„Ъ“, „Ь“ и „Ы“: все, что мы говорили про букву „Б“, все это нужно цѣликомъ повторить и про буквы „Ъ“ и „Ь“. Первоначально *ерь* является чрезвычайно стройной, съ небольшимъ наклономъ и съ треугольникомъ (рис. 196, последнее—1171 г.). Дальнѣйшее измѣненіе ея будетъ заключаться въ большемъ наклонѣ и измѣненіи треугольника (рис. 197). „Ъ“ еще въ 14 столѣтіи встрѣчаемъ какъ рис. 197. Въ 15 носъ опущенъ, какъ на рис. 198. Затѣмъ въ 16 столѣтіи появляется „Ъ“, похожій на рукописное „Ь“ (рис. 199). Гораздо важнѣе употребленіе Ъ и Ь вмѣсто О и Е при плавныхъ Р и Л, но это уже не палеографія, а грамматика. Что касается до „Ы“, то надо ее запомнить: она рѣзкій признакъ для эпохи до 14 столѣтія и послѣ 14 столѣтія. Если мы имѣемъ начертаніе съ Ъ (рис. 200), то это самый типичный признакъ вещи 12, 13 и 14 столѣтій. Ежели же „Ы“ съ Ь, то это болѣе поздняго времени (рис. 201). Въ начертаніи съ 13 вѣка начинаетъ пропадать поперечная черта.

„Б“ чуть выходитъ изъ строки въ 12 вѣкѣ и кузовъ треугольный (рис. 202). Любопытно „Б“ 1171 г. (рис. 203). Когда „Б“ внѣ строки и кузовъ квадратный (рис. 204), то это уже 13 вѣкѣ. Теперешнее рукописное „Б“ выработалось въ 16 вѣкѣ изъ-за опусканія носа. О „Ю“ мы уже говорили раньше, такъ какъ эта буква іотированная. Упоминали и *ижицу* въ буквѣ „У“.

„ѣ“ (*кси*)—съ греческаго. Числовое значеніе—60. Можно замѣтить составныя части въ последнемъ начертаніи (рис. 206). Верхняя часть—это тѣ самые рожки, выработанные изъ *ука*, тотъ же самый пріемъ, а нижняя часть—какъ *земля*. Старое начертаніе (12 вѣкѣ) рѣдко—оно было первоначально змѣиной формы (рис. 205). Вспоминается, что вообще о происхожденіи орнамента говорилъ на Ярославскомъ съѣздѣ гр. А. А. Бобринскій: что въ орнаментѣ должно быть реальное основаніе. Такъ и

здѣсь, въ звукѣ слышно шипѣніе—и начертаніе (гіероглифическое) было змѣя. Возможно, что и напоминаніе змѣя (діавола) заставляло къ этой буквѣ прибѣгать лишь какъ къ цифрѣ. Вообще она до 15 вѣка встрѣчается рѣдко.

„Ψ“—пси (съ греческаго). Числовое значеніе—700. Буква—рѣдкая въ древности. Въ 13 столѣтіи она встрѣчается и съ острыми и съ круглыми очертаніями (рис. 207). Въ общемъ круглое очертаніе, особенно съ отогнутымъ краемъ, указываетъ на болѣе позднее происхожденіе.

Θита—съ греческаго. Числовое значеніе—9. Имѣетъ ту же самую исторію, какъ и „ο“: первоначально, будучи круглымъ, съ утолщеніемъ и перечеркиваніемъ, оно впоследствии получаетъ острое начертаніе. Начертанія округленныя мы встрѣчаемъ въ 12 и 13 вѣкѣ (рис. 208). А въ 14 вѣкѣ уже съ остріями. Въ 16—въ оригинальной формѣ (рис. 209).

Затѣмъ остаются двѣ знаменитыя буквы: Юсы—малый и большой. Намъ, русскимъ людямъ, съ большимъ юсомъ не приходится имѣть дѣла. Въ поддѣлкахъ его никогда не видѣли. Если Юсъ большой встрѣчается на предметѣ, который выдается за большую старину, то это или южный предметъ 13—14 вѣка, или поддѣлка. Юсъ малый въ старыхъ памятникахъ попадаетъ рано. Даемъ начертаніе въ 12—13 вѣкѣ (рис. 210—212), съ 14 вѣка будетъ попадаться іотированный Юсъ (рис. 213), а раньше вмѣсто него обыкновенно попадаетъ іотированное „А“. Ради полноты сообщаю древне-славянскія начертанія Юса большого и малаго (рис. 214).

Замѣтимъ также, что наше „Я“ образовалось изъ Юса малаго, при скоромъ написаніи этой буквы.

§ 9. Кириллица и Глаголица. Памятники древняго церковно-славянскаго языка.

Славяно-русскій алфавитъ, какъ извѣстно, изобрѣтенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, но съ именемъ Кирилла и Меѳодія дошли до насъ два алфавита: кириллица и глаголица; кириллица больше всего похожа на греческій алфавитъ, а глаголица на прифтъ армянскій. Очень интересенъ трудъ Гейтлера „О происхожденіи славянскихъ письменъ“, въ которомъ онъ указываетъ происхожденіе и глаголическаго, и кирилловскаго алфавитовъ изъ двухъ видовъ греческаго письма: изъ полуунціального, въ которое

входить достаточное количество острыхъ буквъ и греческаго курсива, который далъ глаголицу. Но въ глаголицу онъ вставляетъ такъ называемый албанскій шрифтъ, дѣйствительно, напоминающій глаголицу. Чтобы въ этомъ спорѣ разобраться, надо долго работать специально. Къ тому же здѣсь играютъ роль разсужденія политическаго свойства, а это мѣшаетъ объективности рѣшенія вопроса. Православная церковь и русскіе ученые считаютъ, что Кирилль и Меѳодій были подчинены греческой церкви и Константинопольскому патріарху и, слѣдовательно, искони являлись православными. Но славяне западные — католики — указываютъ на то, что даже если Кирилль и Меѳодій и являлись лицами, подчиненными Константинопольскому патріарху, то, дѣйствуя подъ властью римскаго епископа, являлись насадителями римской церкви и впоследствии получили канонизацію римско-католической церкви.

Вотъ эта вѣроисповѣдная рознь повела къ тому, что въ наукѣ образовались два особыхъ мнѣнія, спорившія изъ-за происхожденія двухъ алфавитовъ. Большинство рукописей писанныхъ кириллицей — православные памятники; большинство памятниковъ писанныхъ глаголицей, представляютъ памятники церкви римско-католической. Доказывали, что Кирилль и Меѳодій изобрѣли глаголицу, что они были послѣдователями римско-католической церкви; что глаголица древнѣе кириллицы — этого мнѣнія придерживались западно-европейскіе ученые (Миклошичъ, Брюннеръ, отчасти Ягичъ); то доказывали, что Кирилль и Меѳодій были лицами православными и изобрѣли кириллицу, и она древнѣе (Бодянскій, Соболевскій). Этотъ споръ ведется и до сихъ поръ, и факты письменности помогаютъ мало. Если мы находимъ палимпсесты кирилловскіе, подъ которыми помѣщена глаголица, то съ другой стороны есть и глаголическіе, подъ которыми найдемъ кириллицу.

Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ проф. Шляпкину пришлось отыскивать и изслѣдовать граффити 11—14 вѣковъ и въ числѣ ихъ оказались совершенно неожиданно двѣ строчки глаголической надписи, большинство же кирилловскія. Которая же древнѣе? Опять мы не знаемъ. Въ Реймсѣ сохранилось Евангеліе, надъ которымъ де искони присягали французскіе короли. Текстъ написанъ глаголическимъ и кирилловскимъ письмомъ. Древность, но Евангеліе это, какъ оказывается, вышло изъ монастыря Св. Прокопа въ Чехіи въ 14 вѣкѣ, и конечно позднѣе 14 вѣка получило въ Реймсѣ названіе „Texte du Sacre“. И вотъ всѣ споры ни къ чему положительному пока не приводятъ. Въ русской древней письменности мы находимъ исключительно алфавитъ кирилловскій.

Но есть указанія на то, что у русскихъ были какія-то свои письменна (черты и рѣзы) ¹⁾; есть и арабскія указанія о русскихъ письменахъ и даже ихъ снимокъ у Ибнъ-Недима. Но кромѣ этихъ указаній мы ничего объ этихъ начертаніяхъ не знаемъ.

Обращаемся къ свидѣтельствамъ литературнымъ. Славянская письменность (неизвѣстно какая), на основаніи этихъ свидѣтельствъ 10 вѣка, изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ, славянскими первоучителями, дѣйствовавшими въ 9 вѣкѣ. Нарочно подчеркиваемъ то свѣдѣніе, что Кириллъ и Меѳодій работали въ 9 вѣкѣ; а болѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ изобрѣтеніи главнымъ образомъ сохранились въ сочиненіяхъ черноризца Храбра отъ 10 столѣтія; стало быть, прошелъ извѣстный промежутокъ времени между самымъ изобрѣтеніемъ письменности и извѣстіями объ этомъ изобрѣтеніи. Правда, были указанія на то, что ученики Кирилла и Меѳодія еще живы, но это ничего не выясняетъ по вопросу насъ интересующему. Свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіи находятся въ ихъ Житіяхъ. Житія подвергались разработкѣ со стороны славянскихъ ученыхъ: Добровскаго, Шафарика, Горскаго, Бодянскаго, Гинцеля, Бильбасова, Мальшевскаго, Будиловича и др. Сводъ ихъ работъ сдѣланъ въ книгѣ Воронова, болѣе новыхъ работъ—въ статьѣ Ягича „Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи“ и въ статьяхъ В. И. Ламанскаго, въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія 1905 года. Вопросъ сводится къ тому, какимъ изъ житій нужно придавать главное значеніе. Существуютъ Паннонскія Житія и Итальянская Легенда—которому изъ этихъ двухъ разрядовъ Житій мы должны отдавать первенство? Вороновъ въ 1877 г. придавалъ главное значеніе Паннонскимъ Житіямъ, а Итальянскую Легенду относилъ къ болѣе позднему времени—къ 14 вѣку. Затѣмъ оказались данныя, которыя стали колебать эту точку зрѣнія. Западныя ученые придаютъ большое значеніе Итальянской Легендѣ. Если мы присоединимся къ итальянской партіи, то вопросъ о томъ, почему Кириллъ и Меѳодій оказались подчиненными римской церкви, получаетъ особую окраску; если же будемъ держаться Паннонскихъ Житій, то можно сдѣлать выводъ, что они никогда не были подчинены Римской церкви, а если Меѳодій и былъ представленъ папѣ, то это было своего рода вѣжливостью: разъ я проповѣдую въ епархіи какого-

¹⁾ Болгарскій писатель X-го вѣка, черноризецъ Храбръ, въ своемъ сочиненіи „о письменахъ“ говоритъ: прежде оубо Словене не имху книгъ, нъ чрътами и рѣзами чьтѣху и гадаху, погани сѣще...

нибудь архіерея, то хотя я и посланъ другимъ архіереемъ, но я долженъ представиться первому.

Перевѣсъ долженъ быть отданъ Итальянской Легендѣ, и католики получили какъ бы извѣстнаго рода право утверждать, что епископъ Меѳодій признавалъ суверинитетъ римской церкви. Вопросъ теряетъ свою рѣзкость вслѣдствіе того, что это было въ то время, когда еще не было раздѣленія церквей, но тогда теряетъ цѣну и предсмертная молитва пр. Меѳодія: „Господи, разруши триязычную ересь“. Римско-католическая церковь допускала только три нарѣчія—отсюда она называется триязычной ересью, и отсюда молитва Меѳодія, который возстаетъ противъ этого. Болѣе важнымъ для палеографіи является такой вопросъ: какой же это алфавитъ, который изобрѣли наши учителя: греческій или глаголическій? Славянскій алфавитъ у насъ называютъ кириллицей потому, что его изобрѣлъ Кирилль. Но какъ же онъ *изобрѣлъ*, если онъ уже существовалъ въ Греціи? У черноризца Храбра приводится алфавитъ греческаго типа—но это могъ сдѣлать переписчикъ, поставивъ кириллицу вмѣсто глаголицы, и въ записи попа Упыря Лихого онъ говоритъ, что переписалъ „исъ куриловцы“ письменность глаголическую и притомъ пишетъ греческимъ алфавитомъ: значитъ для него слова „кириллица“ обозначало названіе глаголицы. Высказана была гипотеза, что въ церковныхъ текстахъ очень часто употребляется выраженіе „глагола“ (рече), и оттого-то самыя рукописи было принято называть глаголическими, и въ болѣе древнее время глаголица носила названіе кириллицы. Путаница не устраняется и при дальнѣйшемъ анализѣ свѣдѣній объ изобрѣтеніи славянской письменности. Тотъ же самый черноризецъ Храбрь (изслѣдованіе о немъ С. Вилинскаго въ Лѣтописи Одесскаго Филологическаго Общества, Записки Новороссійскаго Университета) говоритъ, что сначала славяне пользовались греческими письменами. Придется сдѣлать выводъ, что они до Кирилла пользовались тѣмъ алфавитомъ, который и теперь имѣется въ русскихъ рукописяхъ. Кирилль же нашелъ греческій алфавитъ недостаточнымъ и сталъ изобрѣтать глаголицу. Но глаголица гораздо труднѣе греческаго алфавита, зачѣмъ же было ее изобрѣтать?

Разные алфавиты повели и къ разницѣ грамматическихъ возрѣній. Въ грамматикахъ церковно-славянскаго языка нашихъ и западныхъ славистовъ, встрѣчается различное отношеніе къ древне-славянскимъ памятникамъ двухъ алфавитовъ. Укажемъ изъ западныхъ: грамматики Миклошича, Лескина и Вондрака „*Alt Kirchen-slavische grammatik*“. Изъ восточныхъ трудовъ важны труды Востокова, Будиловича, Флоринскаго

и Соболевскаго („Древній церковно-славянскій языкъ“). Болѣе краткія руководства—Колосова (изд. 1908) и Флерова.

При разборѣ матеріала, даваемого древними церковно-славянскими рукописями, восточные слависты совершенно не считаются и, по крайней мѣрѣ, мало считаются съ древнѣйшими памятниками глаголической письменности и признають только тѣ, которые даже при извѣстнаго рода латинской струѣ—писаны кириллицей. Слависты западные преимущественное значеніе даютъ книгамъ глаголическимъ, а древнѣйшіе кирилловскіе памятники, какъ, напр., Остромирово Евангеліе, оставляють въ сторонѣ. Грамматическія формы съ точки зрѣнія фонетики и морфологіи, образованія корней, флексій, окончаній и въ смыслѣ постепенности ихъ измѣненій у нашихъ славистовъ и у западныхъ, разные. Западные слависты, напр., не придають никакого значенія буквѣ „Ѣ“, русскіе-же слависты придають этому звуку очень большое значеніе.

Можетъ быть, въ концѣ концовъ вопросъ двухъ партій въ старину не былъ въ сущности такъ рѣзокъ, какъ онъ стоитъ теперь. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какую азбуку составили Кирилль и Меѳодій, мы можемъ сказать, что въ старину употребляли рядомъ съ глаголицей и кириллицу. Вѣроисповѣдной ненависти въ домонгольскій періодъ у насъ почти что не было; греки и латины ненавидѣли другъ друга, но для славянъ это было дѣломъ чуждымъ. „Поученіе о варяжской вѣрѣ“ (11 в.), полное нетерпимости, не принадлежитъ Θεодосію Печерскому, а митрополитъ-греку Федосу. Въ вопросахъ Кирика 12 в. есть запросъ, что дѣлать съ бабами, если онѣ носятъ дѣтей къ варяжскимъ попамъ. Это доказываетъ, что народъ относился безразлично и къ тѣмъ, и къ другимъ. Другой фактъ (который, конечно, не вѣрно объясняется уніатами, якобы полнымъ подчиненіемъ русской церкви въ 11 в. церкви латинской), праздникъ 9 мая—перенесенія мощей Николая Чудотворца изъ Малой Азіи въ итальянскій городъ Бари, и вдругъ православная церковь воспѣваетъ благодарственныя молитвы, какъ-то странно: латинцы стащили, а мы радуемся. Профессоръ думаетъ, что это одинъ изъ тѣхъ намъ мало вѣдомыхъ фактовъ сношеній нашихъ дружинъ съ итальянскими, греками и норманами. Что русскіе дрались на стѣнахъ Палермо въ 12 вѣкѣ—это показалъ проф. Васильевскій: была русская дружина и при Византійскомъ Кесарѣ; не было особаго разбора: и греки, и латины почитали св. Николая одинаково; на западѣ св. Николай называется Der Heilige Klaus, и никто иной, какъ маленькій старичекъ съ елкой, благодѣтель дѣтей, который и у насъ появляется на Рождествѣ. Затѣмъ посланія

митр. русскаго Іоанна къ Клименту III папѣ Римскому (12 в.), браки нашихъ князей съ латинскими и много другихъ фактовъ уже доказываютъ терпимость. Кажется, что этому противорѣчитъ „Путешествіе въ Святую Землю игумена Даниіла“ (1107—8) и разсказъ о томъ, какъ пѣли православные, а потомъ и латинскіе попы „начали верещати свойскы“ и указаніе на то, что православныя кадила надъ Гробомъ Господнимъ зажглись, а латинскія не зажглись, представляютъ позднѣйшую вставку московскаго періода русской исторіи; въ домонгольскій періодъ этого не было, но рядомъ съ такими фактами непонятны похвалы благочестію латинца князя Балдуина, да и самъ король Іерусалимскій, Балдвинъ, относится съ замѣчательной терпимостью къ русскому игумену Даниілу и присутствуетъ вмѣсто латинской на греческой службѣ, при сошествіи Св. Огня.

Что же такое древній церковно-славянскій языкъ, уцѣлѣвшій въ древнѣйшихъ рукописяхъ славянскихъ, глаголическихъ и кирилловскихъ? Великій западный славистъ Миклошичъ выдвинулъ „Паннонскую теорію“. Онъ былъ профессоромъ Вѣнскаго университета, словинецъ, католикъ. Мѣстный патриотизмъ заставлялъ говорить, что настоящій древне-церковно-славянскій языкъ есть паннонское нарѣчіе, а всѣ остальные—съ боку припека. Но ученикъ его, членъ нашей Академіи, проф. Ягичъ, разбилъ Паннонскую теорію. Хотя названіе „Паннонскихъ“ и осталось за нѣкоторыми памятниками, но уже въ сущности за этимъ никакого содержанія не находится. Ученики Ягича, Вондракъ и нѣкоторые русскіе слависты—А. В. Михайловъ, Брандтъ и Ильинскій стали склоняться къ другимъ выводамъ. Тотъ языкъ, который дошелъ въ древнѣйшихъ кирилловскихъ и глаголическихъ памятникахъ, Кириллъ и Меѳодій должны были знать раньше своего отправленія на проповѣдь. Если они были греки (есть и такіе взгляды—Будиловича), то это были Солунскіе греки. Разъ они были Солунскіе греки, то славяне, если бы они проповѣдывали по-гречески, ихъ не поняли бы. Значитъ, они проповѣдывали на томъ славянскомъ языкѣ, который они лучше знали, тѣмъ болѣе, что тогда разница между славянскими нарѣчіями была невелика. Какіе славяне тамъ жили? Это были западно-македонскіе славяне, и по языку они ближе всего подходили къ нынѣшнимъ западнымъ болгарамъ и въ частности къ тѣмъ, которые сохранили въ живыхъ болгарскихъ говорахъ тѣ же самыя архаическія явленія, которыя сохраняются въ современномъ церковно-славянскомъ языкѣ; конечно, этотъ старо-болгарскій (вѣрнѣе было бы—македонскій) языкъ не тотъ, который мы знаемъ теперь, а языкъ 9 столѣтія. Гдѣ же

этотъ языкъ сохранился, по какимъ памятникамъ его изучать? Прежде всего по памятникамъ глаголическимъ, а потомъ и кирилловскимъ.

Греческій алфавитъ не покрываетъ славянскихъ звуковъ: чтобы изобразить по-гречески б, нужно взять м и п, нѣтъ ж, чистаго з, у, ч, ш, щ, ѣ, ѵ, Ѷ, ѷ.

Разнаго рода буквы были заимствованы частью изъ коптскаго, а частью изъ еврейскаго алфавита (ш). Глаголическія начертанія ш древнѣе, они не достигаютъ высоты строчки, занимаютъ полстрочки, какъ и въ еврейскихъ манускриптахъ.

Перечислимъ глаголическіе и кирилловскіе памятники, въ которыхъ сохранились наиболѣе древнія формы древне-церковно-славянскаго языка:

1) Зографское Евангеліе, найденное на Аѳонѣ австрійскимъ консуломъ, сербомъ Михановичемъ. Оно долго странствовало по рукамъ, теперь въ Спб. Публичной библіотекѣ и издано Ягичемъ.

2) Маринское Евангеліе. Изд. нашей академіей подъ ред. Ягича.

3) Евангеліе Ассеманово.

Всѣ безъ опредѣленныхъ датъ.

Западные слависты Зографское и Маринское Евангелія относятъ къ 10 вѣку, Ассеманово или Ассеманіево—позднѣе (Ассемани—кардиналь, который научно издалъ еще въ 18 вѣкѣ греческіе православные святцы).

Псалтырь и Евхологій—два памятника, сохранившіеся въ знаменитомъ Синайскомъ монастырѣ Святой Екатерины. Это одинъ изъ древнихъ православныхъ монастырей. Преданіе говоритъ, что когда св. Екатерина была убита, то тѣло ея было перенесено на Синай, долго хранилось тамъ, пока отшельники не нѣткнулись на него и не перенесли ея мощи въ свой монастырь, гдѣ онѣ почиваютъ и доселѣ. Этотъ монастырь извѣстенъ давно въ наукѣ. Кромѣ важныхъ сирійскихъ рукописей, онѣ далъ одинъ изъ первыхъ списковъ греческихъ евангелій, найденный Тишендорфомъ и поднесенный В. К. Конст. Никол. Это Евангеліе IV в. и вмѣстѣ съ Ватиканскимъ—двѣ наиболѣе древнія и драгоцѣнныя рукописи. Автографовъ Евангелистовъ до насъ не дошло, а папирусы II—III в. даютъ лишь отрывки. Затѣмъ разнаго рода памятники древне-христіанскаго искусства изучаемы были Кондаковымъ. Обѣ рукописи: Псалтырь Синайская и Евхологій (изданы Гейтлеромъ)—памятники глаголической письменности. Затѣмъ являются памятники, которымъ прежде придавали большое значеніе, но которые оказались памятниками, носящими въ себѣ черты позднѣйшаго паннонскаго и сербскаго нарѣчія. Это такъ называемая

„Глаголица Клоцова и Фрейзингенскіе отрывки“. Важнѣе глаголическіе листочки, такъ называемые Пражскіе отрывки.

Рядомъ съ этими древнѣйшими глаголическими памятниками должны быть поставлены памятники кирилловскіе. И тутъ большое значеніе имѣютъ изданія нашей Академіи Наукъ. Это прежде всего Евангеліе Саввы (Саввино Евангеліе или Саввина Книга). Она послужила темой разсужденія В. Н. Щепкина (хранителя Московскаго Историческаго Музея), и превосходно издана Академіей Наукъ. Названіе „Саввина“ только оттого, что въ замѣткахъ случайно упоминается о Саввѣ. Старое изданіе Срезневскаго теперь не годится.

Супральская рукопись, изданная недавно нашей Академіей Наукъ, подъ редакціей Северьянова. Этотъ Codex Supraslicensis (отъ м. Супрасля въ Гродн. губ.) или Супральская рукопись особенно цѣнна по своему содержанію. Она представляетъ собою древнѣйшій списокъ житій святыхъ—Четь-Минеи за мартъ мѣсяць—правда, съ опущеніями. Значитъ, Житія Святыхъ, переведенныя на славянскій языкъ, и подтверждаютъ энергичную дѣятельность славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ, святыхъ пяточисленниковъ: Саввы, Наума, Горазда, Ангеляра и Климента, которые вынесли на своихъ плечахъ все дѣло Кирилла и Меѳодія. Если бы не они, не было бы и богатства славяно-русской литературы въ древнѣйшую пору.

Затѣмъ отмѣтимъ Огласительныя (Катехизическія) поученія Кирилла Іерусалимскаго, Хиландарскіе листки, Евангеліе Ундольскаго, знаменитаго собирателя рукописей, и Слупскую Псалтырь; это все памятники 11 вѣка.

Вотъ и всѣ памятники чистаго древне-церковно-славянскаго языка; всѣ же остальные носятъ особенности нарѣчій: болгарскаго, сербскаго, русскаго и чешскаго.

Съ точки зрѣнія западныхъ славистовъ, главнымъ признакомъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ являются три признака: 1) правильное употребленіе носовыхъ звуковъ или юсовъ, которые уцѣлѣли и въ другихъ языкахъ (болгарскомъ и польскомъ, хотя въ послѣднемъ они не вездѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчаются въ древне-церковно-славянскомъ), 2) правильное и частое употребленіе з и ь (вмѣсто нынѣшнихъ о и е—такъ называемыхъ бѣглыхъ), причѣмъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ перевѣсъ стоитъ на з (гдѣ позднѣе ь, тамъ раньше было з), 3) смягченіе д и т. Вмѣсто д въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ жд (мы произносимъ по-русски Рождество, а пишемъ по древнему Рождество) и

другое, болѣе рѣдкое, не удержавшееся у насъ—смягченіе *т* въ *щ*, напри-
мѣръ, принимающаго. Вотъ три основныхъ признака церковно-славян-
скаго языка.

Всѣ же остальные признаки (о *ь*, о сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ* и пр.)
западными учеными существенными не признаются.

§ 10. Опредѣленіе извода или редакціи рукописей.

Памятники древне-церковно-славянскаго языка очень рѣдки — это
необыкновенныя драгоценности. Можно ли рассчитывать, что они гдѣ-
нибудь еще попадутся? Можно, потому что эти памятники попадаютъ
иногда на переплетахъ: гдѣ у сшивки, наклейки, сбоку, иногда бываютъ
наклеены куски пергамента. Такой памятникъ Срезневскій нашелъ въ
одной книгѣ бібліотеки въ Або. Случается, что пергаменты вклеены
внутри палки переплета. Въ кувшинѣ, найденномъ въ Москвѣ, оказался
кусокъ пергамента. Въ какихъ-нибудь старыхъ дѣлахъ случайно попа-
дается кусокъ пергамента.

При находкѣ древней рукописи необходимо опредѣлить ея изводъ или
редакцію. Кромѣ древняго церковно-славянскаго языка, есть еще изводы:
болгарскій, сербскій, русскій и, наконецъ, въ послѣднее время выдвинуть
румынскій изводъ. Православные румыны, начиная съ 14 столѣтія, поль-
зовались кирилловскимъ языкомъ и кирилловскою письменностью въ
богослуженіи. Эти рукописи, начиная съ 14 вѣка, какъ разъ наименѣе
изучены. Прекрасная новая работа по этой части принадлежитъ А. И. Яци-
мирскому.

Какія рукописи считать древними церковно-славянскими, а какія
болгарскими? Если бы пришлось писать специальную ученую работу, то
можно бы пуститься въ большія детали. Если встрѣчается рукопись
древне-церковно-славянскаго языка, то можно трактовать ее какъ древне-
болгарскую рукопись. Гипотетически главный признакъ будетъ заключаться
въ томъ, что чаще всего будутъ встрѣчаться юсы большой, малый и
іотированные (ѣ, ѣ, іѣ, іѣ) — и кстати и некстати, причемъ особенно
часто будетъ встрѣчаться юсъ большой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы
ожидали бы употребленія этого звука, стоитъ начертаніе ѣ. Это пере-
ходъ отъ средне-болгарскаго къ древне-болгарскому. Объ отличіи средне-
болгарскаго отъ ново-болгарскаго нечего и говорить, потому что его легко

отличить по теперешнему болгарскому языку. Для лиц интересующихся замѣтимъ, что есть русско-болгарскій словарь Дювернуа и болгарско-русскій словарь Цончева.

Что такое средне-болгарскій языкъ? Въ 14 столѣтіи, произошелъ чрезвычайно большой переворотъ въ положеніи вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Византійская Имперія пала официально въ 15 вѣкѣ, но настоящее ея паденіе началось уже въ 14 столѣтіи, потому что турки завладѣли не только всѣми старыми областями Византійской Имперіи на Малоазіатскомъ полуостровѣ, но уже постепенно перебрались и на полуостровъ Балканскій. Болгарія и старыя славянскія державы, которыя представляли сперва грозу, а потомъ и оплотъ Византійской Имперіи, рассыпались подъ этимъ нашествіемъ. Тамъ было въ то время одно сербское царство и два царства болгарскихъ: одно называлось Виддинскимъ (погибло въ 1396 г.), а другое Трновскимъ (въ 1393). О паденіи сербскаго царства извѣстно изъ пѣсенъ о битвѣ при Коссовѣ (1389 г.). Турецкое кольцо сковало всю Византію. Немудрено было и Константинополю ожидать паденія уже въ этотъ моментъ (14 вѣкѣ), хотя оно произошло 100 лѣтъ спустя (1453). Общее отчаяніе охватило и южныхъ славянъ и византійцевъ, заставивъ ихъ бѣжать и спасаться, куда ни попало. Въ частности, одни бѣжали въ Италію, другіе спасались въ недоступныхъ горныхъ монастыряхъ Фессалии, Синая и особенно дикаго Аѳона. Туда, на этотъ полуостровъ, стекались сербскіе и болгарскіе монахи; иные спасались и въ Россію. Появились новые факты и литературнаго, и палеографическаго свойства. Когда произошелъ этотъ разгромъ, то монахи Аѳона способствовали извѣстнаго рода возрожденію древне-славянской письменности. Если византійцы считаются повліявшими на процессъ возрожденія въ Западной Европѣ, то церковное возрожденіе въ Руси несомнѣнно произошло подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ: 14 столѣтіе ставится гранью почти у всѣхъ специалистовъ, потому что тогда появились, подъ вліяніемъ этихъ монаховъ, новые переводы Св. Писанія и наряду съ этими новыми переводами богослужебныхъ и церковныхъ книгъ и литературныхъ хроникъ, появились и новые способы выраженія, потому что новая литература требуетъ и новыхъ выраженій, а затѣмъ появилось и новое письмо. Насколько можно догадываться, это письмо было своего рода результатомъ какой-то церковной реформы. Она произошла главнымъ образомъ въ Болгаріи, не задолго до ея паденія. Во главѣ ея стоялъ Евфимій Терновскій (около 1375 г., дядя св. Кипріана, митрополита Московскаго). Вокругъ него существовала цѣлая колонія

переводчиковъ, а затѣмъ къ нему примкнули и другіе монахи—и образовалась цѣлая серія Евфиміевскихъ переводовъ. На ресавскихъ изводахъ мы не останавливаемся. Для палеографа важно то, что въ этотъ моментъ образовалось особое средне-болгарское письмо. Когда современные ученые разбираютъ древне-церковно-славянское письмо, то ихъ сужденіе, подкрѣпленное новыми дисциплинами, въ родѣ фонетики, сравнительнаго языкознанія и т. д. стоитъ на почвѣ научной; но когда въ 14 столѣтіи была затѣяна реформа правописанія, грамматики и переводовъ, такихъ ученыхъ не было и какъ всегда бываетъ во всякой цивилизаціи—схватываться за внѣшнюю форму, такъ и тамъ, когда взялись за древніе памятники, увидѣли тамъ юсы и рѣшили: давай же и мы воскресимъ эти юсы. Въ древности (въ 9—10 вѣкахъ) юсы означали особое произношеніе, но въ 14 вѣкѣ это были уже мертвыя кости, ихъ можно было внести въ начертанія, не сопровождая никакимъ звуковымъ измѣненіемъ. Бываетъ и такъ, что рукопись писана въ Россіи, а мода соблюдена болгарская. Юсь ставится абсолютно вмѣсто всѣхъ буквъ: гдѣ о—юсь большой, гдѣ ѡ—юсь большой, гдѣ ѡ—тоже юсь большой. Потомъ большой юсь сталъ замѣняться малымъ и обратно. Только е да и избѣгли этого; зато юсь малый сталъ попадать вмѣсто ѡ, е и и. Получилась невозможная смѣсь.

Итакъ, вотъ чѣмъ характеризуется палеографическій переворотъ 14 столѣтія—смѣшаннымъ употребленіемъ юсовъ. Нельзя поручиться, что рукопись, написанная средне-болгарскимъ письмомъ, непременно болгарская; ее могъ писать кто угодно, только слѣдовавшій модной для 14 и 15 вв. орфографіи.

Мы знаемъ, что у насъ существовали два начертанія—ѡ и ѡ, гласные звуки, они замѣняли о и е, но кромѣ этого они ставились въ письмѣ при плавныхъ л и р, причемъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ обыкновенное положеніе этихъ звуковъ было послѣ плавныхъ: *лъ, ръ, ль, рь*, но не во всѣхъ словахъ, а только въ нѣкоторыхъ, преимущественно односложныхъ или коренныхъ (специалистамъ извѣстны явленія перваго и втораго полногласія). Когда началась средне-болгарская мода, они вотъ это *лъ* стали ставить не только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ древнемъ церковно-славянскомъ оно ставилось правильно, но рѣшительно вездѣ, гдѣ только это возможно, а потому, постоянное желаніе внести всюду начертаніе ѡ и ѡ—тоже признакъ средне-болгарскаго письма. Для неспециалистовъ тяжело въ этомъ разобраться, но выводъ для палеографа, хотя и не точный, есть: если встрѣчается рукопись на пергаментѣ

съ подобными явлениями, то это древняя церковно-славянская рукопись, но если на бумаге, то это рукопись средне-болгарская.

Теперь нужно обратить внимание на сербские изводы. У них следующие два основных признака: во всех тех случаях, где мы имеем я в смысле ja (по-немецки ja), и где мы встречаем юсь малый, там будет стоять e, например, — монастыря — монастыре, пять — петь. Наклонность к употреблению буквы e, где бы мы ожидали звука я — это первый признак сербских рукописей, а второй признак, который тоже легко отличить, это во всех тех случаях, где мы имеем ы, будет стоять и. Сербские слова найдете в словарях Кираджича, Лавровского и др.

Остается два извода — румынский и древне-русский. Профессор полагает, что в настоящий момент в продаже среди наших рукописей будут попадаться чаще всего рукописи румынские. Причиной этому является то, что в Румынии богослужение совершается в данный момент на румынском языке, а древний церковно-славянский язык изгоняется; они „самоопредѣлились“ и с большим презрѣнием относятся к тому, что находились когда-то под влиянием славянъ. Характерными признаками румынских рукописей будут явления средне-болгарского письма; попадаются на рукописях и помѣтки на языкъ, котораго мы не знаем — на румынскомъ.

Болѣе подробный разбор особенностей орфографіи текстовъ собственно древне-церковно-славянскихъ, древне-сербскихъ, средне-болгарскихъ и русскихъ, имѣется в печатныхъ лекціяхъ профессора нашего Археологическаго Ин-та, Н. М. Каринскаго.

§ II. Обзорѣніе изводовъ русскихъ рукописей по говорамъ.

Относительно рукописей русскаго извода нашими руководителями будут старые труды Востокова и Горскаго, и новые — Соболевскаго. Ему мы обязаны чрезвычайно многимъ. Если онъ какъ славистъ, можетъ быть, не выдержитъ строгой критики, то нужно сознаться, что въ области русской діалектологіи онъ первоклассный авторитетъ. Противъ него предпринимались походы и очень рѣзкіе, но они вытекали изъ того, что онъ держится одной основной точки зрѣнія, что русский народъ представляетъ изъ себя въ лингвистическомъ отношеніи величину, говорящую однимъ

языкомъ, а всѣ разницы сводятся къ нарѣчіямъ: есть, напр., нарѣчіе великорусское, малорусское, угрорусское. Противники же его говорятъ, что это неправильно, и что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ русскимъ языкомъ, которымъ говорятъ великоруссы, а при немъ мы имѣемъ малорусскій языкъ—не нарѣчіе, а языкъ, а затѣмъ еще и языкъ бѣлорусскій. Понятно, что на этой почвѣ будутъ говорить защитники „самоопредѣленія“ отдѣльныхъ русскихъ единицъ—украинофилы постоянно устремляются противъ Соболевскаго. Нужно замѣтить, что есть разнаго рода украинофилы; напр., украинофилы закордонные—въ Австріи, отличаются страшною ненавистью къ народу, занимающему нынѣшнюю территорію Россійской Имперіи. Они считаютъ только себя русскими, остальныхъ же—туранцами, которыхъ слѣдуетъ загнать за Уралъ, а территорія нынѣшней Россіи должна быть занята тѣмъ народомъ, который живетъ теперь въ Малороссіи, что во всей остальной Россіи—туранское племя, часть славянскаго племени, офинившееся и представившее особый народъ—москалей. Эта партія пользуется поддержкой со стороны полонофиловъ; украинофильство носитъ крайній отгѣнокъ. Но есть и другіе украинофилы, очень мирные люди, которые говорятъ только, что хохлы имѣютъ право имѣть Св. Писаніе на томъ нарѣчій, на которомъ они говорятъ и т. д. Эту точку зрѣнія нужно помнить, когда, можетъ быть, придется встрѣтиться съ соображеніями, высказываемыми кіевскими учеными противъ теорій и трудовъ Соболевскаго. Во всякомъ случаѣ заслуги Соболевскаго по изученію русской діалектологіи поразительны. Одну изъ его важныхъ гипотезъ сейчасъ же разъясимъ. Изучавшіе ранѣе русскій языкъ, мало обращали вниманія на изученіе исторіи говоровъ; они дѣлили обыкновенно Россію, проводя извѣстную линію, на сѣверную, сѣверо-восточную и юго-западную: одни окающіе, другіе акающіе (тамъ говорятъ на о, а тамъ на а). Но эта точка зрѣнія въ настоящій моментъ уже устарѣла. Заслуга Соболевскаго заключается въ томъ, что въ массу интереснаго исключительно для современнаго филолога матеріала онъ внесъ гипотезу о томъ, каковы должны были быть древнія русскія нарѣчія: онъ устанавливаетъ, что было только два такихъ нарѣчія: одно сѣверное, соответствующее великорусскому и бѣлорусскому, а другое южное, которому соответствія въ великорусскихъ говорахъ найти трудно, и которое соответствовало волынско-галицкому говору. Въ старину у насъ главными были кривичскіе говоры, которые захватываютъ нарѣчія Новгородское, Смоленское, Полоцкое, и такъ какъ большинство рукописей какъ разъ и падаютъ на эти мѣстности (потому что всѣ рукописи, которыя мы имѣемъ, 80% о

если не больше, преимущественно новгородскія), то онѣ относятся къ этой первой группѣ. О новгородскомъ говорѣ мы можемъ имѣть довольно точное представленіе. Что касается до остальныхъ группъ, то тамъ дѣло обстоитъ плохо, потому что для характеристики древнихъ отдѣльныхъ говоровъ мало матеріала. Двѣ рукописи для ростовскаго говора имѣются, но согласитесь, что изъ двухъ рукописей вывести данныя для характеристики цѣлой области трудно. Но Соболевскій и тамъ пытался что-то сдѣлать—онѣ говоритъ о ростовскомъ говорѣ (ростовскихъ кривичей); въ отдѣльную группу онѣ выдѣляетъ кіевское нарѣчіе, галицко-волынское и т. д.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, переходимъ къ характеристикѣ говоровъ. Книга Соболевскаго „Исторія Русскаго Языка“ — нашъ вождь. Первый говоръ, который мы имѣемъ, новгородскій. Въ чемъ его отличіе отъ древняго церковно-славянскаго языка вообще или въ чемъ вообще отличіе русскаго языка отъ древняго церковно-славянскаго? Прежде всего отсутствіе употребленія носовыхъ звуковъ (не забудемъ только оговорку о средне-болгарскомъ письмѣ). 2. Смягченіе зубныхъ—церковно-славянское *жд* и *шт* (напр., рождество и припадающаго) въ русскомъ будутъ замѣнены *ж*, *жж* и *ш* (рожество, вожжи, припадающаго). 3. Сочетаніе плавныхъ—въ церковно-славянскомъ мы имѣемъ группы *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ*, въ русскомъ *ръ*, *врѣ*, *ѣлѣ*, *ѣлѣ*. Затѣмъ стало отпадать въ письмѣ *ѣ* и *ѣ* — не то, которое мы-бы ожидали, не впереди, а сзади, такъ что вмѣсто *ръ* появилось только *р*, вмѣсто *врѣ*—*вр*, вмѣсто сочетанія *ѣлѣ*—*ѣл*, вмѣсто *ѣлѣ*—*ѣл*. Затѣмъ, такъ какъ *ѣ* соотвѣтствуетъ *о*, а *ѣ* соотвѣтствуетъ *е*, то вмѣсто сочетанія *рѣ*, *лѣ* появилось въ русскомъ языкѣ *оро* и *ере*. Это явленіе извѣстно подъ названіемъ полногласія (слишкомъ много гласныхъ). Какъ это произошло—другое дѣло, но это внѣшній признакъ, признакъ письма. Этотъ признакъ является характернымъ для русскаго языка. Затѣмъ является признакъ, который указанъ у Колосова: вмѣсто *іє* встрѣчается *о*, вмѣсто Елена—Олена, вмѣсто ієлень—олень, вмѣсто ієзеро—озеро, происшедшій черезъ оканье. Этотъ признакъ не признается Соболевскимъ характернымъ: онѣ нашелъ его въ рукописяхъ другихъ славянъ. Съ точки зрѣнія практической, разъ встрѣчается въ рукописи Олена, конечно это русская рукопись, но Соболевскій ссылается на то, почему не явилось вмѣсто Евангеліе—Овангеліе (Евангуль—Овангуль), но думаемъ, что здѣсь очень простая причина: слишкомъ важная вещь Евангеліе, чтобы даже безграмотный челоуѣкъ осмѣлился сдѣлать Овангеліе. Имя Іоаннъ, напимѣръ, передѣлывалось во всевозможныя имена: въ Нередицахъ на фрескахъ и въ др. найдемъ даже Ієванъ, но вмѣсто

имени Иисусъ, Есусъ (или Езусъ) не найдемъ — это слишкомъ драгоценное имя.

До 14 вѣка нынѣшнихъ дѣленій на великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчіе видимо не существовало. Само великорусское племя какъ таковое, начало складываться, надо думать, въ 14—15 вѣкахъ. До этого дѣленіе говоромъ было другое. Эти говоры, по дѣленію профессора Соболевскаго, были слѣдующіе: 1) говоръ кривичей, 2) вятичей, затѣмъ отдѣльно ставится: 3) говоръ волынско-дулѣбскій и древне-кіевскій и 4) переяславскій. Послѣднія дѣленія сложны, потому что съ этими говорами памятниковъ сохранилось чрезвычайно мало. Отличительные признаки кривичей заключаются въ смѣшеніи ч и ц (чрево и црево, цвѣтъ и чвѣтъ, конечъ и конецъ, начальникъ и нацальникъ, нѣмчичъ и нѣмчицъ). Затѣмъ Соболевскій раздѣляетъ этотъ говоръ на три отдѣльныхъ вѣтви: собственно-новгородскій, псковскій и смоленско-витебскій (западно-русскій) говоръ. У новгородцевъ и псковичей есть и общія явленія и частныя. Изъ общихъ явленій—употребленіе сочетанія жс вмѣсто жд: дождь — дожгъ. Затѣмъ является спеціальностью новгородскаго говора въ отличіе отъ псковскаго и вмѣсто ѣ: окончанія равное Филипови вмѣсто Филиповѣ. Затѣмъ къ новгородскому же говору, а отчасти и къ псковскому, относится выпаденіе плавной л при в (Владиславъ-Владиславичъ, вмѣсто Владиславличъ); въ псковскомъ говорѣ является отличительнымъ пришепетыванье, ж и з мѣняются между собою, а также ш и с (стяжю вмѣсто стязю, вешъ вмѣсто весь и т. д.).

Что касается западно-русскаго говора, отъ котораго Соболевскій производитъ бѣлорусское нарѣчіе, то онъ говоритъ, что прямыхъ отличій нѣтъ; можетъ быть, были фонетическія отличія, которыя въ письмѣ не умѣщались. Ждч тамъ, гдѣ зж или жж; Соболевскій приводитъ изъ болѣе позднихъ памятниковъ такіа формы: прѣждчаючи, наѣждчая. Это мелочное явленіе и не вездѣ замѣтно, а въ остальномъ этотъ говоръ именно тѣмъ и отличается, что не имѣетъ признаковъ, отличающихъ псковское и новгородское нарѣчіе, то-есть иначе сказать—онъ ближе подходитъ къ нашему разговорному языку. Что касается говора вятичей, то Соболевскій главнымъ образомъ указываетъ, что въ этомъ говорѣ тѣ же самыя явленія, которыя замѣчаются въ западныхъ говорахъ, и онъ мало знаетъ употребленіе перепутанныхъ ч и ц; о и а часто мѣняются. Самихъ рукописей немного—7-8.

Что касается до галицко-дулѣбскаго говора, то онъ представляетъ черты, напоминающія современное малорусское нарѣчіе, никогда не ставитъ замѣны „у“ черезъ „в“: заутра—завтра.

Древне-кіевскій говоръ отличается тѣмъ, что сближается съ новгородскимъ или кривичско-новгородско-псковскимъ, который допускаетъ *ь* и *и*. Разъ рукопись написана безъ смѣшенія *в* и *у* и въ ней находится смѣшеніе *ь* и *и*,—рукопись кіевского говора,

Что касается особенностей переяславскаго и черниговскаго говора, то ихъ отличія очень неясны.

§ 12. Матеріаль рукописныхъ памятниковъ.

Когда у насъ въ рукахъ подлинная рукопись, является вопросъ, на какіе признаки слѣдуетъ намъ прежде всего обратить вниманіе? Признаки могутъ быть внѣшніе и внутренніе. Внѣшнимъ признакомъ рукописи является прежде всего ея переплетъ. Но переплетъ—вещь случайная: книга можетъ быть и безъ переплета, или переплетена можетъ быть и не одинъ разъ. Затѣмъ надо замѣтить матеріаль рукописи, форматъ ея, т. е. отмѣтить, какого она размѣра. Важна техника того, какъ рукопись сшита, какъ она украшена. Наконецъ, идетъ почеркъ—тоже внѣшній признакъ, потому что онъ бросается въ глаза. Уже послѣ того надо обратить вниманіе на внутренніе признаки—на языкъ.

Матеріалы, на которыхъ писались древнія русскія рукописи: пергаментъ, бомбицина, береста и тряпичная бумага.

Происхожденіе „пергамента“—очень древнее. Уже Геродотъ упоминаетъ о немъ (въ V-й кн.); употребляли его и евреи въ древности. Проф. Шляпкинъ имѣетъ въ виду раввинскія могилы возлѣ Бахчисарая, въ Чуфуть-Кале. Тамъ жили караимы. Это—евреи, которые не признаютъ талмуда раввиновъ, а вѣрують въ Библию. Очень сомнителенъ вопросъ, когда они появились въ Крыму; полагають, что эти караимы появились тогда, когда неизвѣстно куда дѣлись 10 колѣнъ израилевыхъ. Когда караимы хоронили своихъ раввиновъ, то клали къ нимъ въ могилы свитокъ Торы (пятикнижія Моисея); этотъ свитокъ, сложенный и надѣтый на палочку, завертывался въ матерію, укладывался въ свинцовый футляръ и въ деревянный ящикъ. Ученый караимъ Фирковичъ началъ отыскивать эти футляры-цилиндры, находилъ свитки и на основаніи разнаго рода предположеній приписывалъ имъ удивительную древность—десять столѣтій до Рождества Христова. Это утвержденіе вызвало критику двухъ ученыхъ: Гаркави и проф. Хвольсона. Фирковича обвиняли въ поддѣлкѣ,

тѣмъ болѣе, что онъ очень выгодно продалъ свое собраніе въ Публичную Библиотеку, гдѣ желающіе могутъ видѣть эти свитки.

Во всякомъ случаѣ, древніе свитки писались на пергаментѣ. Любопытно, что и у насъ на Руси бывали, хотя крайне рѣдко, такіе пергаментные свитки. Въ Тверскомъ музеѣ, на примѣръ, хранится поминаніе на пергаментѣ, свернутое, какъ свитокъ Торы; видимо это или подражаніе, или случайность, такъ какъ наши свитки (бумажные) являются гораздо позже, именно въ 16 вѣкѣ. Быть можетъ и тогда, въ 16 вѣкѣ, это было тоже подражаніемъ принадлежавшихъ къ ереси жидовствующихъ. Пергаментъ выдѣлывался изъ шкуръ разныхъ животныхъ. Матеріаломъ служили кожи телятъ, барановъ и ословъ. Нѣкоторые испанскіе пергаменты—козьи, но они встрѣчаются сравнительно рѣдко, и ихъ сейчасъ же можно отличить по ихъ запаху. Ослиный пергаментъ тоньше телячьяго, и имѣетъ сѣроватый цвѣтъ. Какъ обрабатывались у насъ кожи для выдѣлки изъ нихъ пергаменты—намъ въ точности не извѣстно; вѣроятно ихъ очищали отъ жира, мочили, бѣлили, растягивали. Пергаментъ красили въ красный, лиловый, пурпуровый и рѣдко—въ черный и голубые цвѣта. Извѣстенъ пергаментъ, на которомъ написана Библия Ульфины—пурпурово-лиловый, съ серебряными и золотыми буквами. Но въ русской и славянской письменности крашеннаго пергаменты не встрѣчаются. Названіе нашего пергаменты въ старину было: „кожа“ или „телятина“. Профессоръ не знаетъ, былъ-ли произведенъ у насъ микроскопическій анализъ пергаменты, но въ 11—12 вѣкахъ встрѣчается несомнѣнно и бараній. Въ 12 и 14 столѣтіяхъ онъ дѣлается толстымъ и грубымъ. Это исключительно уже телячій пергаментъ, отсюда и любопытное выраженіе: „писана книга на телятинѣ“. Въ древности пергаментъ у насъ звался „харатья“ (отъ греческаго „χαρτίον“), а самое слово „пергаментъ“ стало употребляться уже въ московской Руси лишь въ 17 вѣкѣ. „Телятина“, повидимому, была у насъ двоякаго происхожденія: въ первое время несомнѣнно былъ не русскій пергаментъ. Здѣсь, съ точки зрѣнія матеріала старо-русскихъ рукописей, изслѣдованіе нашего пергаменты должно быть произведено параллельно съ пергаментомъ греческимъ: впоследствии былъ пергаментъ русской фабрикаціи: замѣтно, что его дѣлали неумѣлыя руки. Листъ такого пергаменты, принадлежащій Сахарову, любопытенъ своими особенностями: шкура попалась съ дыркой, писецъ ее заштопалъ; затѣмъ были какія-то язвы, сыпь на животномъ—и онѣ оставлены: рукопись идетъ, оставляя эти дырки въ сторонѣ. Относительно размѣра пергаменты слѣдуетъ сказать, что нѣсколько разъ ста-

рались его опредѣлить: „in folio“, „in secundo“, „in quarto“, но неудачно. Теперь принято обозначать его размѣръ въ сантиметрахъ.

Въ 14 вѣкѣ начинается борьба между бумагой и пергаментомъ; существуютъ рукописи, въ которыхъ половина написана на пергаментѣ, а другая половина на бумагѣ. Разница не особенно замѣтна: старые сорта бумаги отличаются такой толщиной и гляцевитостью, что не всегда сразу можно отличить бумагу отъ пергамента. Самый простой способъ — оторвать или отломить кусокъ. Пергаментъ твердъ, а бумага легко рвется, въ бумагѣ слои, а въ пергаментѣ ихъ нѣтъ. Впрочемъ, подобное истребленіе рукописи дѣло не похвальное. До 14 вѣка идетъ исключительно пергаментъ и рѣдко попадаетъ позже, напримѣръ, въ концѣ 15 вѣка.

Въ 18 столѣтіи пергаментъ снова въ модѣ для разныхъ актовъ; это дошло и до нашего времени. Новый пергаментъ отличить легко: онъ покрытъ извѣстнаго рода бѣлой краской и если его хоть немного согнуть, то бѣлила начнутъ осыпаться. Любопытно, что въ 18 вѣкѣ, когда появилась фальсификація рукописей, появилась и фальсификація пергамента (о нихъ см. книгу Пыпина). Въ 18 столѣтіи можно было встрѣтить рукопись „Русской Правды“ или „Слова о полку Игоревѣ“ на пергаментѣ, но на немъ легко найти слѣды бѣлилъ, хотя тотъ пергаментъ скоблили, мочили, сушили, смазывали масломъ, промазывали кой-гдѣ насквозь, наливали кофе для желтизны и пятенъ какъ бы отъ сырости. Къ счастью, такую поддѣлку легко различить человѣку даже и не много знакомому съ пергаменами стараго типа. Палеографу слѣдуетъ поближе познакомиться съ пергаментомъ — буквально подержать его въ рукахъ. Итакъ: русскія рукописи до 14 вѣка включительно писались на пергаментѣ старой выдѣлки, а затѣмъ въ новомъ своемъ видѣ пергаментъ (въ дипломахъ) доходитъ и до нашихъ дней.

Далѣе идетъ такъ называемая „бомбицина“, бумага изъ хлопка. Ея названіе стоитъ въ связи съ греческимъ „βουβαξ“ и турецкимъ „rambuk“, и дало намъ слово „бумага“. Терминъ „бомбицина“ подвергся сомнѣнію въ нашихъ руководствахъ по палеографіи, напримѣръ, въ сочиненіи Н. П. Лихачева (Дипломатика, стр. 179), мы найдемъ указаніе, что бомбицина принадлежитъ къ числу выдумокъ, что это самая обычная бумага не изъ хлопка и не изъ шелка, а изъ льна, только особеннымъ образомъ приготовленная. У старыхъ-же палеографовъ бомбицина опредѣлялась какъ бумага, заключающая въ себѣ хлопокъ и шелкъ. Произведенный для проф. Шляпкина анализъ подтвердилъ присутствіе шелка въ бомбицинѣ.

Слѣдующій матеріалъ русскихъ рукописей—„береста“, березовая кора. Она въ качествѣ писчаго матеріала упоминается въ „Житіи Сергія Радонежскаго“ — 14 вѣка, но рукописи такого отдаленнаго періода не дошли до насъ, очевидно по хрупкости этого матеріала. Существуютъ предположенія, что на берестѣ писались книги для обученія дѣтей. До насъ дошли „ясачныя“ книги инородцевъ на берестѣ, уже 18 вѣка. Преданія же о зырянскихъ письменахъ на берестѣ (о которыхъ упоминали Савваитовъ и Лыткинъ), остаются преданіями: зырянскихъ рукописей на берестѣ мы не знаемъ. Береста, видимо, употреблялась по бѣдности, и во всякомъ случаѣ представляетъ курьезъ, а не обычное явленіе (есть образцы въ Публичной Библіотекѣ).

Главный матеріалъ русскихъ рукописей съ 15 вѣка—бумага.

Первое время бумага груба и толста, и въ большинствѣ случаевъ выложена блестяще, какъ будто лакирована. Всего важнѣе въ ней тамъ поставленные водяные знаки. Чтобы понять въ чемъ дѣло, надо знать прежнюю технику приготовленія бумаги. Ее дѣлали изъ льняныхъ тряпокъ, иногда хотя попадаютъ и другія вещества (напр. пенька, шерсть), такъ какъ небольшая примѣсь ихъ не портитъ бумажной массы. Когда тряпки собранныя тряпичниками, поступаютъ на фабрику, то ихъ по сортировкѣ очищаютъ при помощи кипяченія. Для этого устроенъ мѣдный котелъ въ видѣ шара или колбы съ очень короткимъ горлышкомъ; въ настоящее время въ него съ боковъ входитъ паръ изъ паровика. Этотъ громадный пріемникъ вращается на особаго рода приспособленіяхъ. Тряпку сортированную (ужасная работа, сортирующіе постоянно бываютъ чахоточными) и изрѣзанную на мелкіе куски (работчіе сидятъ на особыхъ скамьяхъ съ остріями) помѣщаютъ въ этотъ пріемникъ. Тамъ на нее пускается вода, которая при помощи пара превращается въ кипятокъ; туда же кладутъ хлорную известь; крышка завинчивается, пускаютъ паръ, и начинается медленное вращеніе этой колбы, чтобы масса тамъ находящаяся, очистилась отъ грязи, а отъ извести начали бы разрушаться органическія волокна; есть моментъ, который нельзя упустить, потому что бумага можетъ разрушиться и будетъ ломка. Открывается крышка, и вываливаются тряпки, которымъ даютъ стекать; затѣмъ снова ихъ варятъ и бѣлятъ хлоромъ; наконецъ получается полуразрушенная масса тряпокъ, съ наполовину разрушенными волокнами; эту массу переносятъ въ мельницы или въ „роли“ въ особыхъ дырчатыхъ котлахъ. Роли обыкновенно помѣщаются въ верхнемъ этажѣ фабрики. Роль представляетъ низкій, открытый сверху, про-

долговатый эллипсоидный ящикъ. Боковыя стѣнки приблизительно около $\frac{3}{4}$ арш. высоты, ящикъ въ діаметрѣ болѣе сажени, дно и стѣны выстланы свинцомъ, посрединѣ роли поставлена перегородка, не достигающая до боковъ. Затѣмъ съ одной стороны перегородки устроенъ на днѣ известнаго рода подъемъ пола кверху и за нимъ паденіе книзу. Надъ подъемомъ кладется горизонтальная насѣчка, а подъ ней, въ томъ-же горизонтальномъ положеніи, укрѣпленъ стальной жерновъ въ видѣ длиннаго цилиндра. Онъ упертъ въ перегородку и боковую стѣнку роли. Въ общемъ, это ванна, въ одной сторонѣ которой поставлена вальцовая машинка въ горизонтальномъ положеніи. Затѣмъ къ жернову-валу дѣлается обычный ременный приводъ, который приводитъ валъ въ быстрое вращательное движеніе. Процедура выработки бумаги заключается въ томъ, что вышеупомянутую массу кладутъ въ роль, рабочій весломъ даетъ ей вращательное движеніе, наливаетъ известное количество воды, и масса начинаетъ описывать безконечное эллипсообразное движеніе кругомъ перегородки, попадая при каждомъ движеніи въ мелющій ее горизонтальный жерновъ. Происходитъ дѣйствіе, аналогичное съ дѣйствіемъ кофейной мельницы, но размоль происходитъ черезъ жерновъ нѣсколько сотенъ разъ. Чтобы не было брызгъ, часть роли съ жерновомъ покрыта деревяннымъ колпакомъ.

Для разныхъ сортовъ продолжительность размола и матеріалъ разный: для хорошихъ сортовъ идутъ льняныя, т. е. полотняныя и холщевыя тряпки, а для оберточной — даже изрубленные веревочныя лапти и древесина (целлюлоза, см. ниже). Затѣмъ въ роль тряпка обращается въ нѣчто похожее на студенистую массу, которая и носитъ названіе папье-маше (papier-mâché — жеванная бумага). Если вы возьмете кусокъ массы и выжмете ее, то получите ту массу, изъ которой дѣлаютъ картонъ, легкія скульптурныя украшенія для потолковъ, бумажныя игрушки и т. д. Заготовленное папье-маше спускается въ нижній этажъ и тамъ помѣщается въ известнаго рода чанѣ. Или въ роль, или въ этотъ чанъ прибавляютъ тѣ вещества, которыя нужны для приданія бумагѣ разнаго рода свойствъ и краски для подкрашиванія. Проф. Шляпкину лично приходилось видѣть здѣсь, на Невской писчебумажной фабриктѣ, цѣлый ассортиментъ красокъ для бумаги, иногда очень дорогихъ, напр. кобальтъ, карминъ и др. Затѣмъ къ массѣ примѣшиваютъ клеякія вещества, чтобы придать бумагѣ вязкость и волокнистость, прибавляютъ и дезинфецирующіе составы и т. д. Странно, тряпка — вещь очень дорогая, а бумага стала дешевле. Удешевленіе бумаги началось

съ 80 годовъ и производится при помощи примѣшиванія къ папье-маше такъ называемой целлюлозы или древесины. Для приготовления древесины берутъ чураки хорошихъ сосенъ. Затѣмъ, особыми машинными приспособленіями стираютъ чуракъ при участіи воды — и получаютъ особыя волокна древесины; они поступаютъ подъ прессъ и получаютъ толстые листы целлюлозы, какъ бы листы картона. Целлюлоза везется связанной въ кипахъ, и она всегда бываетъ намочена; это не ради увеличенія вѣса, а потому, что иначе онъ можетъ или сломаться, или скупѣться въ одинъ кусокъ. Вотъ эту целлюлозу и прибавляютъ ради дешевизны въ папье-маше. Получается та ломкая и легко рвущаяся бумага, которую мы имѣемъ, напримѣръ, въ газетахъ; тряпичная бумага становится рѣдкостью, особенно въ книжномъ дѣлѣ. Вѣроятно, вамъ приходилось слышать, что ожидается въ будущемъ исчезновеніе нашей литературы, почему въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ есть постановленіе, чтобы извѣстные акты печатать на тряпичной бумагѣ. По виду отличить тряпичную бумагу отъ целлюлозной можно при помощи микроскопа; укажемъ простой пріемъ, какимъ образомъ, выбирая бумагу, можно узнать целлюлозная она, или тряпичная. Нужно взять листъ бумаги, согнуть, отогнуть, провести ногтемъ и снова разогнуть; если бумага не сломается, а останется только сгибъ, то это будетъ тряпичная бумага; въ бумагѣ целлюлозной дѣлается переломъ. Другой пріемъ: берете бумагу и стараетесь разорвать ее вдоль: если края разрыва будутъ слоисты и окажутся достаточно широкими, то эта бумага заключаетъ большое количество тряпки; если же она ломается, то это бумага целлюлозная. Возвратимся къ самой выдѣлкѣ бумаги, которую мы оставили въ чану. Первоначальный, древній способъ (рукочерпка), заключался въ томъ, что въ такой чанъ, достаточно плоскій, рабочій долженъ былъ опустить особую форму и начертать массы. Форма была сдѣлана изъ деревяннаго стана, обведеннаго кантомъ и обтянутаго первоначально переплетомъ, затѣмъ рѣдкой холстиной, а потомъ металлическимъ полотномъ: обтяжка должна быть достаточно рѣдкой, чтобы черезъ нее свободно проходила вода. Величина формы была приблизительно 1×2 аршина. Дѣйствіе рабочаго заключалось въ томъ, что онъ эту форму опускалъ въ чанъ, зачерпывалъ жидкую массу и быстрымъ потряхиваньемъ старался распределить ее по всѣмъ концамъ формы. Схватить массу не трудно, разровнять ее тоже, но заполнить углы — дѣло трудное не привычному человѣку. Бумажная масса, распространяясь по формѣ, первоначально не могла быть достаточно ровно распределена повсюду, — и вотъ почему первымъ признакомъ древ-

ней бумаги является то, что она неровно распределена—въ одномъ мѣстѣ тоньше, въ другомъ толще. Правда, потомъ бумагу прокатывали черезъ валыцы, но всетаки плотность ея была не одинакова. Въ болѣе поздней формѣ улучшенное сито состояло изъ нитокъ продольныхъ и поперечныхъ (основы и утокъ). Теперь будетъ совершенно понятно, что когда захвативъ формою извѣстное количество такой массы, человекъ держалъ ее въ рукахъ и вода стекала, то масса тамъ, гдѣ были пустыя пространства сита, поддавалась внизъ, а на нитяхъ была тоньше. И вотъ эти рубцы отъ продольныхъ и поперечныхъ линий получили французское названіе „pontuseaux“ и „vergeures“ (основы и утокъ) и, —отсюда названіе бумаги „papier vergé“. Въ бумагѣ, заготовленной на такомъ ситѣ, видно на свѣтъ, что тѣ мѣста, гдѣ массы много—темны, а гдѣ меньше—прозрачны. Но, кромѣ отпечатковъ сита формы, владѣльцы фабрикъ стали вплетать въ него особаго рода фабричныя знаки, также видимыя на свѣтъ въ бумагѣ. Вотъ подобнаго рода значки и называются филигранями или водяными знаками. Обращаемся къ дальнѣйшей процедурѣ бумажной „рукочерпки“ (manufatura). Снять мокрый листъ съ формы нельзя, нужно дать ему подсохнуть. Формы раскидывали на полъ, а когда вода стекала, то, снявъ листы съ формъ, вѣшали на веревкахъ, какъ бѣлье; когда была скверная погода, то сушить на улицѣ было нельзя, и для этого нужны были „сушила“. Такая высохшая бумага груба, но уже настолько крѣпка, что съ нею можно было обращаться почти какъ съ пергаментомъ — не скоро разорвешь. Затѣмъ листы пропускали черезъ гладкіе валы. Впослѣдствіи валы изъ металла стали нагрѣвать; бумага выходила болѣе ровной толщины и слегка лощеной; въ тѣхъ случаяхъ, когда бумага была тусклой, а желательнo было придать ей блескъ, ее пропускали чрезъ полированные валы или покрывали легкимъ слоемъ клейстера или желатина, который, конечно, быстро высыхалъ; неровные края обрѣзали и листы складывали въ извѣстные форматы. Теперь среди библиофиловъ считается особымъ счастьемъ найти книгу съ необрѣзанными краями; обрѣзанныя поля считаются недостаткомъ. Въ старину судили иначе. Мы описали ручной способъ выдѣлки бумаги, но онъ давно замѣняется (въ Россіи съ 50 г.г.) фабричнымъ способомъ. Чанъ помѣщенъ посрединѣ второго и перваго этажа и имѣетъ впускъ бумаги прямо изъ ролей; внизу его кранъ, который выпускаетъ широкую струю бумажной массы съ водою внизъ.

Эта масса попадаетъ на вращающееся, такъ называемое безконечное полотно (металлическое сито). Чтобы бумага ложилась ровнымъ слоемъ,

сито снабжено бортами и укреплено на шатунахъ; съ него полумокрая масса, такъ какъ вода течетъ сквозь сито, попадаетъ на безконечное бѣлое сукно, идущее въ цѣлый рядъ вращающихся валовъ (голландеровъ); чтобы съ краевъ эта масса не выливалась, протягиваются резиновые ремни, которые слѣдуютъ общему ходу безконечнаго полотна и сукна. Вода изъ особой трубки смываетъ тѣ маленькіе кусочки, которые могли бы пристать къ этому полотну. Цѣль валовъ заключается въ выжимкѣ массы, высушкѣ ея (валы горячіе), лощеніи или сатинировкѣ (валы полированные). Послѣ окончательной просушки, сукно передаетъ уже готовый безконечный листъ бумаги и уходитъ назадъ. На полъ падаетъ совершенно готовая бумага; мастеръ кладетъ ее на автоматическія катушки; автоматическими ножницами бумага обрѣзывается съ краевъ и наматывается на валъ, а затѣмъ, если надо, поступаетъ въ видѣ мотковъ на ротационныя машины для печатанія газетъ; для книгъ валы рѣжутъ обычнымъ способомъ, какъ переплетчики. При нынѣшнемъ фабричномъ способѣ разглядѣть слѣды сита невозможно; если бы не было шатуновъ (съ 50 гт.), слѣды бы оставались на бумагѣ; масса теперь распределяется ровнѣе; тѣмъ не менѣе, если и теперь хлопнуть рукой по массѣ, когда она идетъ, по ситу, то когда она выйдетъ изъ вала, можно увидѣть вполне ясный знакъ руки.

Бумага съ водяными знаками съти у насъ идетъ до 50 гт.; до 60 годовъ писчіе сорта нашей бумаги иногда имѣютъ если ни „vergeures“ и ни „ronfiseaux“, то хотя водяные знаки. Затѣмъ знаки начинаютъ постепенно исчезать и замѣняться выбитымъ штемпелемъ (началось съ 30 гт.). Филигрانی теперь производится на бумагѣ кредитныхъ билетовъ, паспортовъ, разныхъ актовъ, высшихъ сортахъ почтовой бумаги, напр., на фабрикѣ Экспедиціи Заготовленія Гос. Бумагъ, Варгуниныхъ, Печаткина, Небе и др. Каждая фабрика имѣла свои водяные знаки. Существовали фабрики вообще не долго, да и бумага чистой тоже не залеживалась. Естественно, что рукопись съ водянымъ знакомъ той или другой фабрики была современной самой фабрикации бумаги: случайные 5—10 лѣтъ, разница не большая. Изучивъ водяные знаки по актамъ съ точными данными или по листамъ печатной книги, можно установить хронологию водяныхъ знаковъ, затѣмъ, установивъ тожество знаковъ бумаги данной рукописи съ знаками определеннаго времени, можно точно обозначить вѣкъ, а иногда и десятилѣтіе самой рукописи. Мы много обязаны поэтому проф. Лихачеву, который своимъ громаднымъ трудомъ „Палеографическое значеніе водяныхъ знаковъ“, далъ возможность точно опредѣлить время

написанія той или другой рукописи съ наименьшей долей вѣроятныхъ ошибокъ.

Примѣры палеографическихъ споровъ (напримѣръ, о времени Никоновской лѣтописи), рѣшаемыхъ хронологіей водяныхъ знаковъ, приводимые Лихачевымъ, дѣйствительно, болѣе убѣдительны, чѣмъ апріорныя заключенія. Профессоръ думаетъ, что водяные знаки представляютъ большое значеніе и благодаря имъ можно легко, даже не будучи специалистомъ, опредѣлять вѣкъ рукописи и при этомъ довольно точно; надо обращать вниманіе на два признака: внѣшній видъ выдѣлки бумаги и самый рисунокъ водяного знака.

Рисунокъ водяного знака представляетъ обычный ходъ человѣческой мысли отъ простаго къ сложному; чѣмъ проще и меньше знакъ, тѣмъ рукопись древнѣе; чѣмъ знакъ сложнѣе и больше, тѣмъ рукопись болѣе поздняя. Это общее наблюденіе. Мы не касаемся вопроса о національностяхъ въ выдѣлкѣ бумаги. Это можно прочесть у Лихачева ¹⁾.

Что касается внѣшняго вида бумаги, то надо различать поверхность ея и цвѣтъ. Лакированная поверхность заставляетъ отнести бумагу къ 15 и 16 столѣтіямъ (конечно, бываютъ исключенія). Въ 17 столѣтіи бумага болѣе шероховата, болѣе матовая. Цвѣтъ ея тоже нѣсколько мѣняется. Нѣтъ желтизны, характерной для 15 и 16 столѣтій, а преобладаютъ тона сѣрые. Затѣмъ самая выдѣлка бумаги производитъ впечатлѣніе чего-то грубаго. Эта грубость въ 18 столѣтіи является еще рѣзче. Въ бумагахъ 18 вѣка замѣтны плохо отработанные куски папье-маше. Синій цвѣтъ бумаги является въ самомъ концѣ 18 столѣтія и простирается въ первую четверть 19 столѣтія. Гербовая бумага, изслѣдованная г. Картавовымъ, русское изобрѣтеніе — она появилась въ 1699 г. и снабжается годомъ. Штемпеля въ бумагахъ характерны для времени царствованія Императора Николая I.

Форматъ бумаги и опредѣленіе его по отношенію ко времени рукописи — затруднительно: въ разныя времена форматы назывались различно.

По описаніямъ 17 вѣка имѣемъ выраженія: въ десть, въ полудесть, въ четверку, это наше in folio, in secundo, in quarto (in F⁰, 2⁰, 4⁰, 8⁰).

Общій признакъ дѣленія бумаги указанъ Ундольскимъ, по положенію водяного знака: въ листѣ большого формата т. н. александрійской бумаги, въ старыхъ рукописяхъ имѣется водяной знакъ посерединѣ. Остальные форматы — въ полъ-листа, въ четверть опредѣляются тѣмъ,

¹⁾ Бумага и бумажныя мельницы въ Московскомъ Государствѣ.

что въ полъ-листѣ водяной знакъ будетъ на сгибѣ, въ восьмушкѣ наверху, знакъ въ шестнадцатой—внизу. Обычный форматъ нашихъ рукописей—небольшая четверка чрезвычайно разнообразныхъ размѣровъ. При изслѣдованіяхъ лучше всего сообщать величину по сантиметрамъ бумаги и письма (какъ это сдѣлалъ для книгъ г. Бѣлавенецъ въ своемъ каталогѣ книжнаго склада „Глиновѣдѣніе“).

§ 13. Переплетъ и украшенія древней русской книги.

Разсмотримъ теперь развитіе древней русской книги. Обрѣзавъ пергаментъ, его складывали обыкновенно тетрадями по восемь или шестнадцать листовъ, хотя встрѣчаются тетради и по четыре листа, а также смѣшанныя: пергаментъ со бомбициной или бумагой. Потомъ тетради сшивались: сначала (до 15 вѣка) полосками пергамента, затѣмъ (15—16 вѣковъ) зеленымъ и краснымъ шелкомъ, потомъ просто пеньковой веревочкой. Сшивались тетради разными способами; если сшито по срединѣ—это болѣе древній признакъ. Послѣ того тетради облекались въ переплетъ.

Переплетъ русской книги двоякій: онъ или состоитъ изъ двухъ досокъ, „оболоченныхъ“ кожей или тканью, или же сдѣланъ изъ картона. Подлинныя древнія переплеты (до 14 вѣка), до насъ не уцѣлѣли, можетъ быть въ старину книги и не крылись, а просто обвертывались. О существованіи переплетовъ въ древности можно только догадываться по изображеніямъ на фрескахъ, но быть можетъ на тѣхъ изображеніяхъ отразилась только традиція, а не дѣйствительность. Доски же въ оболочкахъ извѣстны съ 14—15 вѣковъ и доходятъ до 17 вѣка. Далѣе, съ 17 вѣка идетъ уже переплетъ изъ картона или папки, клееной изъ разнаго рода ненужныхъ бумагъ.

Концы полосокъ пергамента, позднѣе шнурковъ и веревочекъ приклеивались къ доскамъ; въ болѣе старыхъ переплетахъ они задѣлывались въ дерево, чѣмъ достигалась необыкновенная прочность переплета. Такъ что, когда концы только приклеены къ доскѣ, это признакъ болѣе поздняго переплета (съ 17 вѣка).

Доски переплетовъ дѣлались у болѣе старыхъ книгъ изъ дуба, бука, кипариса, позднѣе изъ сосны и ели. Доски эти были очень грубой работы, потому что до Алексѣя Михайловича и Петра Великаго у насъ не было столярныхъ инструментовъ, которые тогда пришли къ намъ изъ Голландіи.

Въ старину доски, очевидно, раскалывались клиномъ и потомъ отесывались топоромъ. Поэтому у старыхъ книгъ доски чрезвычайно толсты, и чѣмъ древнѣе переплетъ, тѣмъ онъ толще: такъ въ 14 вѣкѣ онъ полдюймовой толщины, а въ 17 вѣкѣ въ нихъ только одна восьмая дюйма. И расколота доска въ старину была неровно, а скошена къ корешку. Такимъ образомъ толщина досокъ и ихъ скошенность суть признаки древняго переплета. Въ старыхъ книгахъ доски внутри переплетовъ ничѣмъ не оклеивались, они оставались голыми, а съ 17 вѣка ихъ стали оклеивать бѣлой бумагой. Снаружи онѣ обшивались кожей, вѣроятно, бычьей, прочности необыкновенной: переплетъ, вообще, производитъ впечатлѣніе чего-то литого; клей тоже былъ необыкновенной прочности. Сафьяновые переплеты относятся уже къ болѣе позднему періоду (конецъ 17 вѣка). Разноцвѣтный сафьянъ появляется въ 18 вѣкѣ. Свѣтлая кожа характерна для 18 и 19 вѣковъ. Въ Москвѣ въ синодальной переплетной и у старообрядцевъ выдѣлываютъ и теперь свѣтлые кожаные переплеты по стариннымъ образцамъ.

Прочность старыхъ русскихъ переплетовъ блистательно выдержала испытаніе, подвергаясь необыкновенно сильнымъ переменамъ температуры въ неотопляемыхъ монастырскихъ библіотекахъ, гдѣ въ морозы былъ страшный холодъ, а послѣ того книги оттаивали.

Книга въ древней Руси была драгоценностью и по матеріалу своему, (пергаментъ, да и бумага стоили необычайно дорого) и по своему назначенію. Древніе русскіе люди были очень вѣрующіе и богомольные: Евангеліе, Библія, церковно-богослужебныя—вотъ преимущественно книги старой Руси. Она относилась къ книгѣ съ чрезмѣрнымъ уваженіемъ и какимъ-то священнымъ страхомъ: уронить листъ изъ этой книги на землю считалось большимъ грѣхомъ. Старыя книги, пришедшія въ ветхость, сжигались, какъ сжигались и старыя иконы. Вотъ почему до насъ дошло такъ мало (около 800) древнихъ рукописей 11—14 вѣковъ изъ той массы, которая должна была бы до насъ дойти. Деревянная Русь, безпрестанно выгорающая, много способствовала этому уничтоженію.

Несомнѣнно, были и другіе интересы въ жизни русскаго народа, но они не были закрѣплены письменностью, будучи менѣе ему дороги. Свѣтскіе памятники письменности, дошедшіе до насъ: „Русская Правда“, „Слово о полку Игоревѣ“, указываютъ на то, что русскій народъ также цѣнилъ свою исторію.

Итакъ, разъ книга была посвящена Богу и богослуженію, надо было ее хорошо украсить. Кожу переплета украшали разными набивными

рисунками посредствомъ мѣдныхъ штамповъ. Надо отличать давленіе мѣдными штампами отъ остальныхъ, которые начались только съ середины 19 вѣка. Кожа намачивалась, а штампъ нагрѣвался; къ кожѣ прикладывался листокъ золота, придавливался горячимъ штампомъ и получалось тисненіе. Характеръ тисненія даетъ кое-что для опредѣленія вѣка. Старые кожаные переплеты 14 и частью 15 вѣковъ были вовсе безъ тисненія; если тисненіе бѣдное, значитъ рукопись 15 и 16 вѣковъ. Наоборотъ: съ половины 16 и во время всего 17 столѣтія преобладаетъ тисненіе замѣчательно роскошное, съ массою рамокъ и бордюровъ. Орнаменты рукописей и орнаменты на переплетахъ находятся въ нѣкоторомъ отношеніи. Въ 17 столѣтіи является орнаментъ стиля „Renaissance“ и занимаетъ собой весь переплетъ. Изъ самыхъ обычныхъ орнаментовъ переплета 17 вѣка часто попадаетъ московскій типографскій гербъ (левъ и единорогъ). Въ 18 вѣкѣ идетъ стиль „рококо“.

Переплеты Евангелій съ древнихъ поръ украшались драгоценными камнями—„жуковинами“. Такъ назывались драгоценные камни въ перстняхъ, въ которыхъ они держались или „лапками“, или въ „кастикахъ“ (ободокъ). Это названіе „жуковинъ“ перешло и на другія украшенія переплета. Впослѣдствіи же такъ назывались металлическія выпуклости, препятствовавшія переплету доходить до стола и служившія ему какъ бы ножками. Затѣмъ дѣлались „угольники“—сначала это были металлическія изображенія четырехъ Евангелистовъ, а потомъ и другія изображенія и просто орнаменты. Съ 15 вѣка, какъ и на Западѣ, появляются орнаменты изъ красной мѣди и посреди книги „плацъ“. Это было сначала изображеніе Христа, потомъ другія изображенія, наконецъ всякая драгоценная вещь, бывшая подъ рукой (на Мстиславовомъ Евангеліи, на примѣръ, украшенія изъ княжеской короны). Иногда помѣщали на переплетъ даже старыя печати. Украшали его также филигранью. Жуковины же были очень разнообразны: то въ видѣ плоскаго зерна, то въ видѣ трехъ шариковъ (16 вѣка), то въ видѣ гербовыхъ щитовъ. Иногда онѣ достигаютъ высокой художественности. Съ 17 вѣка на переплетахъ Евангелія появляется то, что теперь зовется „обронная работа“—выбиваніе металла извнутри. Теперь она встрѣчается на иконныхъ ризахъ, а въ древности она была на шлемахъ (12 вѣка) и на Сіонахъ (14 вѣка).

Кромѣ этихъ „набоекъ“ всякаго рода, надо отмѣтить „застежки“ переплета. Застежки попадаютъ у насъ съ 14 вѣка. Первоначально онѣ были вылиты изъ красной мѣди, потомъ изъ желтой. Старыя были безъ орнамента и приколачивались къ переплету самыми простыми грубыми

гроздями, потомъ на нихъ стали появляться орнаменты, въ 16 вѣкѣ вѣзаннаго рисунка, а съ 18 — штампованнаго. Если застежка представляетъ собой цѣлую фигуру, то это признакъ древности переплета, особенно если она покрыта налетомъ — „патиной“, образующей на металлическихъ частяхъ зеленый и темно-коричневый цвѣта. Въ 16 вѣкѣ застежка представляетъ собой продолговатую фигуру, покрыта кружками, какъ бы сдѣланными циркулемъ, и въ такомъ видѣ доходитъ до 17 вѣка. Затѣмъ, ей на смѣну, въ Петровскую эпоху являются новыя застежки, представляющія отлитый и вѣзанный, а впоследствии и штампованный художественный орнаментъ. Въ 16 вѣкѣ появились въ первый разъ завязки изъ кожи или ткани вмѣсто застежекъ, но онѣ особенно характерны для 17 вѣка. Въ данное время старообрядцы подражаютъ древнему переплету, и ихъ нынѣшніе переплеты нельзя иногда отличить отъ древнихъ, но застежки у нихъ не литыя, а штампованныя.

Картонный переплетъ появляется въ 17 столѣтіи, хотя на югѣ Руси раньше. Кто посѣщаль Публичную Библиотеку, тотъ знаетъ, что внутри переплетовъ находятъ иногда удивительныя вещи. Проф. Шляпкинъ нашель переплетъ, который внутри былъ оклеенъ подлинными письмами лексикографа 17 вѣка, Памвы Беринды. Картонъ сначала покрывался красноватой, синеватой или ярко-красной бумагой, въ петровское время — характерной красной бумагой съ золотымъ тисненіемъ. Въ ~~17~~ же вѣкѣ стали оклеивать внутреннія стѣнки переплета разноцвѣтными бумажками, особенно при Елисаветѣ Петровнѣ ¹⁾.

Кромѣ кожи, переплеты крылись еще тканями. Къ сожалѣнію, вопросъ о тканяхъ еще очень мало разработанъ, между тѣмъ какъ изученіе русскихъ тканей въ ихъ историческомъ развитіи, могло бы много дать для опредѣленія времени даннаго переплета. Часто древнія ткани гибнуть въ монастыряхъ, гдѣ старыя облаченія сжигаются для сплава затканнаго въ нихъ серебра.

Въ древней книгѣ надо также обращать вниманіе и на ея обрѣзъ: обрѣзъ пергамента, если онъ вовсе не крашеный, имѣеть сѣроватый оттѣнокъ отъ пыли; окрашивался же онъ въ синій цвѣтъ. Бумажный обрѣзъ: синеватый для болѣе древняго періода (16 вѣка) и красный — для болѣе поздняго (съ 17 вѣка). Золотой обрѣзъ — съ 18, тогда же и мраморный. Тисненія на обрѣзѣ горячимъ способомъ — не ранѣе 17 вѣка.

¹⁾ Въ настоящее время имѣется прекрасное изслѣдованіе г. Симони о переплетномъ дѣлѣ на Руси.

Надо быть вообще очень осторожнымъ при датированіи рукописи и переплета ея: на примѣръ, у Троицкихъ Евангелій (14 вѣка — есть датированная запись на эмали), переплетъ несомнѣнно былъ реставрированъ въ 17 вѣкѣ, и тогда же былъ сдѣланъ обрѣзъ его, съ изображеніемъ на немъ святыхъ и съ надписями 17 вѣка.

Итакъ, вотъ первые внѣшніе признаки рукописи: матеріаль, форматъ, переплетъ, застежки, украшенія и обрѣзъ.

Раскрываемъ рукопись, смотримъ первую ея страницу. Какъ въ старопечатныхъ книгахъ (до 17 в.), такъ и въ рукописяхъ, того, что мы теперь называемъ титуломъ, вовсе не находится. Позднѣе есть заглавіе и оно снабжалось иногда очень затѣливой рамкой стиля „renaissance“: это ксилографія 17-го вѣка.

11-ое столѣтіе, съ котораго начинается большинство нашихъ рукописей, отличается большою близостью къ Византійской культурѣ. Рукописи украшались изображеніями святыхъ (всего чаще евангелистовъ), рѣже князей. Обычно употребленіе виньетокъ, называвшихся „заставками и концовками“, и разрисовка заглавныхъ буквъ-иниціаловъ. Далѣе обычно употребленіе киновари въ заглавіяхъ и прописныхъ буквахъ (отсюда названіе „красная строка“, впоследствии „рубрика“, отъ латинскаго слова „ruber“ — красный). Старая киноварь превосходнаго чистаго, краснаго цвѣта, слегка блеститъ и не размазывается. Съ 17-го вѣка киноварь свѣтлѣе и легко размазывается.

Въ орнаментѣ-же, которымъ иногда украшались рукописи, можно прослѣдить историческое развитіе и найти хронологическія указанія. Литература указана выше: Бутовскій, Стасовъ, Гагаринъ.

Орнаментъ. Въ орнаментѣ и византійскомъ, и русскомъ 11-го вѣка, основнымъ зерномъ въ смыслѣ очертанія является стилизованный растительный рисунокъ: берется листъ растенія, напоминающій клеверъ, затѣмъ художникъ даетъ ему то или другое начертаніе, то съ остріями, то какое-либо иное, и изъ сочетанія этого растительнаго орнамента съ орнаментомъ геометрическимъ, то есть полукруговъ, треугольниковъ и прямыхъ линій и происходитъ византійскій орнаментъ 11-го вѣка. Съ точки зрѣнія окраски, колорита, характерно постоянное употребленіе золота, не матоваго, а блестящаго, очевидно полированнаго копытцомъ или костяной палочкой. Это золото и въ виньеткахъ, и въ заставкахъ, и въ начальныхъ буквахъ сопровождается раскраской трехъ цвѣтовъ: синей, зеленой и красновато-коричневой. Этотъ полурастительный, полугеометрический орнаментъ 11-го вѣка съ золотомъ и тремя основными красками, при мате-

риалъ-пергаментъ, находится въ тѣсной связи съ византійской перегородчатой эмалью.

Въ 12-мъ вѣкѣ въ исторіи русской культуры замѣчается попытка къ самостоятельности, происходитъ зарожденіе русскихъ національных теченій. Замѣтна попытка изобразить свое, то, что русскій народъ видѣлъ кругомъ себя. Народъ носилъ бѣлыя рубашки съ красной оторочкой-вышивкой. Вотъ это-то бѣлое съ краснымъ мы и видимъ отличительной чертой русскаго орнамента 12-го вѣка. Золото исчезаетъ совершенно и уступаетъ мѣсто красному фону. И если орнаментъ 11-го вѣка является подражаніемъ византійской эмали, то въ 12-омъ онъ подражаетъ русской вышивкѣ, и красная плетенка является въ немъ характернымъ признакомъ. Этотъ орнаментъ, конечно, бѣднѣе перваго, но зато оригинальнѣе и самобытнѣе. Онъ встрѣчается, правда, и въ греческихъ рукописяхъ, но только въ тѣхъ, которыя писались въ славянскихъ земляхъ.

13-ый вѣкъ является разгромомъ дикими ордами татаръ всей русской культуры, оставшейся только въ Новгородской области. Съ 13-го вѣка начинается чудовищный, звѣриный или тератологическій орнаментъ (отъ греческаго слова „τέρας“—чудовище). Онъ представляетъ собой на синемъ или синемъ съ бѣлымъ фонѣ сплетеніе какихъ-то лентъ съ красной оторочкой; ленты кончаются головами животныхъ: птицъ, змѣй, пѣтуховъ или изображеніемъ человѣчковъ.

Въ 14-мъ вѣкѣ продолжается чудовищный орнаментъ, но на зеленомъ полѣ—цвѣтѣ знамени Магомета. Въ 14 вѣкѣ южное Славянство потерпѣло разгромъ отъ турокъ. Несомнѣнно, между турками и татарами было взаимоотношеніе, и магометанское искусство вошло въ обиходъ нашихъ покорителей-татаръ. Очень странную гипотезу объ этомъ орнаментѣ высказалъ Стасовъ („Композиція, скрытая въ старинныхъ русскихъ буквахъ“). Онъ вмѣстѣ съ французскимъ ученымъ Виоле-ле-Дюкъ искалъ корней русскаго искусства непосредственно въ Индіи. Что они шли съ Востока, это вѣрно: въ настоящее время начало и самого византійскаго искусства выводятъ изъ Сиріи (Кондаковъ, Стржиговскій, Айналовъ, Рѣдинъ, Байе). Стасовъ отыскивалъ оригиналы русскаго орнамента прямо въ Индіи и пришелъ къ выводу, что мы въ разрисованныхъ буквахъ одного Евангелія (Боголюбскаго) имѣемъ дѣло съ изображеніемъ индусскаго жертвоприношенія многоглавому и многорукому идолу, который и изображенъ въ заставкѣ. Другимъ типичнымъ, совершенно новымъ признакомъ орнамента 14-го вѣка, является вязъ, опять-таки имѣющая что-то общее съ восточными рукописями того-же 14-го вѣка. Кромѣ того: на

синемъ сначала, а потомъ зеленомъ фонѣ чудовищнаго орнамента въ 13 и 14 вѣкахъ появляются бѣлыя точки. Надо замѣтить, что оба эти орнамента являются наиболѣе бѣдными заставками наиболѣе бѣдныхъ культурой вѣковъ русской исторіи.

Въ 15-омъ вѣкѣ мы видимъ новый типъ орнамента: чудовища исчезаютъ, нѣтъ ни драконовъ, ни птицъ, ни человѣчковъ. Рамки, переплеты, плетенки, закругленные концы, слегка напоминающіе птичьи головы, еще сохраняются, но дѣлаются уже. Зато замѣчается необыкновенная пестрота, яркость, какая-то даже дикость красокъ. Орнаментъ напоминаетъ съверный, весенній, цвѣтушій лугъ, въ немъ много желтой и красной краски. Это—новый типъ начинающейся московской культуры, смѣняющей новгородскую. Появляются колеса, рѣшетки, спирали. Полное отсутствіе золота и громадное количество бѣлыхъ точекъ, получаемыхъ отъ неполной зарисовки фона. Чувствуется, что все круги, колеса и треугольники сдѣланы съ помощью циркуля и линейки. Нельзя не отмѣтить, что подобнаго же рода явленіе наблюдается и въ старой русской деревянной рѣзбѣ. Рѣзба съ давнихъ поръ раскрашивалась (Айналовъ). Любопытны остатки очертаній орнаментовъ 15 и 16 вѣковъ, уцѣлѣвшихъ въ рѣзбѣ бересты на буракахъ Устюжскаго уѣзда.

16-ый вѣкъ—расцвѣтъ Москвы. Іоаннъ Грозный принимаетъ титулъ Царя, Москва превращается въ Великое Московское Государство, Третій Римъ, становится какъ бы преемницей Византіи. Оживаютъ Византійскія традиціи, и воскресаетъ византійскій орнаментъ 11-го вѣка, и не только въ Москвѣ, но и въ Новгородѣ. Исчезаютъ бѣлыя точки, колеса и пестрая окраска—господствуетъ богатѣйшій золотой Византійскій орнаментъ. Онъ представляетъ теперь какъ бы драгоценную парчу, на которую наброшенъ кружевной рисунокъ.

Но 16-й вѣкъ оканчивается великою смутой, которая ведетъ къ намъ Западъ и вліяніе нѣмцевъ. У насъ начинаютъ замѣчаться европейскія теченія. Въ 17-омъ вѣкѣ появляется на Руси новый орнаментъ—стиля ренессансъ. Золото исчезаетъ, но растительный орнаментъ наоборотъ, увеличивается: въ основаніи рисунка—цвѣтокъ „аканта“ посреди, съ разрѣзными листьями, а отъ него идутъ въ обѣ стороны симметрично листья и стебли. Краски мало-по-малу исчезаютъ вовсе, входитъ черный цвѣтъ: орнаментъ иногда лишь слегка окрашивается. Появляется ксилографія, и въ началѣ 17-го вѣка въ Москвѣ, на Спаскомъ мосту продаются „входные листы“, готовые рамки для вписыванія заглавія книги.

Русское искусство начинает падать. Въ 18-мъ вѣкѣ рукописи вообще исчезаютъ. Въ Петровскую эпоху орнаментъ еще находитъ себѣ примѣненіе: русскіе рисовальщики къ старому орнаменту стали примѣнять стили рококо и барокко, обильно раскрашивая ихъ красками. У проф. Шляпкина есть святцы и въ нихъ до девяноста раскрашенныхъ рамокъ, все разныхъ рисунковъ. А потомъ прекратились и самыя заставки; онѣ еще встрѣчаются въ рукописныхъ книгахъ библіотекъ крѣпостного времени.

Совсѣмъ отдѣльно стоитъ „Поморское“ рукописное дѣло. Раскольники, отойдя отъ церкви, сѣли въ Олонецкой губерніи и продолжали тамъ русское рукописное дѣло. Поморскія рукописи 17-го вѣка писались по московскимъ традиціямъ 16-го в.: на золотомъ фонѣ, но съ орнаментомъ стилия ренессансъ. Цвѣта въ немъ яркіе, радостные. Заставки писались поморскими дѣвушками, рисунокъ былъ не грубый, въ немъ появляются розы и виноградъ то зеленый, то красноватый. Это поморское письмо продолжалось до Александра Перваго. Потомъ оно прекратилось, но можетъ быть теперь воскреснетъ вновь, со свободой вѣроисповѣданія.

§ 14. Почеркъ рукописей.

Когда имѣется рукопись и требуется ее датировать, то прежде всего обращаютъ вниманіе на почеркъ: по почерку легко опредѣлить уставъ, полууставъ и скоропись.

Конечно есть и переходныя ступени между ними. Самымъ интереснымъ является переходъ отъ полуустава къ скорописи, носящій названіе „мѣтнаго“ письма. Общее понятіе объ уставѣ сводится къ тому, что это письмо прежде всего вертикальное, съ довольно большимъ, но строго опредѣленнымъ разстояніемъ между строками, причемъ буквы не выходятъ изъ строки, а если и выходятъ, то преимущественно внизъ, а не наверхъ. Слова пишутся почти безъ промежутковъ и отдѣляются большею частію точками. Количество надстрочныхъ знаковъ малое, мало и сокращеній. Припомнимъ еще одинъ признакъ: уставъ писался тростынымъ перомъ съ тупымъ расщепомъ, поэтому въ немъ имѣются утолщенія (нажимъ) и болѣе тонкія черты, которыя не могутъ сдѣланы обычнымъ стальнымъ перомъ. Съ 14-го вѣка писали густымъ, лебединымъ, павлиньимъ, даже вороньимъ перомъ. Если самимъ златъ опытъ съ тростниковымъ перомъ (каламомъ), то будетъ ясно, въ

чемъ тутъ разница. Точно также тотъ, кто видѣлъ восточныхъ писцовъ, пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло. Тростниковое перо даетъ сразу верхнее горизонтальное утолщеніе, а обыкновенное перо надо повернуть, и утолщеніе будетъ заострено съ двухъ сторонъ. Хронологически уставъ идетъ черезъ 11, 12, 13 и 14-ый вѣка. Въ 15-омъ сохраняется только въ богослужебныхъ книгахъ, какъ: Евангеліе, Псалтыри, Апостолы, Поми-нанія, и такъ проходитъ черезъ 16 и 17 столѣтія. Что касается письма полууставнаго, то это письмо птичьимъ перомъ разнится отъ устава писаннаго каламомъ. Въ полууставномъ письмѣ разстояніе между строками бываетъ невыдержаннымъ и занято верхними частями буквъ. Преобладаютъ сокращенія. Первоначальныя вертикальныя очертанія буквъ въ полууставномъ письмѣ постепенно начинаютъ дѣлаться нетвердо стоящими, покатыми (можно найти и уставъ, который косъ, но тутъ уже является небрежность). Самыя буквы въ полууставѣ шире и квадратной величины, тогда какъ въ уставѣ онѣ продолговаты. Въ полууставѣ вообще чувствуется беспорядокъ: уставъ вырисовываютъ, а полууставомъ пишутъ. Когда колеблешься между уставомъ и полууставомъ, можно употребить терминъ „переходное“. Надо еще отмѣтить письмо 18-го вѣка „поморское“, съ вертикальнымъ наклоненіемъ шрифта. Поморскія рукописи—всѣ старообрядческія и легко отличаются по особымъ черниламъ и бумагамъ 18—19 вѣковъ. Чернила въ этихъ рукописяхъ обыкновенно бываютъ съ сильной примѣсью металла и просвѣчиваютъ насквозь. Скорописное письмо отличается косою начертанія, отдѣльными сокращеніями, титулами и словами, выходящими черезъ строчку. Это обычное письмо нашихъ грамотъ съ 15-го и рукописей съ конца 16-го вѣка.

§ 15. Краткій перечень памятниковъ древне-русской письменности.

Источникомъ является цѣнная работа Н. В. Волкова „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ 11—15 вѣковъ ихъ указатель“.

Прежде всего перечень всѣхъ рукописей до 14 вѣка вклядаетъ намъ чрезвычайно интересныя указанія не только палеографическаго, но и историко-культурнаго характера. Сколько же р дошло до насъ отъ 11—14 вѣковъ? Всѣхъ рукописей у Волков

вается 691. Проглядывая его списки, можно найти и ошибки (одну рукопись считалъ за двѣ), и сдѣлать добавленіе пергаментовъ, находящихся, напримѣръ, въ Соловкахъ, Вологдѣ, Археографической Коммисіи и въ частныхъ рукахъ. Число русскихъ рукописей отъ 11—14 вѣковъ можно считать 700 штукъ. Въ какомъ положеніи онѣ находятся по столѣтіямъ и какого содержанія? Прежде всего грамоты у насъ съ 12—14 столѣтія 57, причемъ отъ 12 вѣка 2, отъ 13 — 5, отъ 14 в. 50. Это общій подсчетъ, потому что въ Соловецкомъ монастырѣ есть грамоты не скопированныя. Нужно считать грамоты 75, да 5 найдется у разнаго рода любителей, вычтите изъ общаго числа 700, получится 620 рукописей книжныхъ. Является вопросъ объ отношеніи книжной и юридической письменности (это дѣленіе было установлено еще Сахаровымъ въ 40 г.). Затѣмъ еще вопросъ: это все или большій процентъ всѣхъ старыхъ рукописей или много пропало? Обратимся къ грамотамъ и замѣтимъ, что онѣ, какъ юридическій матеріалъ, представляютъ бѣольшую драгоцѣнность, чѣмъ книги; если ихъ немного сохранилось, то книгъ тѣмъ паче. Грамота даетъ право на владѣніе, ее поневолѣ берегутъ. Принимая во вниманіе, что у насъ есть рядъ копій съ грамотъ, мы можемъ сдѣлать выводъ, что количество сохранившихся составляетъ не болѣе 50% того, что было совершено вообще. Что же касается до грамотъ, которыя были распространены между частными лицами, то ихъ было гораздо больше. Укажемъ еще на слѣдующее. Въ Россіи можно опредѣлить количество монастырей. Каждый монастырь долженъ былъ имѣть грамоту на землю. Уже въ 11 столѣтіи монастырей было много, они были созданы богатыми людьми, а не „слезами“, какъ Печерскій монастырь; если былъ рядъ монастырей, основанныхъ богатыми людьми, то должны были быть и грамоты на владѣніе землею, а ихъ совсѣмъ нѣтъ. Древнѣйшая — Мстиславова 12 вѣка.

Отчего у насъ вообще сохранилось мало рукописей?

Прежде всего оттого, что Русь была деревянная, тогда какъ Западная Европа была каменная; дерево-же у насъ истребляется не только временемъ, но и пожарами, а пожаровъ было достаточное количество.

Вторая причина — нашествіе иноплеменныхъ. Если посмотрѣть въ перспективѣ на всю Европейскую Россію и спросить: оставалось ли тамъ хоть одно нетронутое мѣсто — нѣтъ ни одного; менѣе подвергалась нашествію Новгородская область. Да и то приходили князья, которые грабили и жгли Новгородъ: Всеславъ Полоцкій, который даже снялъ колокола (1066 г.). Литовцы, шведы, если и не брали Новгорода, то жгли посады. Остальную

Росію проходили насквозь нѣсколько разъ разныя орды—русскія, печенѣжскія, полоцкія, татарскія. Тутъ погибло много рукописей, и думается, что погибло больше, чѣмъ полагаетъ Волковъ.

Третья причина — опять-таки вещь довольно распространенная у насъ—полное пренебреженіе къ старинѣ. Русскіе простые люди не дорожатъ стариною: если вещь старая, ее нужно бросить. И вотъ въ результатѣ когда какая-нибудь старая рукопись обтрепывалась (сохранившіяся въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ ни начала, ни конца), то ихъ бросали. Отъ этого невѣжества въ старину, масса рукописей погибла. Такое пренебрежительное отношеніе доказывается многими фактами; даже въ наше время, на примѣръ, оклейка вмѣсто обоевъ стѣнъ пергаментными рукописями практикуется въ Вологдѣ: „очень хорошо, когда законопачено, эту кожицу (пергамень) намочить и на полы приклеить“. Но если мы посмотримъ въ болѣе новый періодъ, то и тамъ происходило то же самое. Колокольни нашихъ монастырей были и кладбищами нашихъ рукописей. Проф. Шляпкинъ много ѣздилъ по Россіи и убѣдился, что цѣль еще взглядъ 17 столѣтія: если вообще грамота со „святымъ словомъ“ лежитъ на полу, то на нее ступить нельзя, а рукопись, какъ и икону надо, или сжечь, или на воду пустить, или отнести на самое высокое мѣсто—на колокольню. Рукописи тамъ и лежали. А наши колокольни не только не представляли комфортабельнаго помѣщенія, но подвергаются еще дѣйствию и дождя, и снѣга.

Способствовали гибели рукописей и факты болѣе поздняго времени: преслѣдованія старообрядцевъ, страхъ ревизій, французское нашествіе 1812 г. Вѣроятно, и послѣдніе погромы въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ помогли уничтоженію рукописей.

Рукописи исчезали иногда и у нашихъ ученыхъ. Достанетъ рѣдкую рукопись, а когда умретъ одинокимъ или среди невѣжественной семьи, то рукописи самымъ возмутительнымъ образомъ переходятъ на житейскія потребности. Профессору извѣстна судьба нѣкоторыхъ рукописей Сахарова: ими прямо закуривали въ деревнѣ папиросы.

Сколько же сохранилось рукописей отъ каждаго столѣтія? Оказывается къ 11 в.—21, къ 12—59, между 12 и 13 в.—27, къ 12 в.—110, между 12 и 14 в.—32, къ 14 в.—360, къ концу 14 в.—82.

Откуда онѣ взялись? Мы уже указали, что больше всего должно быть рукописей новгородскихъ. Назовемъ (по Волкову) изъ нихъ самыя главныя: Минеи 1095, 1096 и 1097 годовъ и Минеи Путятинскія, Стихирарь 1157 г., Стихирарь до 1163 г., Прологъ 1192 г., Милятино Евангеліе, 1215 г., Трїодъ Савина 1226 г., Евангеліе до 1232 г., Трефолой 1260

Евангеліе 1270, Паремейникъ 1271, Кормчая 1282 г., Псалтырь 1296, Пандекты Никона Черногорца 1296 г., Поликарпово Евангеліе 1307, Тріодъ 1311, Евангеліе 1323, Прологъ 1323, Минея 1344, Евангеліе 1355, Прологъ 1356, Евангеліе до 1359 г., Евангеліе 1362, Апостоль 1391, Тактиконъ Никона Черногорца 1397, Минея 1398, Служебникъ 1400, Прологъ 1400 г. Къ новгородскимъ памятникамъ относится и Уставъ церковный съ кондакаремъ нач. 12 в., Нижегородскій Кондакаръ 12 в., Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца 12 в., Стихираръ 12 в., Тріодъ постная, Ирмологъ 12 в., Минея 12 в., 10 книгъ Минея 12—13 в., Пантелеймоново Евангеліе конца 12 в., Стихираръ 13 в., Евангеліе Погод. 13 в., Обиходъ церковный 13 в., Служебники 12 и 13 в., Синодальный списокъ лѣтописи 14 в., Евангеліе 14 в., Требникъ гр. Шереметева нач. 14, Октоихи 14 в. и т. д. Въ этомъ перечнѣ нѣтъ мѣста Остромирову Евангелію, хотя оно и относится къ Новгородскимъ рукописямъ. Профессоръ раздѣляетъ то мнѣніе, которое высказалъ Волковъ: что оно написано въ Новгородѣ—это вѣрно, хотя новгородизмовъ въ немъ нѣтъ; что оно кривичскаго говора—возможно; но скорѣе это памятникъ кievскаго письма и переписчикъ его былъ кievлянинъ, бывшій у посадника Остромира въ качествѣ писца. Псковскіе памятники: Евангеліе 1279 г., Апостоль 1307 (очень любопытный), Апостоль 1312, Параклитъ 1369, Прологъ 1383, Параклитъ 1386, Прологъ конца 12 в., Псалтырь 14 в., отрывокъ Евангелія 14 в.

Изъ смоленско-полоцко-витебскихъ: Толстовскій сборникъ 12 в., Евангеліе 1317 г. и Евангеліе 14 в.

Что касается говоровъ вятчскихъ, то памятниковъ ихъ совсѣмъ мало: это два ростовскихъ памятника—Житіе Нифонта 1219 г. и Апостоль 1220. Ярославскій памятникъ—слова Григорія Богослова 1392 г.. Суздалью принадлежитъ извѣстный списокъ лѣтописи 1377 г., называющійся Лаврентьевскимъ.

Затѣмъ мы должны указать на памятники волынско-галицкіе. Ихъ 15: Галицкое Евангеліе 1144 г., Евангеліе 1164 такъ называемое Добролюво, Евангеліе 12 в. Московской Типографской Библіотеки № 7, Выголексинскій сборникъ конца 12 или начала 13 в., Типографское Евангеліе № 6, тоже конца 12 в. или начала 13 в., и Ирмологъ Григоровича того же времени. Затѣмъ 13 и 14 в.: Октоихъ, нѣсколько Евангелій, Лѣствица Архива Мин. Иностр. Дѣлъ 13 в., Житіе Саввы Освященнаго, Поученіе Ефрема Сирина до 1288 г., отрывки Апостола 13 в., Тріодъ конца 13 в., Часословъ 14 в.

Изъ Кіевскихъ памятниковъ немного сохранилось: Евангеліе Юрьевское 1120 г., Тріодъ Моисея Кіевлянина 12—13 в., Лицевая Псалтырь 1397 г.

Всѣ слѣдующіе памятники будутъ или московскаго или средне-болгарскаго письма. По содержанию уцѣлѣло всего болѣе списковъ Евангелія, они составляютъ одну треть всѣхъ уцѣлѣвшихъ книгъ. По расчету Волкова 139, (по нашему около 150) отъ 11 в. — 5, отъ 12 — 13, отъ 13 и 14—98. Списковъ Апостоловъ—18, древнихъ совсѣмъ нѣтъ. Лучше прочихъ книгъ уцѣлѣла Псалтырь и парамейникъ: первая въ количествѣ 33, вторая—27. Богослужебныхъ книгъ 86 списковъ, трефолой, списки тріоди постной и цвѣтной и стихирарей: 32 и 17, ирмологовъ 8; очень много уцѣлѣло твореній отцовъ церкви—78. Это громадное количество показываетъ намъ, что у насъ было нѣкоторое просвѣщеніе. Любопытно отмѣтить, что среди самыхъ отцовъ церкви является у насъ распространенными Пандекты Антіоха, Василия Великаго, Слова Григорія Богослова (которыя любопытны ссылками на классическую литературу). Собесѣдованія Григорія, папы Римскаго, которыя даютъ основу цѣлому ряду разсказовъ о загробномъ мірѣ. Слова Аввы, Дорооея и Эпиктета, которыя названы аскетическими (это показываетъ, что монахи были не чужды стоической философіи). Поученія Ефрема Сирина, Слово Іоанна Дамаскина, Слова Іоанна Златоустаго, Лѣствица Іоанна Лѣствичника, Сказаніе объ антихристѣ Ипполита, еп. Римскаго, Поученія Кирилла Іерусалимскаго, Главы Максима Исповѣдника, Слова Никиты Стифата, Пандекты Никона Черногорца, Слова его же, Тактиконъ, Поученія Симеона Новаго Богослова, Діоптра инока Филиппа, Слова Филооея Синаита, Главы Θεодора Едесскаго, Слова Θεодора Студита. Духовно-нравственные сборники: Житія, Златоструй, Златая Цѣпь, Измарагдъ. Патерикъ Синайскій и Патерикъ Скитскій, Прологъ. Сборники церковнаго и гражданскаго права: Кормчая и Русская правда. Историческія книги: Хроника Георгія Амартола, Хронографъ, Палея, Лѣтопись. Вотъ то, что дошло до насъ въ оригиналахъ до 15 в. Если мы сравнимъ число ихъ съ числомъ копій древнѣйшихъ памятниковъ, которыя дошли до насъ, то перевѣсъ будетъ въ сторону копій. Нѣтъ или мало списковъ свѣтскихъ произведеній Туровскаго. Здѣсь дѣло объясняется не тѣмъ, что у насъ была склонность къ монашеству, но гораздо проще. Гдѣ были каменные постройки? Въ монастыряхъ. Гдѣ должны были уцѣлѣть рукописи? Въ монастыряхъ. Ясное дѣло, что рукописей аскетическаго содержанія дошло до насъ больше, чѣмъ рукописей свѣтскаго характера.

§ 16. Правило научнаго описыванія рукописей.

При описаніи рукописи требуется обязательный отвѣтъ на слѣдующіе двадцать четыре вопроса:

1. Есть-ли у данной рукописи переплетъ или нѣтъ?
2. Есть-ли украшенія на переплетѣ или тисненіе?
3. Есть-ли застежки или завязки?
4. Изъ чего сдѣланъ переплетъ? Какого дерева переплетныя доски?
5. Внутренняя сторона оклеена или нѣтъ?
6. Количество тетрадей, изъ которыхъ состоитъ рукопись, и сколько листовъ въ каждой тетради?
7. Чѣмъ сшиты тетради? Какъ проходятъ эти нити? Задѣланы или просто приклеены?
8. Какой обрѣзъ рукописи (синій или красный)? Или вовсе нѣтъ обрѣза?
9. Есть-ли ленточки наклейки? Есть-ли надрѣзы?
10. Нѣтъ-ли на переплетѣ наклеенной матеріи?
11. Сколько листовъ въ рукописи? Цѣлые-ли они или надорванные? Есть-ли въ ней пустые листы?
12. Величина рукописи, т. е. величина листа въ сантиметрахъ? Величина переплета?
13. На чемъ написана рукопись (на пергаментѣ или на бумагѣ)?
14. Если на пергаментѣ, то толстый-ли пергаментъ или тонкій?
15. Если на бумагѣ, то какая она? Грубая или тонкая? Лакированная или матовая?
16. Есть-ли на бумагѣ водяные знаки: pontuseaux, vergeures, филигрань?
17. Встрѣчается-ли въ рукописи киноварь?
18. Нѣтъ-ли въ рукописи разрисованныхъ иниціаловъ? Какой орнаментъ (т. е. какого характера)?
19. Есть-ли заставки или концовки?
20. Какъ написаны буквы рукописи (раздѣльно или слитно)?

21. Выходятъ-ли отдѣльныя буквы черезъ строчку?
22. Есть-ли знаки препинанія? И какіе?
23. Есть-ли сокращенія словъ?
24. Какого извода рукопись?

Заключая свои лекціи, Профессоръ оставляетъ два главныхъ завѣта:
1) палеографу лучше ошибиться, отнеся рукопись къ болѣе позднему времени, чѣмъ къ раннему и 2) сужденія надо строить не по одному, а по суммѣ признаковъ. Вообще же самое важное для палеографа—практика, навыкъ, а не теорія.